ISSN 2500-0217

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: теория и практика
PRAVOVOE GOSUDARSTVO: teoriya i praktika
THE RULE-OF-LAW STATE: theory and practice

№ 2 (56) 2019 Общественно-политический и научно-правовой журнал
Издается с 2005 года
Журнал выходит ежеквартально [12+]

УДК 340.1+34(091)(05)
ББК 67.0я5

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Председатель:
Макаренко Илона Анатольевна – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа)
Члены редакционного совета:
Арзамаскин Николай Николаевич – д.ю.н, профессор (ФГБОУ ВО "Ульяновский государственный университет");
Балашенко Сергей Александрович – д.ю.н., профессор (Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);
Боголюбов Сергей Александрович – д.ю.н., профессор (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва);
Галиев Фарит Хатипович – д.ю.н. (директор НИИ ППГ, г. Уфа);
Еникеев Зуфар Иргалеевич – д.ю.н., профессор (Председатель Конституционного Суда Республики Башкортостан, г. Уфа);
Комаров Сергей Александрович – д.ю.н., профессор (АНОВО «Международный университет в Москве», г. Москва);
Леруа Кристоф – доктор права, профессор (Université de Perpignan, Франция);
Липинский Дмитрий Анатольевич – д.ю.н., профессор (Тольяттинский государственный университет);
Макарова Тамара Ивановна – д.ю.н., профессор (Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);
Нигматуллин Ришат Вахидович – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);
Петров Александр Васильевич – д.ю.н., профессор (ФГАОУ ВО "Южно-Уральский государственный университет);
Раянов Фанис Мансурович – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);
Сальников Виктор Петрович – д.ю.н., профессор (главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», г. Санкт-Петербург);
Саттарова Нурия Альвановна – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);
Семитко Алексей Павлович – д.ю.н., профессор (Гуманитарный университет, г. Екатеринбург);
Тарасов Александр Алексеевич – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);
Тлепина Шолпан Валерьевна – д.ю.н., профессор (Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан);
Тужилова-Орданская Елена Марковна – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);
Эксархопуло Алексей Алексеевич – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Главный редактор:
Галиев Фарит Хатипович – доктор юридических наук, доцент
Члены редакционной коллегии:
Азнагулова Гузель Мухаметовна – доктор юридических наук, доцент;
Гиззатуллин Равиль Хасанович – доктор юридических наук, доцент;
Касимов Тимур Салаватович – кандидат юридических наук, доцент

УЧРЕДИТЕЛИ
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»;
Учреждение «Научно-исследовательский институт проблем правового государства»

*Выпускающий редактор – **А.Ф. Файзуллина***
*Редактор англоязычных текстов – **З.А. Юсупова***
*Редактор электронной версии – **З.Р. Гиниятова***

Почтовый адрес издательства и редакции: 450005, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Достоевского, 131 – 319

ISSN 2500-0217

THE RULE-OF-LAW STATE: theory and practice

№ 2 (56) 2019 Socio-Political and Academic Law Journal
Since 2005
The Journal is published quarterly [12+]

УДК 340.1+34(091)(05)
ББК 67.0я5

EDITORIAL COUNCIL
Chairperson:
Ilona A. Makarenko – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa)
Editorial Council Members:
Nikolai N. Arzamaskin –Doctor of Law, Professor (Ulyanovsk State University, Ulyanovsk);
Sergey A. Balashenko – Doctor of Law, Professor (Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus);
Sergej A. Bogoljubov – Doctor of Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow);
Farit Kh. Galiev – Doctor of Law (Director of the Rule-of-Law State Research Institute, Ufa);
Zufar I. Enikeev – Doctor of Law, Professor (Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Bashkortostan, Ufa);
Sergei A. Komarov – Doctor of Law, Professor (Moscow International University, Moscow);
Christophe Leroy – Doctor of Law, Professor (Université de Perpignan, France);
Dmitry A. Lipinskiy – Doctor of Law, Professor, (Togliatti State University);
Tamara I. Makarova – Doctor of Law, Professor (Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus);
Rishat V. Nigmatullin – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);
Alexander V. Petrov – Doctor of Law, Professor (South Ural State University);
Fanis M. Rayanov – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);
Victor P. Salnikov –Doctor of Law, Professor (Editor-in-Chief of the Journal "Legal Science: History and Modernity", St. Petersburg);
Nuriya A. Sattarova – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);
Alexey P. Semitko – Doctor of Law, Professor (Liberal Arts University, Yekaterinburg);
Alexander A. Tarasov – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);
Sholpan V. Tlepina – Doctor of Law, Professor (L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan);
Elena M. Tuzhilova-Ordanskaya – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);
Alexey A. Eksarkhopulo – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa)

EDITORIAL BOARD
Editor-in-Chief:
Farit Kh. Galiev – Doctor of Law, Associate Professor
Editorial Board Members:
Guzel M. Aznagulova – Doctor of Law, Associate Professor;
Ravil Kh. Gizatullin – Doctor of Law, Associate Professor
Timur S. Kasimov – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

FOUNDERS
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Bashkir State University»;
Institution «Research Institute of the Rule-of-Law State»

*Executive Editor – **A.F. Faizullina***
*Translation Reviewer – **Z.A. Yusupova***
*On-line Editor – **Z.R. Giniyatova***

Postal address: 450005, Republic of Bashkortostan, Ufa, Dostoevskiy St, 131 – 319

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА. ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Бакулина Л.Т.	Механизм договорного правового регулирования	7
Галикеева И.Г.	Природа общественного договора и ее понимание в отечественной теоретической правовой науке	13
Захарцев С.И. ***Масленников Д.В.*** ***Сальников В.П.***	Теоретико-методологические основания философии права Ф.М. Достоевского как идеолога «предъевразийства»	17
Кулешова Н.Н.	Влияние государственного устройства России на современные концепции национального выражения прав человека	25
Мазурин С.Ф. ***Сальников М.В.***	Правовое государство в России: некоторые концептуальные подходы	32
Пучков О.А.	Трансформация договорного права в условиях информационных технологий: новые тенденции	39
Сахаутдинов Д.Ф.	Статут в английской системе общего права: доктрина и практика	46
Сердюков А.А.	Гандистские принципы в партийных движениях независимой Индии	56
Слеппёв Е.Л. ***Галеева Г.Е.***	К вопросу о конституционализации системы законодательства Республики Башкортостан	62
Чепунов О.И.	Правовые аспекты экономического развития России: возможен ли ожидаемый прорыв?	70
Шемаров В.А.	Социально-правовое предназначение правовых ограничений	77

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Ларин В.Ю.	Исполнение служебных обязанностей как признак оскорбления представителя власти	84
Соколова Е.А. ***Христофорова Е.И.***	Конституционно-правовые основы деятельности по повышению финансовой грамотности населения	89

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО. ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

Брылева Е.А. ***Никитюк С.М.***	Методы стимулирования развития благотворительности в среде отечественного предпринимательства: история и современность	95
Дубровская Т.В.	К вопросу о правовом регулировании расторжения брака в России	101
Мурзабулатов У.М.	Стадийность исполнительного производства – гарантия своевременности исполнения требований исполнительного документа	106
Романова И.Н. ***Скулова И.А.***	Теоретико-правовая характеристика алиментных обязательств: основания и условия	111

Скулова И.А.	К вопросу о присуждении и взыскании алиментов в современной России	118
Тимонина И.В.	Особенности предоставления социальных льгот на транспорте	123
Федотова Д.С.	Системообразующие факторы договоров перевозки пассажиров	127

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Гришин Д.А. ***Гришина Е.В.***	Правовые и организационные аспекты реализации административно-предупредительных мер сотрудниками ФСИН России в особых условиях функционирования учреждений и органов УИС	133
Новикова Ю.Г.	Гражданский иск в уголовном процессе как правовой институт, имеющий двойственную юридическую природу	140
Ремизова Л.С.	Организация деятельности администрации исправительного учреждения по формированию правомерного поведения осужденного к лишению свободы	146
Третьяков И.Л. ***Жабин И.Ю.***	К вопросу о соотношении понятий «потерпевший» и «объект преступления»	150

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Галимханов А.Б.	Тактические особенности допроса обвиняемого с участием защитника	156
Жабин И.Ю.	О значении свойств потерпевшего при характеристике объективной стороны преступления	160
Сошникова И.В. ***Шерпаев В.И.***	Криминалистическая характеристика преступной деятельности в госзакупках	163

МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Нигматуллин Р.В.	Незаконная миграция как угроза интересам народов России	171

РЕЦЕНЗИИ

Раянов Ф.М. ***Галиев Ф.Х.***	Фундаментальная философская книга о праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева, Д.В. Масленникова, В.П. Сальникова «Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. М.: Юрлитинформ, 2019. 376 с.»	177

К АВТОРАМ 183

CONTENTS

**THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE.
HISTORY OF THE DOCTRINES OF LAW AND STATE**

Bakulina L.T.	The mechanism of contractual legal regulation	7
Galikeeva I.G.	Nature of social contract and its understanding in national theoretical law science	13
Zakhartsev S.I. ***Maslenikov D.V.*** ***Salnikov V.P.***	Theoretical and methodological foundations of the philosophy of law of F.M. Dostoevsky as an ideologue of "Pre-eurasianism"	17
Kuleshova N.N.	The influence of the Russian state structure on modern concepts of human rights national expression	25
Mazurin S.F. ***Salnikov M.V.***	The rule-of-law state in Russia: some conceptual approaches	32
Puchkov O.A.	Transformation of contractual law under the conditions of information technologies: new trends	39
Sakhautdinov D.F.	Statute in the English system of common law: doctrine and practice	46
Serdyukov A.A.	Gandhi principles in party movements of independent India	56
Slepnyev E.L. ***Galeeva G.E.***	To the issue of constitutionalization of the legislative system of the republic of Bashkortostan	62
Chepunov O.I.	Legal aspects of Russia's economic development: is an expected breakthrough possible?	70
Shemarov V.A.	Social and legal purpose of legal restrictions	77

**CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW.
ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE ACTIVITIES**

Larin V.Y.	The execution of official duties as a sign of insulting a representative of authorities	84
Sokolova E.A. ***Hristoforova E.I.***	Constitutional law foundations of activities on increasing population's financial literacy	89

**CIVIL AND FAMILY LAW.
BUSINESS AND INTERNATIONAL PRIVATE LAW.
CIVIL AND ARBITRATION PROCEDURE**

Bryleva E.A. ***Nikityuk S.M.***	Methods to stimulate the development of charity among domestic entrepreneurs: history and modernity	95
Dubrovskaya T.V.	To the issue of legal regulation of dissolution of marriage in Russia	101
Murzabulatov U.M.	Stages of enforcement proceedings as a warrant of timeliness of executing enforcement document requirements	106

Romanova I.N. ***Skylova I.A.***	Theoretical and legal characteristics of alimony obligations: foundations and conditions	111
Skylova I.A.	To the issue of awarding and recovering alimony in modern Russia	118
Timonina I.V.	Particularities of providing social benefits in transport	123
Fedotova D.S.	Backbone factors of passenger transport contracts	127

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY.
CRIMINAL EXECUTIVE LAW. CRIMINAL PROCEDURE

Grishin D.A. ***Grishina E.V.***	Legal and organizational aspects of implementing administrative and preventive measures by officers of the Federal Penal Service of Russia in special conditions of functioning of institutions and bodies of the penal system	133
Novikova Y.G.	Civil claim in criminal proceedings as a legal institution having a dual legal nature	140
Remizova L.S.	Organizing the activities of correctional institution authorities on forming legitimate behavior of the person sentenced to imprisonment	146
Tretyakov I.L. ***Zhabin I.Y.***	On the issue of the relationship between the concepts "victim" and "object of crime"	150

FORENSICS.
FORENSIC EXPERT ACTIVITIES

Galimkhanov A.B.	Tactical features of the interrogation of the accused in the presence of the defender	156
Zhabin I.Y.	On the significance of the victim's traits while characterizing the objective side of crime	160
Soshnikova I.V. ***Sherpayev V.I.***	Forensic characteristics of criminal activities in the sphere of state procurement	163

INTERNATIONAL AND EUROPEAN LAW

Nigmatullin R.V.	Illegal migration as a threat to the interests of the peoples of Russia	171

REVIEW

Rayanov F.M.	The fundamental philosophical book on law.	177
Galiev F.Kh.	Review of the monograph by S.I. Zakhartsev, D.V. Maslennikov and V.P. Salnikov «Logos of Law: Parmenides - Hegel - Dostoevsky. On the Issue of the Speculative Logical Foundations of Metaphysics of Law. Moscow: Yurlitinform, 2019. 376 p.»	183

TO THE AUTHORS

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 340.1+34(091)

МЕХАНИЗМ ДОГОВОРНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

БАКУЛИНА Лилия Талгатовна
кандидат юридических наук, доцент, декан Юридического факультета Казанского федерального университета, Россия, г. Казань, Россия. E-mail: bltkfu@mail.ru

Договорное правовое регулирование осуществляется согласованным действием комплекса правовых явлений, сознательно используемых субъектами договорных отношений. Функциональное взаимодействие правовых средств, применяемых в договорно-регулятивной деятельности, находит свое терминологическое выражение в категории «механизм договорного правового регулирования». Анализ существующих в юридической науке подходов к определению механизма правового регулирования позволил сформулировать дефиницию «механизм договорного правового регулирования», выделить его структурные компоненты и сконструировать модели исследуемого явления социально-правовой действительности.

Ключевые слова: механизм, договорное, правовое, регулирование, структурные компоненты, модели, договорно-регулятивной, категория, право.

THE MECHANISM OF CONTRACTUAL LEGAL REGULATION

BAKULINA Liliya Talgatovna
Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Dean of the Faculty of Law of the Kazan Federal University, Kazan, Russia. E-mail: bltkfu@mail.ru

Contractual legal regulation is carried out by coordinated action of a set of legal phenomena consciously used by the subjects of contractual relationships. The functional interaction of legal means used in contractual and regulatory activities finds its terminological expression in the category “mechanism of contractual legal regulation”. The analysis of existing approaches in legal science to determine the mechanism of legal regulation allows to formulate the definition “mechanism of contractual legal regulation”, identify its structural components and construct models of the studied phenomenon of social and legal reality.

Key words: mechanism, contractual, legal, regulation, structural components, models, contractual regulatory, category, law.

Осуществление договорно-регулятивной деятельности обеспечивается согласованным действием целого комплекса правовых явлений, сознательно используемых субъектами договорного правового регулирования для установления и реализации оптимальных моделей поведения. Представление о взаимосвязи и функциональном взаимодействии правовых явлений, используемых в качестве средств договорно-регулятивной деятельности, находит свое терминологическое выражение в понятии «механизм договорного правового регулирования».

Определение понятия «механизм договорного правового регулирования» требует фиксации некоторых общих отправных положений, позволяющих установить его объём и содержание.

Во-первых, исследуемая категория входит в функциональный понятийный ряд правовой науки, являясь своеобразной видовой конкретизацией юридической абстракции «механизм правового регулирования».

В соответствии с общепринятым в юридической науке пониманием, механизм правового регулирования представляет собой «взятую в единстве систему правовых средств, при помощи которых обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения» [1, с. 264].

А.Д. Корецкий, говоря о двояком значении термина «механизм правового регулирования», предлагает рассматривать его в узком (традиционное понимание) и широком смыслах. «В узком смысле механизм правового регулирования есть система юридических средств, призванная привести общественные отношения в соответствие с государственно одобряемыми моделями поведения. В широком смысле механизм правового регулирования есть совокупность непосредственно-социальных и юридических средств объективации и реализации норм естественного права, призванных обеспечить стабильность общественных отношений путем наиболее оптимального сочетания общественных и индивидуальных интересов членов социума в целях создания условий для прогрессивного развития каждой личности, а также реализации её прав и свобод» [6, с. 124].

В гносеологическом плане «механизм правового регулирования» рассматривается как функциональный понятийный ряд – особая подсистема понятий, выражающая взаимодействие различных правовых феноменов в процессе активного воздействия права на общественные отношения [4, с. 213].

Понятийный ряд механизма правового регулирования, отражая логику воздействия права на общественные отношения, разворачивается в следующих категориях: правовые принципы – правотворчество – правовые нормы – юридические факты – правоотношения – субъективное право и юридическая обязанность – индивидуальные акты реализации прав и обязанностей – правопорядок. Каждая из названных категорий в свою очередь получает детализацию в понятийном ряду следующего уровня.

Понятие механизм договорного регулирования имеет иную основу. Оно теоретически воспроизводит конкретную видовую модификацию механизма правового регулирования, складывающуюся в процессе упорядочения договорных отношений. Теоретическая конструкция механизма договорного регулирования выстраивается путём вычленения и объединения тех элементов механизма правового регулирования, которые задействованы в регулировании договорных общественных отношений. Как научная абстракция, механизм договорного правового регулирования образует собственный понятийный ряд, раскрывающийся в категориях, – принципы договорного регулирования – договорные правовые нормы – договорно-регулятивные средства – договорные правоотношения – индивидуальные договорные акты и т.п.

Являясь универсальной общеправовой конструкцией, механизм правового регулирования реально проявляется во множестве отдельных «механизмов» правового регулирования, выражающих специфику соответствующих общественных отношений. С этой точки зрения механизм договорного правового регулирования не составляет особой системы правовых средств, существующей наряду с механизмом правового регулирования. Весь комплекс этих средств является неотъемлемой частью общего механизма правового регулирования.

В связи с этим весьма интересной представляется сформулированная М.Ф. Казанцевым концепция гражданско-правового договорного регулирования в части необходимости разграничивать категории «правовое регулирование договорных отношений» и «правовое договорное регулирование». Исходя из такого посыла, в структуру правового регулирования договорных отношений указанный автор включает следующие регулятивные компоненты: законодательное (общенормативное) правовое регулирование, т.е. правовое регулирование, осуществляемое посредством законов и иных нормативно-правовых актов (во всех случаях); договорное правовое регулирование, т.е. правовое регулирование, осуществляемое посредством договоров (во всех случаях); административное правовое регулирование, т.е. правовое

регулирование, осуществляемое посредством ненормативных административных правовых актов (в отдельных случаях); судебное правовое регулирование, т.е. правовое регулирование, осуществляемое посредством судебных правовых актов (в отдельных случаях) [5, с. 178].

В свою очередь А.Д. Корецкий субстанциональную основу механизма договорного регулирования определяет следующими компонентами: модели договорных отношений, одобренные позитивным законодательством; принципы договорного регулирования; сложившиеся в сфере договорного права обычаи; правовая политика государства, проводимая в сфере договорных отношений, обеспечивающая диалектическое взаимодействие всех элементов друг с другом [7, с. 11-12].

Во-вторых, механизм договорного правового регулирования охватывает весь комплекс правовых средств, используемых в праворегулятивной деятельности. Его элементный состав включает как односторонне-властные, так и договорно-регулятивные средства, различные по своему функциональному назначению и качественной определенности. Однако все они интегрированы договорно-регулятивной деятельностью, подчинены реализации стоящих перед ней целей и «в этом смысле совместимы, хотя противоречивы и разнокачественны» [3, с. 32].

Таким образом, логический объем понятия механизм договорного правового регулирования полностью исчерпывают две группы противоположных по характеру правовых явлений – односторонне-властные и договорно-регулятивные правовые средства. Это позволяет построить две взаимосвязанные модели (или двухкомпонентную модель) механизма общего договорного регулирования и механизма индивидуально-договорного регулирования. В частности, попытки построения механизма правоприменения отдельно от механизма индивидуально-правового регулирования в научной литературе периодически предпринимаются [11, с. 315-321].

В-третьих, важнейшей понятийной характеристикой механизма договорного правового регулирования является функциональный характер взаимосвязей между его элементами. Причём функциональная согласованность устанавливается не только между отдельными компонентами механизма договорного правового регулирования, но и между компонентами и механизмом в целом. Например, А.Ф. Нуртдинова в механизме правового регулирования трудовых отношений выделяет уровни общенормативного, коллективного и индивидуального регулирования, где коллективно-договорные акты выполняют функции первичного правового регулирования; конкретизации содержащихся в нормативно-правовых актах правовых норм; повышения гарантий трудовых прав работников; восполнения пробелов в праве; воздействия на формирование правосознания и содержание государственного регулирования [9].

Это означает, что между компонентным составом механизма договорного правового регулирования и процессом его функционирования существует глубокая взаимозависимость. Иными словами, элементами механизма договорного правового регулирования являются лишь такие правовые явления, которые во взаимодействии непосредственно участвуют в осуществлении его функций.

В рамках отраслевых (прежде всего, цивилистических) исследований существуют определения механизма договорного правового регулирования, акцентирующие внимание на инструментальных и телеологических аспектах. В частности, А.Д. Корецким предложена следующая дефиниция: «Механизм договорного регулирования – это совокупность юридических, идеологических и политических средств, приемов и способов, посредством которых государство оказывает руководящее влияние на заключаемые субъектами права договоры в целях обеспечения их содержания, формы, порядка реализации и прекращения требованиям позитивного права и, как следствие, соблюдения в них разумного баланса публичных и частных интересов» [7, с. 10].

В-четвертых, следует учитывать, что механизм правового регулирования выступает не статичным набором средств, а системой взаимодействующих между собой правовых явлений.

В силу чего сложность и многоуровневость договорно-регулятивной деятельности и разнообразие правовых средств позволяют построить несколько структурных моделей такого механизма.

Построение ***первой модели*** (курсив мой. – Л.Б.) возможно с учетом уровней договорно-регулятивной деятельности.

В структуре механизма договорного правового регулирования возможно разграничение двух подсистем – механизма общего и индивидуального договорного регулирования. Каждая из подсистем складывается из правовых средств, обеспечивающих индивидуальную или общенормативную договорно-регулятивную деятельность. Используемые на индивидуальном и общенормативном подуровнях договорно-регулятивной деятельности правовые средства, благодаря специфике поставленных задач и объекта воздействия, осуществляют различные функции, проявляя те или иные стороны своей качественной определенности.

Подобная точка зрения была высказана в отечественной юридической науке представителями казанской юридической школы. Так, Ф.Н. Фаткуллин говорит о необходимости различать механизм общего правового регулирования и механизм реализации права [12, с. 160-164, 273-295]. Сходной позиции придерживается и Р.В. Шагиева [13, с. 304].

С учетом функционального назначения правовых средств, задействованных в договорном регулировании, возможно формирование ***второй модели*** (курсив мой. – Л.Б.) механизма договорного правового регулирования, в структуре которой выделены следующие компоненты:

1) предваряющие элементы, т.е. создающие саму возможность договорного регулирования, к которым относятся:

а) нормы права, допускающие договорное регулирование соответствующих отношений;

б) правосубъектность сторон.

Причем, если для физических лиц определяющую роль играет дееспособность, то для юридических лиц – правоспособность, которой должна соответствовать договорная деятельность, а для публичных субъектов – полномочия, которые при нормативном договорном регулировании связаны с правотворческой компетенцией соответствующих лиц.

2) регулятивные элементы – центральное звено механизма договорного регулирования – непосредственно определяющие модели поведения субъектов договорных правоотношений, согласованные сторонами и прямо направленные на удовлетворение их интересов. Их образуют:

а) субъективные права и

б) юридические обязанности.

3) обеспечительные элементы, которые непосредственной регулятивной нагрузки не несут, но обеспечивают осуществление моделей поведения, выработанных сторонами. В качестве таковых выступают:

а) правоприменительный акт;

б) меры обеспечительного воздействия (потеря задатка и проч.);

в) меры юридической ответственности.

С учетом стадий правового регулирования, предложенных впервые С.С. Алексеевым [2, с. 26] и разделяемых сегодня значительным числом ученых-теоретиков, возможна ***третья модель*** (курсив мой. – Л.Б.) механизма договорного правового регулирования:

1) стадия формирования юридических норм, регламентирующих договорные отношения;

2) стадия возникновения договорных правоотношений;

3) стадия реализации субъективных прав и юридических обязанностей субъектами договорных отношений;

Следует отметить, что в цивилистических исследованиях данная стадия часто определяется как «исполнение договорных обязательств», в результате чего фактически на этой стадии заканчивается действие механизма договорного регулирования гражданских правоотношений. «Поэтому надлежащее исполнение договорного обязательства является завершающей

стадией правового регулирования и финальным элементом механизма правового регулирования, желаемым для законодателя конечным результатом для развития каждого договорного правоотношения» [10, с. 50-53].

4) стадия применения права (факультативная стадия).

Факультативность означает то, что не каждое правоотношение с необходимостью порождает спор или правонарушение, которые требуют правоприменительных действий (акта). Напротив, законодатель исходит из того, что большинство правовых норм реализуется добровольно субъектами правоотношений в их правомерном поведении.

Полагаем, выделенная С.С. Алексеевым данная стадия применительно к механизму правового регулирования общественных отношений в целом, предполагает особенности при её «наложении» на договорное регулирование. Несомненно, в случае реализации как негативных, так и позитивных санкций правовых норм необходим правоприменительный акт. Что касается нарушения договорных обязательств сторонами либо поощрения за их эффективное выполнение, то эта часть отношений может быть зафиксирована в самом договоре и реализуется сторонами добровольно, без вмешательства правоприменителя. Однако в случае конфликтной ситуации и обращения в юрисдикционные органы с неизбежностью возникает правоприменительная деятельность, и соответствующая стадия применительно к договорным отношениям становится необходимой.

Использование методологии системно-деятельностного подхода к исследованию динамичной стороны договорного правового регулирования позволяет констатировать, что изменения, происходящие в механизме правового регулирования в целом (и договорного регулирования в частности) в результате его функционирования, которые трансформируют и модифицируют его, относятся и к изменениям самого правового механизма как целого, что по сути является результатом проявления его внутрисистемных свойств. Как справедливо отмечает С.П. Нарыкова, развитие механизма правового регулирования фактически представляет собой изменения между состояниями правовой системы, которые могут происходить либо внутри механизма (между его компонентами), либо изменять целостность механизма. «Число и характеристики компонентов, составляющих правовой механизм, не являются постоянными величинами и в результате его функционирования могут претерпевать значительные изменения. Применение системного подхода предполагает учитывать не столько количество элементов, сколько их свойства (функции), определяемые характером связи между ними» [8, с. 16-17].

Изложенное позволяет сформулировать следующее определение: механизм договорного правового регулирования представляет собой систему согласованно функционирующих односторонне-властных и договорно-регулятивных правовых средств, с помощью которых устанавливаются и реализуются оптимальные модели поведения участников договорных отношений с учетом сбалансированности частных, государственных и общественных интересов.

Библиографические ссылки

1. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Норма, 2002.
2. Алексеев С.С. Общая теория права. В 2 т. Т. II. М. : Юрид. лит., 1982.
3. Афанасьев В.Г. Системность и общество. М. : Политиздат, 1980.
4. Васильев А.М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М. : Юрид. лит., 1976.
5. Казанцев М.Ф. Договорное регулирование: Цивилистическая концепция. Екатеринбург : УрО РАН, 2005.
6. Корецкий А.Д. Теоретико-правовые основы учения о договоре / отв. ред. П.П. Баранов. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001.

7. Корецкий А.Д. Теория договорного регулирования гражданско-правовых отношений : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007.
8. Нарыкова С.П. Системный подход к исследованию механизма правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
9. Нуртдинова А.Ф. Коллективно-договорное регулирование трудовых отношений: теоретические проблемы : дис. … д-ра юрид. наук. М., 1998.
10. Огородов Д.В., Челышев М.Ю. Смешанный договор и вопросы теории правового регулирования // Законодательство и экономика. 2007. № 3. С. 50-53.
11. Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М. : Формула права, 2008.
12. Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права : курс лекций. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1987.
13. Шагиева Р.В. Концепция правовой деятельности в современном обществе. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2005.

References

1. Alekseyev S.S. Voskhozhdeniye k pravu. Poiski i resheniya (The ascent to law. Searches and solutions). 2-ye izd., pererab. i dop. Moscow, Izdatel'stvo Norma, 2002.
2. Alekseyev S.S. Obshchaya teoriya prava (The general theory of law). V 2 t. T. II. Moscow, Yurid. lit., 1982.
3. Afanas'yev V.G. Sistemnost' i Obshchestvo (Systemacy and society). Moscow, Politizdat, 1980.
4. Vasil'yev A.M. Pravovyye kategorii: metodologicheskiye aspekty razrabotki sistemy kategoriy teorii prava (Legal categories: methodological aspects of developing a system of categories of theory of law). Moscow, Yurid. lit., 1976.
5. Kazantsev M.F. Dogovornoye regulirovaniye: Tsivilisticheskaya kontseptsiya (Contractual regulation: Civil concept). Yekaterinburg, UrO RAN, 2005.
6. Koretskiy A.D. Teoretiko-pravovyye osnovy ucheniya o dogovore (Theoretical and legal foundations of the theory of contract), otv. red. P.P. Baranov. St. Petersburg, Yurid. tsentr Press, 2001.
7. Koretskiy A.D. Teoriya dogovornogo regulirovaniya grazhdansko-pravovykh otnosheniy (Theory of contractual regulation of civil law relations), avtoref. dis. … d-ra yurid. nauk. Rostov-na-Donu, 2007.
8. Narykova S.P. Sistemnyy podkhod k issledovaniyu mekhanizma pravovogo regulirovaniya (System approach to the study of the mechanism of legal regulation), dis. ... kand. yurid. nauk. Moscow, 2006.
9. Nurtdinova A.F. Kollektivno-dogovornoye regulirovaniye trudovykh otnosheniy: teoreticheskiye problemy (Collective contractual regulation of labor relations: theoretical problems), dis. … d-ra yurid. nauk. Moscow, 1998.
10. Ogorodov D.V., Chelyshev M.Yu. Smeshannyy dogovor i voprosy teorii pravovogo regulirovaniya (Mixed contract and questions of theory of legal regulation). *Zakonodatel'stvo i ekonomika*, 2007, No. 3, pp. 50-53.
11. Tikhomirov Yu.A. Pravovoye regulirovaniye: teoriya i praktika (Legal regulation: theory and practice). Moscow, Formula prava, 2008.
12. Fatkullin F.N. Problemy teorii gosudarstva i prava : kurs lektsiy (Problems of theory of state and law: course of lectures). Kazan', Izd-vo Kazanskogo un-ta, 1987.
13. Shagiyeva R.V. Kontseptsiya pravovoy deyatel'nosti v sovremennom obshchestve (The concept of legal activity in modern society). Kazan', Izd-vo Kazan. un-ta, 2005.

Дата поступления: 11.02.2019 *Received: 11.02.2019*

УДК 340.1+34(091)

ПРИРОДА ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА И ЕЕ ПОНИМАНИЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПРАВОВОЙ НАУКЕ

ГАЛИКЕЕВА Ирина Гаязовна
кандидат юридических наук, доцент Институт права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: galikeeva_notary@mail.ru

Институт общественного договора, широко используемый в обществоведении зарубежных стран, в нашей стране до сих пор не получил ни правильного его понимания, ни практики широкого использования в отечественных общественных науках. В настоящее время в нашей стране об этом институте можно найти отдельные сведения лишь в рамках науки «Теория государства и права». Здесь общественный договор упоминается, но в исключительно критическом тоне, и только в теме, посвященной происхождению государства. Настоящая статья нацелена на осмысление такого, сложившегося положения, и показу более широких возможностей использования института общественного договора и в нашей стране.

Ключевые слова: общественный договор, понимание, отечественный, теоретический, правовой, наука, соотношение, возможности, расширение, диапазон.

NATURE OF SOCIAL CONTRACT AND ITS UNDERSTANDING IN NATIONAL THEORETICAL LAW SCIENCE

GALIKEEVA Irina Gayazovna
Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Institute of Law of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Bashkir State University", Ufa, Russia.
E-mail: galikeeva_notary@mail.ru

The institute of social contract, widely used in social science of foreign countries, has not yet received either its correct understanding or the practice of wide use in Russian social sciences. At present in our country, one can find item information about this institute only in terms of the science "Theory of State and Law". Here social contract is mentioned, but only critically, and only in the topic devoted to the origin of the state. This paper aims to find meaning in this current situation and to show the wider possibilities for using the institution of social contract in our country.

Key words: social contract, understanding, national, theoretical, legal, science, correlation, possibilities, expansion, range.

Взяться за написание этой статьи нас подтолкнуло продолжающееся отрицательное отношение к теории общественного договора в отечественной теоретической правовой науке. Можно взять в руки любой учебник по дисциплине «Теория государства и права» и там, в главе, где речь идет о происхождении государства, вы можете встретить некое, но в целом, отрицательное и даже критическое отношение к институту «общественный договор». Такое отношение к институту «общественный договор» начало складываться с самого первого периода появления в нашей стране самостоятельной учебной и научной дисциплины под названием «Марксистско-ленинская теория государства и права». Как известно, все это происходило в конце 30-годов прошлого века. Конечно, учебная и научная дисциплина, с таким названием, все вопросы, связанные с государством и правом, раскрывала с позиций марксистско-ленинского учения об обществе, о государстве и о праве. В этих условиях отечественная теоретическая правовая наука, отмечая лишь некоторые прогрессивные стороны общественного договора (за критику его сторонниками божественной теории происхождения государства, за увязку происхождения госу-

дарства с деятельностью самих людей), все же в целом теорию договорного происхождения государства с научной точки зрения отвергала и продолжает отвергать.

Так, в одном из учебников советского периода читаем: «теория договорного происхождения государства явилась мощным идейным оружием в борьбе с феодальными государственно-правовыми учреждениями. Тем не менее, и она оказалась несостоятельной в научном отношении, ибо в принципе выводила государство и право из идеалистических предпосылок – непосредственно из сознания и воли людей, а не из экономических отношений общества» [1, с. 46]. Критика с таким содержанием недостатка теории общественного договора была характерной для всех учебников по теории государства и права советского периода. Более того, многие учебники того периода материалы о договорном происхождении государства подавали в параграфах, посвященных критике до буржуазной и буржуазной теории происхождения государства и права. Так, проф. М.Н. Марченко, специально выделив параграф «Критика добуржуазных и буржуазных теорий происхождения государства и права», в под параграфе выделяет «Теорию договорного происхождения государства и права», где довольно подробно рассматривает историю этой теории. Далее он приходит к общему выводу, где пишет: «Оценивая договорную теорию происхождения государства и права, следует учитывать, что она явилась мощным теоретическим оружием в борьбе буржуазии за ликвидацию феодального государства и права и в этом плане сыграла прогрессивную роль в истории. А наиболее выдающиеся представители этой теории (Ж.-Ж. Руссо, А.Н. Радищев) делали из нее революционно-демократические выводы, прямо призывая к свержению тиранов и узурпаторов, грубо нарушающих условия договора.

Вместе с тем, в научном отношении договорная теория несостоятельна. Образование государства и права она объясняет исходя не из материальных предпосылок, а сугубо идеалистически – мнением людей, их разумом. Государство и право рассматриваются этой теорией вне развития, как вечная и неизменная сущность. Это свидетельствует о метафизическом характере договорной теории» [2, с. 26].

В постсоветский период учебники по теории государства и права не только существенно, но, как нам представляется, вовсе не изменили своего критического тона и придания особого своего смысла понимания теории и практики общественного договора. Так, в одном из учебников, опубликованном уже в 2001, т.е. уже в зрелое постсоветское время, в рамках темы «Происхождение государства и права» также специально выделяется договорная теория происхождения государства. Возникновение этой теории здесь отнесли к «глубине веков», в частности, к временам Древней Греции. В качестве авторов этой теории здесь упоминаются Эпикур, Г. Гроций, Б. Спиноза, А. Радищев, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.Ж. Руссо и, причем, именно в такой последовательности. В выводах, сделанных по поводу этой теории, авторы пишут: «Теория договорного происхождения государства не отвечает на вопросы, где, когда и каким образом состоялся общественный договор, кто был его участником или свидетелем. Нет, похоже, и исторических доказательств, которые бы дали на них ответ. Словом, данная теория страдает антиисторизмом, но это не лишает ее научной ценности» [3, с. 46].

Примерно с такими же аргументами теория договорного происхождения государства критикуется и в других учебниках по дисциплине «Теория государства и права» постсоветского периода. Во всяком случае мы не нашли ни одного отечественного учебника, где бы теория договорного происхождения государства в целом поддержалась бы однозначно. Характерно и то, что во всех этих учебниках об общественном договоре упоминается лишь в теме происхождения государства и, подчеркнем специально, – больше ни в одном другом месте этой обширной дисциплины.

С нашей точки зрения, все это происходит потому, что в нашей стране, во-первых, общественный договор почему-то принято понимать лишь в качестве института, относящегося исключительно только к вопросам происхождения государства. Во-вторых, потому что в

нашей стране понятию «общественный договор» придается, в основном, другой смысл, у нас сложилось другое представление о нем. Между тем, если задать любому разумному человеку вопрос о том, что он понимает под общественным договором, то, скорее всего, он начнет вести разговор о договоренностях людей между собой при создании каких-то организаций для выполнения определенных задач и для достижения каких-то понятных для всех целей. Именно так принято понимать порядок создания и деятельности всевозможных предприятий и организаций представителями, по существу, всех отраслей права отечественной юридической науки. Так, например, проф. Ю.А. Тихомиров в своей работе «Коллизионное право» в параграфе, названном «Переговоры и достижение договоренности» в своих рассуждениях о договорах очень подробно раскрывает содержание Закона Российской Федерации «О коллективных договорах и соглашениях». Далее продолжая всесторонне раскрывать тему договоров в обще социальном смысле, он приходит к следующему выводу: «Гражданское согласие достигается благодаря признанию и обеспечению прав и свобод человека и гражданина, баланса социальных интересов, стабильности государственных и общественных институтов. Общественный договор Ж.-Ж. Руссо и Договор об общественном согласии в России 1994 г. – вот вектор движения в этом направлении» [4, с. 105].

К теме договоров, особенно в процессе создания всевозможных предприятий и организаций обращаются и представители других отраслей права Российской Федерации. Так, в учебнике «Аграрное право» в специальную главу выделены «организационно-правовые формы сельскохозяйственных коммерческих организаций», где раскрываются подробные взаимоотношения в сельскохозяйственных «организациях, занимающихся предпринимательской деятельностью» [5, с. 281]. В этих разделах учебника как раз речь идет о разновидности общественного договора, но, конечно, не в области происхождения государства, а в области формирования объединения людей, в данном случае – в различные коммерческие организации, занимающиеся предпринимательской деятельностью в сфере сельского хозяйства.

Если глубже вникнуть в природу общественного договора и попытаться обозреть его диапазон распространенности, то его можно встретить не только при рассмотрении вопросов происхождения государства и формировании других объединений людей для совместной деятельности, но и во многих других сферах и случаях. В частности, как нам представляется, речь идет о некоем общественном договоре и тогда, когда, например, говорят о переходе от унитарного государства к федеративному устройству государства. Применительно именно к федеративному государству принято даже выражаться о договорном федеративном государстве. С нашей точки зрения, об общественном договоре речь идет и тогда, когда читаем: «Ст. 11 Конституции Российской Федерации никак не ограничивает сферу применения договоров о разграничении предметов ведения и объемов полномочий: такие договоры могут быть заключены и по вопросам, относящимся к ведению Российской Федерации» [6, с. 20-21].

Конечно, мы здесь вовсе не хотим отстаивать необходимость или, напротив, ненужность договорного федеративного государства. Тем более известно, что вовсе «необязательно, чтобы все крупные государства были федеративными. Возникнув на начальной стадии демократизации общества, идеи федеративного государства могут реализоваться как таковые, а могут и сразу трансформироваться в унитаристские» [7, с. 114]. О примерах использования института общественного договора при формировании и функционирования федеративного государства, здесь мы вспомнили лишь потому, чтобы показать диапазон всевозможных представлений об общественном договоре или о договоре, имеющем широкие обществоведческие характеристики и функции. Нам бы хотелось, чтобы обществоведческое значение этого института не умалялось и в нашей стране. Мы полностью согласны с профессорами Ф.Х. Галиевым и Ф.М. Раяновым, которые, обращаясь к «организационно-ресурсным механизмам, с помощью которых можно обеспечить успешное развитие всего государственно-организованного сообщества» вполне закономерно выходят на позиции общественного дого-

вора. Они пишут: «Среди этих механизмов на первое место мы бы выдвинули тот институт, который в современном обществоведении получил название «общественный договор». Во многих современных странах общественный договор уже давно стал важнейшим институтом обществоведения, а затем трансформировался в институт конституционализма» [8, с. 59]. Хотелось бы, чтобы отечественная теоретическая правовая наука в целом также изменила свое отношение к институту общественного договора.

Библиографические ссылки

1. Теория государства и права : учебник. 2-е изд. / под ред. А.М. Васильева. М. : Юрид. лит., 1983.
2. Теория государства и права : учебник / под ред. М.Н. Марченко. М. : Издательство Московского университета, 1987.
3. Теория государства и права : учебник для вузов. 2-е изд. изм. и доп. / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. М. : Норма, 2001.
4. Коллизионное право : учебник и научно-практическое пособие / Ю.А. Тихомиров. М., 2001.
5. Аграрное право : учебник для вузов / С.С. Акманов и др.; под ред. Г.Е. Быстрова и М.И. Козыря. М. : Юристь, 2000.
6. Раянов Ф.М. Система законодательства Республики Башкортостан как субъекта Российской Федерации // Система законодательства Республики Башкортостан: становление и дальнейшее развитие : материалы Республиканской научно-практической конференции (27 февраля 1996 г., г. Уфа). Академия наук Республики Башкортостан. Уфа, 1996.
7. Раянов Ф.М. Развитие современных представлений о сущности федеративного государства // Российский юридический журнал. 1999. № 1 (21). С. 110-118.
8. Галиев Ф.Х., Раянов Ф.М. Обществоведение в XXI веке: теоретико-правовой аспект. Уфа : Башк. энцикл., 2018.

References

1. Teoriya gosudarstva i prava (Theory of State and Law), uchebnik. 2-ye izd., pod red. A.M. Vasil'yeva. Moscow: Yurid. lit., 1983.
2. Teoriya gosudarstva i prava (Theory of state and law), uchebnik, pod red. M.N. Marchenko. Moscow : Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1987 .
3. Teoriya gosudarstva i prava (Theory of state and law), uchebnik dlya vuzov, 2-ye izd. izm. i dop., pod red. V.M. Korel'skogo i V.D. Perevalova. Moscow : Norma, 2001.
4. Kollizionnoye pravo (Conflict of laws), uchebnik i nauchno-prakticheskoye posobiye, Yu.A. Tikhomirov. Moscow, 2001.
5. Agrarnoye pravo (Agrarian Law), uchebnik dlya vuzov, S.S. Akmanov i dr., pod red. G.Ye. Bystrova i M.I. Kozyrya. Moscow: Yurist', 2000.
6. Rayanov F.M. Sistema zakonodatel'stva Respubliki Bashkortostan kak sub"yekta Rossiyskoy Federatsii (The legislation system of the Republic of Bashkortostan as a subject of the Russian Federation). *Sistema zakonodatel'stva Respubliki Bashkortostan: stanovleniye i dal'neysheye razvitiya*, materialy Respublikanskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (27 fevralya 1996 g., g. Ufa). Akademiya nauk Respubliki Bashkortostan. Ufa, 1996.
7. Rayanov F.M. Razvitiye sovremennykh predstavleniy o sushchnosti federativnogo gosudarstva (The development of modern ideas on the essence of a federative state). *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 1999, No. 1 (21), pp. 110-118.
8. Galiyev F.KH., Rayanov F.M. Obshchestvovedeniye v XXI veke: teoretiko-pravovoy aspekt (Social Science in the 21st Century: Theoretical and Legal Aspect). Ufa, Bashk. entsikl., 2018.

Дата поступления: 12.05.2019 *Received: 12.05.2019*

УДК 340.1+34(091)

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО КАК ИДЕОЛОГА «ПРЕДЪЕВРАЗИЙСТВА»

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович
доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской Академии наук, заведующий кафедрой адвокатуры и организации правоохранительной деятельности Российского государственного социального университета, г. Москва, Россия.
E-mail: Sergeyivz@yandex.ru
МАСЛЕННИКОВ Дмитрий Владимирович
доктор философских наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных дисциплин Юридического института (Санкт-Петербург), г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: dwm61@inbox.ru
САЛЬНИКОВ Виктор Петрович
доктор юридических наук, профессор, главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность, г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: Fonduniver@bk.ru

Достоевский оценивается одновременно как основоположник русской философии права и как один из предшественников идеологии евразийства. Философское учение Достоевского о единстве субъективной и объективной форм всеобщей гармонии мира в сочетании с его учением об абсолютной свободе человека как оправдании этой гармонии может рассматриваться как теоретико-методологическое основание современной философии права и государства, отвечающей базовым принципам евразийства.

Ключевые слова: право, государство, философия права, рефлексия, евразийство, Достоевский.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE PHILOSOPHY OF LAW OF F.M. DOSTOEVSKY AS AN IDEOLOGUE OF "PRE- EURASIANISM"

ZAKHARTSEV Sergey Ivanovich
Doctor of Law, Associate Professor, Leading Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Bar and Organization of Law Enforcement Activities of the Russian State Social University, Moscow, Russia.
E-mail: Sergeyivz@yandex.ru

MASLENIKOV Dmitry Vladimirovich
Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanitarian Disciplines of the Law Institute (St. Petersburg), St. Petersburg, Russia. E-mail: dwm61@inbox.ru

SALNIKOV Viktor Petrovich
Doctor of Law, Professor, Editor-in-Chief of the Journal "Legal Science: Past and Present", St. Petersburg, Russia.
E-mail: Fonduniver@bk.ru

Dostoevsky is estimated at the same time as the founder of Russian philosophy of law and as one of the predecessors of the Eurasian ideology. Dostoevsky's philosophical doctrine on the unity of subjective and objective forms of universal harmony of the world in combination with his doctrine of absolute freedom of man as an excuse for this harmony can be regarded as the theoretical and methodological basis of modern philosophy of law and state that meets the basic principles of Eurasianism.

Key words: law, state, philosophy of law, reflection, Eurasianism, Dostoevsky.

Выдающийся русский ученый-юрист и философ П.И. Новгородцев, сыгравший самую значительную роль в становлении идеологии евразийства, в своей статье «О своеобразных элементах русской философии права» говорил о Ф.М. Достоевском как о действительном ос-

новоположнике отечественной философско-правовой мысли [6, с. 510-512]. В этом можно видеть прямое указание на значение Ф.М. Достоевского не только как предшественника евразийства, о чем уже давно пишут современные исследователи [5, с. 32; 8; 9; 19], но и на актуальность его идей для разработки философско-правовой концепции, которая могла бы быть интегрирована в современную евразийскую геополитическую и философскую теорию.

Философию права Н.Н. Алексеева, которого принято считать разработчиком правовой концепции евразийства, мы не видим в этом качестве по целому ряду оснований, не подлежащих обсуждению в данной статье. Отметим лишь узкую и недостаточную для решения столь масштабной задачи теоретико-методологическую базу феноменологической традиции в постклассической философии, на которую опирался Н.Н. Алексеев. Лишь актуализация всего истинного содержания историко-философского процесса, возможность которой задается ее логической формой, выработанной И. Кантом, И.Г. Фихте и Г.В.Ф. Гегелем [10, с. 5-10; 3, с. 16-20], может быть соразмерной этой задаче. Достоевского мы видим продолжателем этой традиции классической философии, а также философом, вносящим в нее последний штрих, необходимый для достижения ею степени предельной определенности. А именно: В философии немецких классиков наука и научное мышление получили вполне определенный результат своего исторического развития, заключающийся в методе понимания всеобщего единства мира (точнее говоря: всеобщего единства мышления и бытия). Именно этот метод реализуется в монистическом понимании сущности права [2, с. 19; 20, с. 21-22]. Тем самым поставленная античными философами в начале истории философии проблема возможности мышления единого бытия была решена в ее исходе [18, с. 35-38]. Но после Гегеля этот результат для своей окончательной огранки должен быть дополнен еще и ответом на сократический вопрос: Что значит это единство и гармония для конкретного человека? История повторяется на новом витке: в дискурсе онтологической проблематики бытия должно быть раскрыто нравственное содержание человека. И эту проблему ставит и по-своему ее решает Ф.М. Достоевский [16, с. 72-77; 17, с. 190-196; 19, с. 72-77].

Для классической философии истинная мысль есть лишь мысль о бытии, а точнее: мысль бытия, полностью тождественная со своим объектом (Парменид) [3, с. 34-38]. Мысль о небытии и его формах: о лжи, зле, несправедливости, несвободе, не-праве и др., может означать лишь одно. А именно: свою собственную абсолютную отрицательность, полную негацию мысли. Таким образом, мысль о небытии можно зафиксировать только как рефлексию абсолютной отрицательности мышления (и бытия). Рефлексия не есть мысль, хотя и составляет необходимый момент процесса мышления. Если специально исследовать с этой стороны форму рефлексии, то станет ясно, как может быть схвачено в мысли небытие и зло и (что самое главное), как оно может быть в этом схватывании удерживаемо, благодаря чему злу дается «видимость» небытия. В этой связи стоит отметить, что черт и у Ивана Карамазова, и у Адриана Леверкюна, также лишен субстанциальности, не является чем-то существующим, а есть лишь удерживаемый плод рефлексии их мышления. Великие художники точно зафиксировали сам способ «существования» субъекта зла. Отцы Церкви учили, что дьявол и бесы мертвы, ибо для них «падение» – это тоже, что смерть. Но их бессубстанциальность еще не означает их бессубъектности. Рефлексия – механизм присутствия в мире бессубстанциального субъекта. Поэтому не всякое содержание, наполняющее сознание человека, может быть названо мыслью в этом, высоком, смысле слова. Сознание человека в большинстве своем заполнено или пустыми грамматическими конструкциями, имитирующими понятие, или пустыми порождениями рефлексии, которые не имеют отношения к действительному бытию. Эту пустоту рефлексирующего мышления Достоевский связывал с образами «фантастического», которые занимают очень важное место в его творчестве и которые противопоставляются действительному постижению истины.

Прежде всего – это образы «фантастического человека», начиная с «подпольного человека» и «логического самоубийцы» из «Дневника писателя». Источником их «фантастичности» является рефлексия, разделяющая мое эмпирическое Я и гармонию всеединства. Эта рефлексия оставляет необходимый момент мышления, поскольку гармония не будет всеобщей, если не охватит и мое рефлексирующее эмпирическое Я (об этом будет подробнее сказано ниже, когда речь пойдет о гегелевском понятии «всеобщего духа» в его философии религии). Но не преодоление этой разделенности за счет развития гармонии в моем духовном пространстве самовозрастающего Логоса, а ее удерживание и фиксация – вот выбор «фантастического человека» и этот выбор уже имплицитно заключает в себе смерть.

Мышление не является только индивидуальным процессом, воплощенным в продукты размышления. Человек реализует мышление и в произведениях искусства, и в архитектурных проектах, и в проектах геополитических, и в создаваемых им формах права и государства – то есть во всем объеме исторической человеческой практики (если, конечно, не понимать практику по-бэконовски). Поэтому от образов «фантастического» человека Достоевский поднимается до образов «фантастического» города, и «фантастического» государства…

Таким «фантастическим» городом писателю видится Петербург, о котором он говорил, как о «самом отвлеченном и умышленном городе на всем земном шаре. (Города бывают умышленные и неумышленные)». Фантастический, отвлеченный, «умышленный» город-мираж не возникает из жизни, из почвы, из движения истории (Позже О. Шпенглер предлагал присмотреться к Петербургу тому, кто хочет понять, чем были города «химерической» эллинистической культуры). И эта, не связанная с почвой бытия идея, получив видимость образа и формы, отравляет действительную почву, вносит начала смерти и тления в живую жизнь (для Достоевского смерть вовсе не является физиологическим актом, в известном смысле смерти вовсе нет; смерть – это процесс тления, что очень образно передано в рассказе о петербургском кладбище «Бобок»). В этом «фантастическом» и «умышленном» городе люди селятся в комнаты, напоминающие гробы («Преступление и наказание»), в пустоте которых гаснут мысли и зарождаются мертвые, но оттого не менее активные, бесы. Сам «умышленный» Петербург для Достоевского – это только образ, образ петровской России, в которой от почвы были оторваны целые сословия, породившие из себя людей, не знающих веры и истины, презирающих свой народ. Место живых мыслей бытия, сознание этих людей занимают фантастические идеи. Когда сознание заполняется этими идеями до отказа, человек переходит в состояние тления. Он – «бобок» при жизни, убийца и самоубийца [7, с. 257-266].

Фантастический Петербург порождает такую же «фантастическую» Россию, какой Достоевский видел ее в петровскую эпоху, основанную на подражании ею же выдуманной Европе – пустой мысли, идее, лишенной бытия. Из «Дневника писателя»: «О цивилизация! О Европа, которая столь пострадает в своих интересах, если серьезно запретить туркам сдирать кожу с отцов в глазах их детей! Эти, столь высшие интересы европейской цивилизации, конечно, – торговля, мореплавание, рынки, фабрики, – что же может быть выше в глазах Европы? Это такие интересы, до которых и дотронуться даже не позволяется не только пальцем, но даже мыслью, но – но «да будут они прокляты, эти интересы европейской цивилизации!». Это восклицание не мое, это воскликнули «Московские ведомости», и я за честь считаю присоединиться к этому восклицанию: да, да будут прокляты эти интересы цивилизации, и даже самая цивилизация, если, для сохранения ее, необходимо сдирать с людей кожу. Но, однако же, это факт: для сохранения ее необходимо сдирать с людей кожу!».

Активный антиевропоцентризм Достоевский, будучи убежденным и последовательным славянофилом, почвенником, выражал не только на эмоциональном уровне и не только в художественном творчестве. Концептуально он был близок к своему товарищу по делу петрашевцев Н.Я Данилевскому, который систематически в своем учении об исторических типах обосновал исходную для евразийства идею принципиального различия цивилизационного

кода и исторической судьбы России и Европы. Согласно Данилевскому, Россия не относится к Европе, которую нужно трактовать не в географическом, а в культурно-историческом смысле: как культуру преимущественно романо-германских народов, связанных с наследием древней средиземноморской цивилизации. В письмах Достоевского имя Данилевского упоминается неоднократно с неизбежным уважением и выражением полного согласия с его учением. «Я от Страхова письмо тоже получил; много литературных новостей. Порадовало меня, между прочим, известие о статье Данилевского «Европа и Россия», о которой Николай Николаевич пишет как о капитальной статье. Признаюсь Вам, что о Данилевском я с самого 49-го года ничего не слыхал, но иногда думал о нем. Я припоминал, какой это был отчаянный фурьерист. И вот из фурьериста обратиться к России, стать опять русским и возлюбить свою почву и сущность! Вот по чему узнается широкий человек! Тургенев сделался немцем из русского писателя, – вот по чему познается дрянной человек» (Из письма А.Н. Майкову 11 декабря 1868 г.). Но наиболее полную оценку работе Данилевского писатель да в своем письме известному критику Н.Н. Страхову 18 марта 1869: «Статья же Данилевского, в моих глазах, становится всё более и более важною и капитальною. Да ведь это – будущая настольная книга всех русских надолго; и как много способствует тому язык и ясность его, популярность его, несмотря на строго научный прием».

Говоря о становлении единой славянской цивилизации, отличной от европейского романо-германского исторического типа, Н.Я. Данилевский, пожалуй, ошибался лишь в оценке перспектив общеславянского союза и переоценил значение славянского «братства», оставшегося, возможно, в глубокой древности, «во время Бусово». Насколько прозорливее выглядит в этой связи Достоевский, который в «Дневнике писателя» прямо говорил о том, что никакой славянский союз невозможен, что при первой возможности западнославянские народы предадут Россию и вольются в ряды ее самых сильных ненавистников! А для начала постараются максимально отмежеваться от России и забыть о помощи, оказанной им.

Будущее России Достоевский видел не в общеславянском единстве, а утверждении ее влияния в пространствах бывшей империи Чингис-хана и бывшей Византии (даже с возможным переносом столицы в Константинополь). Миссия такой России состоит в том, чтобы сказать миру свое «слово», выразить идею, что станет смыслом и системообразующим началом российского государства. Тем самым Достоевский прямо предвосхищает ключевую мысль евразийства об «идее-правительнице»! О завершении петровской эпохи Достоевский пророчески писал: «Вы вот думаете, что будет все один Петербург продолжаться. Уж и теперь начинается местами протест провинциальной печати против Петербурга (да и не против Петербурга вовсе, а против вас же, усевшихся в Петербурге и в нем обособившихся) – и которая хочет что-то там сказать у себя новое)».

Обратим внимание на это выражение: «и в нем обособившихся». Тема обособления, выпадения из единства народа, возникает у Достоевского всякий раз, когда он писал о потере человеком истины и в «Преступлении и наказании», и в «Бесах», и на страницах «Дневника писателя», посвященных либералам, «обособившимся» в своем Петербурге. Его герои заражены чисто гностической идеей разделения людей на «породы». Например, Раскольников с его представлениями о «человеке, дрожащей твари» и о «человеке, имеющем право». Или герой из «Дневника писателя»: ««Этого народ не позволит», – сказал по одному поводу, года два назад, один собеседник одному ярому западнику. «Так уничтожить народ!» – ответил западник спокойно и величаво. И был он не кто-нибудь, а один из представителей нашей интеллигенции. Анекдот этот верен». Преодоление этого отчуждения, осознание своего единства со всеединством народа, – единственный путь, избавляющий от смерти, от убийства и самоубийства, неизбежного при таком выборе своего обособления от бытия. Это преодоление может быть и в юродствующем жесте «покаяния»

на Сенной площади, и в долгом процессе самопреображения на каторге, куда Достоевский отправляет по хорошо известной ему дороге своего героя.

Начиная с Сократа, классическая философия учит, что действительное объединяющее людей начало – истина. По Достоевскому, эту истину уже несет в себе народ в сокровенном виде. Эта истина – Христос, а народ ее знает через реальную историческую связь со своими подвижниками, имевшими опыт реального Богообщения. Для человека важно приобщиться этой истине в опыте своей жизни с народом. Для государства же важно понять и выразить эту истину, открыв ее для мира. Достоевский верил, что с окончанием петербургского периода истории Россия («Не Петербург же разрешит окончательную судьбу русскую», – риторически спрашивал он.) Россия выполнит свое предназначение в мире: скажет ему свое «нравственное слово», слово об истине Христа-Бога. Таким образом, мы опять приходим к тому, что для Достоевского идея бытия, жизни и путь избавления от бесовских миражей и от состояния «Бобка» был связан с именем Христа и Его свободы. «Свобода – системообразующая категория мышления Ф.М. Достоевского» [1, с. 120]. Таким образом, идея всеединства как основания истины и развития человека, общества и государства сопрягается у Достоевского с теодицеей – учением о всеобщей субстанциальной свободе человека как оправдании его гармонии с миром [3, с. 97-110]. Собственно, это «нравственное слово» и есть то, что было названо действительной «мыслью бытия». Это не какое-то суждение или «фокусническая фраза» (которой, по удачному выражению Ф. Энгельса, не может быть доказана конкретность тождества мышления и бытия), изобретенная рассудком отдельного человека. Это «нравственное слово» – то знание истины, которое выработал в себе народ в процессе всей своей истории, накапливающей опыт подвижничества, самопреодоления и развития. Это – та самая «русская идея», которая, по словам В.С. Соловьева, есть то, что Бог думает о нации в вечности.

«Слово» это, открывающее миру особенное русское знание о Христе, должно быть, по Достоевскому, выражено в каждой из возможных форм практического действия, обращенных к миру, включая и справедливую внешнюю политику: «Для всякого русского это не может и не должно составлять вопроса. Россия поступит честно – вот и весь ответ на вопрос. Пусть в Англии первый министр извращает правду пред парламентом из политики и сообщает ему официально, что истребление шестидесяти тысяч болгар произошло не турками, не башибузуками, а славянскими выходцами, – и пусть весь парламент из политики верит ему и безмолвно одобряет его ложь: в России ничего подобного быть не может и не должно. Скажут иные: не может же Россия идти во всяком случае навстречу явной своей невыгоде? Но, однако, в чем выгода России? Выгода России именно, коли надо, пойти даже и на явную невыгоду, на явную жертву, лишь бы не нарушить справедливости» («Дневник писателя»). Именно идея справедливости должна лежать в основании и государственности, и права, и геополитики России [4, с. 10-14; 11, с. 47-52; 12, с. 15-17; 13, с. 58-66; 14, с. 192-196; 15, с. 16-22].

Задача современной философии права, ориентированной на эти принципы евразийства (или «предъевразийства») Достоевского, нам видится в том, чтобы выявить основные метафизические предпосылки синтеза идеи права, исходя из моментов идеи свободы [19, с. 72-75]. Решение этой задачи невозможно без Достоевского, поскольку никто как Достоевский так остро и убедительно не выявил напряженный потенциал идеи абсолютной свободы человека в определении сущности и смысла бытия. Именно этот потенциал реализовался в логической форме в немецкой классической философии. Поэтому обращение к Достоевскому необходимо для того, чтобы получить необходимый ракурс для адекватной интерпретации немецкой классики как метафизического источника идеи права, основанной на идее абсолютной свободы, и реализовать его применительно к задачам государственного строительства России как евразийской державы.

Библиографические ссылки

1. Богатырев Д.К. Религия и идеология. СПб. : РХГА, 2019.
2. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия и юридическая наука : монография. М. : Юрлитинформ, 2019.
3. Захарцев С.И., Масленников Д.В, Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. М. : Юрлитинформ, 2019.
4. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.) : монография. СПб. : Фонд «Университет», 2017.
5. Исмагилов Р.Ф. Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права : курс лекций / вступ. статья В.П. Сальникова и Д.В. Масленникова. СПб. : Фонд «Университет», 2017.
6. История философии права : монография / А.П. Альбов и др. ; отв. ред.: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. СПб. : Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998.
7. Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении / под ред. А.В. Гулыги ; пер. с нем. И.С. Андреевой. М. : Республика, 1996.
8. Лесевицкий А.В. Евразийский концепт Ф.М. Достоевского // Общество и этнополитика : материалы седьмой Международной научно-практической интернет-конференции. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Сибирский институт управления / под науч. ред. Л.В. Савинова. Новосибирск : Сибирская академия государственной службы, 2015. С. 284-291.
9. Лесевицкий А.В. Ф.М. Достоевский как предшественник евразийства : монография. Пермь : ОТ и ДО, 2013.
10. Линьков Е.С. Становление логической философии // Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Ч.1. Объективная логика. Ч.2. Субъективная логика / подгот. изд.: Д.В. Масленников ; авт. вступ. ст. Е.С. Линьков. СПб. : Наука, 1997. С. 5-16.
11. Сальников М.В. Геополитические, экономические и социо-культурные факторы в контексте становления и динамики развития национальной политико-правовой традиции в России // Правовое поле современной экономики. 2012. № 11. С. 47-66.
12. Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // Мир политики и социологии. 2015. № 7. С. 11-18.
13. Сальников В.П., Романовская В.Б. Сальников М.В., Романовская Л.Р. Почему на Восток: поворот России в современном политико-правовом пространстве // Правовое поле современной экономики. 2015. № 9. С. 58-68.
14. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. «Русский поворот» в политико-правовом дискурсе // Ученые записки юридического факультета. 2015 № 38 (48). С. 192-198.
15. Сальников В.П., Сальников М.В., Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Национальная идея или правовое государство через призму национальных интересов // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 3 (41). С. 16-22.
16. Сальников В.П., Масленников Д.В. Философия права Ф.М. Достоевского как источник развития теории российского государства и права // Проблемы статуса современной России: историко-правовой аспект : материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 5–6 апреля 2018 г.) / отв. ред. Ф.Х. Галиев. В 2-х ч. Ч. 1. Уфа : РИЦ БашГУ, 2018. С. 72-79.

17. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И. Ф.М. Достоевский: онтологические и этические основания философии права (рецензия на работу Р.Ф. Исмагилова «Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права: цикл лекций») // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 7. С. 190-197.
18. Сальников В.П., Масленников Д.В. Институты права в идее абсолютного Добра // Государственно-правовые институты современного общества : сборник статей к Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Республики Башкортостан (г. Уфа, 14 декабря 2018 г.) / отв. ред. Ф.М Раянов. Уфа : БашГУ, 2018. С. 32-40.
19. Сеитов М.М. «Предъевразийство» Ф.М. Достоевского: истоки и художественное воплощение : дис. … канд. филол. наук. Магнитогорск, 2010.
20. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018.

References

1. Bogatyrev D.K. Religiya i ideologiya (Religion and ideology). St. Petersburg, RKHGA, 2019.
2. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Filosofiya i yuridicheskaya nauka (Philosophy and legal science: monograph), monografiya. Moscow, Yurlitinform, 2019.
3. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V, Sal'nikov V.P. Logos prava: Parmenid – Gegel' – Dostoyevskiy. K voprosu o spekulyativno-logicheskikh osnovaniyakh metafiziki prava (Logos of law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. to the question of speculative logical foundations of metaphysics of law). Moscow, Yurlitinform, 2019.
4. Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. Pravo i spravedlivost': istoricheskiye traditsii i sovremennyye modeli (Istoriko-pravovoy analiz teoreticheskikh issledovaniy aktual'nykh voprosov otnosheniya idei prava i idei spravedlivosti v XX-XXI vv.) (Law and justice: historical traditions and modern models (Historical and legal analysis of theoretical studies of topical issues of the relationship between the idea of law and the idea of justice in the XX-XXI centuries), monografiya. St. Petersburg, Fond «Universitet», 2017.
5. Ismagilov R.F. Filosofskoye naslediye F.M. Dostoyevskogo i yego vliyaniye na razvitiye filosofii prava (Philosophical heritage of F. M. Dostoevsky and his influence on the development of philosophy of law), kurs lektsiy, vstup. stat'ya V.P. Sal'nikova i D.V. Maslennikova. St. Petersburg, Fond «Universitet», 2017.
6. Istoriya filosofii prava (History of philosophy of law), monografiya, A.P. Al'bov i dr., otv. red.: A.P. Al'bov, D.V. Maslennikov, V.P. Sal'nikov. St. Petersburg, Yuridicheskiy institut (Sankt-Peterburg), Sankt-Peterburgskiy un-t MVD Rossii, 1998.
7. Laut R. Filosofiya Dostoyevskogo v sistematicheskom izlozhenii (Philosophy of Dostoevsky in a systematic presentation), pod red. A.V. Gulygi, per. s nem. I.S. Andreyevoy. Moscow, Respublika, 1996.
8. Lesevitskiy A.V. Yevraziyskiy kontsept F.M. Dostoyevskogo (Eurasian concept of F. M. Dostoevsky). *Obshchestvo i etnopolitika*, materialy sed'moy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy internet-konferentsii. Rossiyskaya akademiya narodnogo khozyaystva i gosudarstvennoy sluzhby pri Prezidente RF, Sibirskiy institut upravleniya, pod nauch. red. L.V. Savinova. Novosibirsk, Sibirskaya akademiya gosudarstvennoy sluzhby, 2015, pp. 284-291.
9. Lesevitskiy A.V. F.M. Dostoyevskiy kak predshestvennik yevraziystva (F. M. Dostoevsky as a predecessor of Eurasianism), monografiya. Perm', OT i DO, 2013.
10. Lin'kov Ye.S. Stanovleniye logicheskoy filosofii (The formation of logical philosophy). *Gegel' G.V.F. Nauka logiki. Ch.1. Ob"yektivnaya logika. Ch.2. Sub"yektivnaya logika*, podgot. izd.: D.V. Maslennikov, avt. vstup. st. Ye.S. Lin'kov. St. Petersburg, Nauka, 1997, pp. 5-16.
11. Sal'nikov M.V. Geopoliticheskiye, ekonomicheskiye i sotsio-kul'turnyye faktory v kontekste stanovleniya i dinamiki razvitiya natsional'noy politiko-pravovoy traditsii v Rossii (Geopolitical,

economic and socio-cultural factors in the context of the formation and dynamics of the development of the national political and legal tradition in Russia). *Pravovoye pole sovremennoy ekonomiki*, 2012, No. 11, pp. 47-66.
12. Sal'nikov V.P., Zhdanov P.S., Sal'nikov M.V., Romanovskaya V.B. Russkaya religioznaya filosofiya prava kak zashchita natsional'nykh tsennostey ot inokul'turnoy ekspansii (Russian religious philosophy of law as the protection of national values from foreign cultural expansion). *Mir politiki i sotsiologii*, 2015, No. 7, pp. 11-18.
13. Sal'nikov V.P., Romanovskaya V.B. Sal'nikov M.V., Romanovskaya L.R. Pochemu na Vo-stok: povorot Rossii v sovremennom politiko-pravovom prostranstve (Why to the East: The turn of Russia in the modern political and legal space). *Pravovoye pole sovremennoy ekonomiki*, 2015, No. 9, pp. 58-68.
14. Sal'nikov V.P., Romanovskaya V.B., Sal'nikov M.V., Romanovskaya L.R. «Russkiy povo-rot» v politiko-pravovom diskurse ("Russian turn-around" in political and legal discourse). *Uchenyye zapiski yuridicheskogo fakul'teta*, 2015, No. 38 (48), pp. 192-198.
15. Sal'nikov V.P., Sal'nikov M.V., Romanovskaya V.B., Romanovskaya L.R. Natsional'naya ideya ili pravovoye gosudarstvo cherez prizmu natsional'nykh interesov (National idea or the rule-of-law state through the prism of national interests). *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2015, No. 3 (41), pp. 16-22.
16. Sal'nikov V.P., Maslennikov D.V. Filosofiya prava F.M. Dostoyevskogo kak istochnik razvitiya teorii rossiyskogo gosudarstva i prava (Philosophy of law of F.M. Dostoevsky as a source of development of theory of Russian state and law). *Problemy statusa sovremennoy Rossii: istoriko-pravovoy aspekt* : materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Ufa, 5–6 aprelya 2018 g.), otv. red. F.KH. Galiyev. V 2-kh ch. Ch. 1. Ufa, RITS BashGU, 2018, pp. 72-79.
17. Sal'nikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I. F.M. Dostoyevskiy: ontologicheskiye i eticheskiye osnovaniya filosofii prava (retsenziya na rabotu R.F. Ismagilova «Filosofskoye naslediye F.M. Dostoyevskogo i yego vliyaniye na razvitiye filosofii prava: tsikl lektsiy») (F. M. Dostoevsky: ontological and ethical foundations of philosophy of law (Review of the work by R.F. Ismagilov "The philosophical legacy of F. M. Dostoevsky and his influence on the development of philosophy of law: series of lectures"). *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2017, No. 7, pp. 190-197.
18. Sal'nikov V.P., Maslennikov D.V. Instituty prava v ideye absolyutnogo Dobra (Law Institutions in the Idea of Absolute Good). *Gosudarstvenno-pravovyye instituty sovremennogo obshchestva*, sbornik statey k Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu Respubliki Bashkortostan (g. Ufa, 14 dekabrya 2018 g.), otv. red. F.M. Rayanov. Ufa, BashGU, 2018, pp. 32-40.
19. Seitov M.M. «Pred"yevraziystvo» F.M. Dostoyevskogo: istoki i khudozhestvennoye voploshcheniye ("Pre-Eurasianism" by F.M. Dostoevsky: origins and artistic embodiment), dis. … kand. filol. nauk. Magnitogorsk, 2010.
20. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018.

Дата поступления: 02.02.2019 *Received: 02.02.2019*

УДК 340.1+34(091)

ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА РОССИИ НА СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВЫРАЖЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

КУЛЕШОВА Наталья Николаевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры теория права, история права и международное права Российского университета транспорта (МИИТ), Москва, Россия.
E-mail: nn.kuleshova@mail.ru

Разработка перспектив развития формы государственного устройства России требует совершенствования механизма закрепления национально-культурных интересов в политической сфере как способа организации государственного управления. Основные направления государственного преобразования должны быть сформированы с учетом традиционных концепций сохранения принципов федерализма в многонациональном государстве, страхующегося от последствий и рисков этнократического характера. При этом необходим учет проблем, препятствующих эффективному выражению прав граждан в политической системе государства. Также необходим учет опыта законодательства зарубежных стран, тоже находящихся в поиске оптимальных механизмов урегулирования национально-культурных процессов, затрагивающих политическую сферу прав человека. Особым условием развития современной России является поиск моделей сохранения всего комплекса национальных ценностей, в том числе и родного языка, в качестве конституционной гарантии, обеспечивающей национальное согласие и гражданский мир.

Ключевые слова: конституция, федеративное государство, государственная власть, национальность, права человека, коренные народы, родной язык, автономия, общественное объединение.

THE INFLUENCE OF THE RUSSIAN STATE STRUCTURE ON MODERN CONCEPTS OF HUMAN RIGHTS NATIONAL EXPRESSION

KULESHOVA Natalya Nikolaevna
Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Department of Theory of Law, History of Law and International Law of the Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia. E-mail: nn.kuleshova@mail.ru

The creation of prospects for developing the form of the state structure of Russia requires the improvement of the mechanism for securing national-cultural interests in the political sphere as a way of organizing state administration. The main directions of state transformation should be formed in view of the traditional concepts of preserving federalism principles in a multinational state insuring against ethnocratic consequences and risks. At the same time, it is necessary to take into account the problems hindering the effective expression of citizens' rights in the state political system. It is also necessary to take into account the experience of foreign countries' legislation, which are also in search of optimal mechanisms for resolving national-cultural processes affecting the political sphere of human rights. A special condition for the development of modern Russia is the search for models for preserving the full range of national values, including the native language, as a constitutional guarantee ensuring national harmony and civil peace.

Key words: constitution, federative state, state power, nationality, human rights, indigenous peoples, native language, autonomy, public association.

Важнейшей задачей современных федераций является сохранение баланса отношений в системе государственного управления, базирующегося на основе принципа разного уровневого разделения государственных функций. Данная концепция требует пояснения в части содержания существенных правовых категорий. Государственное устройство в наиболее общем виде принято понимать как территориальную организацию государства [11, с. 19]. Стоит уточнить, что устройство также включает в себя отношение государства с его составными частями в виде территорий, и распределение полномочий между органами государственной власти на разных уровнях [7, с. 207]. К формам государственного устройства относят унитарную и федеративную организацию, при этом унитарное государство характеризует вертикальное подчинение равных друг другу административно-территориальных единиц, что позволяет им делить с центральной властью личный государственный суверенитет данных субъектов. В унитарных государствах органы власти единообразны, как правило, не включают в свой состав особых субъектов управления, при этом имеют высокий уровень централизации власти [13, с. 267-368]. Тем не менее, унитарная форма территориальной организации власти в определённой степени допускает централизацию, включая наличие автономных образований, образованных на основе экономического или общественного единства. Примерной моделью соотношений частей территории в государстве является унитарная КНР, которая включает в себя помимо провинций, несколько автономных районов, городов центрального подчинения.

Федерация представляет собой сложносоставное государство, состоящее из нескольких государственных образований, делящих свой суверенитет [4, с. 65]. Модель конституционно-правовых отношений между федерацией и её субъектами устанавливается конституцией государства [7, с. 207-208]. Однако объем дозволенной самостоятельности территорий (субъектов, штатов, контентов и др.) определяется в процессе создания федеративного государства (конституционным актом) или впоследствии во исполнение принципа разграничения предметов ведения, как например, в России. При этом особенно выделяют следующе виды федераций: по положению субъектов – симметричные, ассиметричные; по типу субъектов – территориальные, национальные, национально-территориальные [7, с. 190-194]. В отличие от симметричных федераций асимметричные включают в себя субъекты с различным правовым статусом. В основу построения федеративного государства может быть положен как территориальный, так и национальный признак, а так же их сочетание. Современные проблемы федеративных отношений в большей степени стали затрагивать национально-политические аспекты института прав человека, несмотря на систематическое нарушение прав именно в социально-экономической сфере.

В настоящее время концептуальное значение приобретают проблемы, обусловленные этнократическим характером российского федерализма. К.Х. Халамханов указывает на фактическое противопоставление в политическом и социальном плане представителей коренных народов республик, в качестве примера приводится национальный состав Республики Татарстан, где «титульная нация» составляет менее половины населения, а её представители занимают подавляющее большинство руководящих должностей (на 2012 год 75% руководителей и около 90% судей составляли татары). При этом в большинстве республик, где коренная народность не составляет большинства жителей, границы фактического расселения этнических групп не совпадают с территориальными границами субъектов РФ [14, с. 43-44]. Следовательно, на содержание правоотношения влияет такой признак, как территориальная зависимость, при удаленности от основной национальной группы этническое меньшинство отдаляется от государственного аппарата.

На специфическую клановую этнократию М.А. Алигаджиева указывает в многонациональном Дагестане, в котором в отличие от большинства прочих республик нет единственной признанной государством коренной народности. Показателем интереса к проблеме являются результаты социологических исследований, проведенных в 2013 году, выборка охватила 820

человек из разных социальных групп, показала, что почти 77% опрошенных отметили, что национальная принадлежность имеет значение, это означает, что клановый принцип воспринимается как главный для вхождения в политическую элиту региона. Несколько иначе складывается ситуация в Дагестане, так из 47% респондентов сочли, что в выработке решений дагестанской государственной политике главным фактором являются этногрупповые интересы. Почти половина опрошенных (41%) заявили о наличии приоритетности к представителям национальной группы, назначаемых на руководящие должности в государственной и муниципальной службе, безусловно, что официально дискриминация по национальному признаку отсутствует. Таким образом, в национальных субъектах РФ национальный вопрос в публичных отношениях стоит достаточно остро. Выражается, прежде всего, в распределении ключевых государственных постов и должностей по национальному признаку, а не по деловым качествам [5, с. 199]. Сложно согласиться с утверждением, что данная концепция действует во всех субъектах и о повсеместном характере данного явления. Поощрение титульных этносов в политической жизни регионов в конечном итоге часто выливается в явления похожее на вакуум – местные элиты становятся полностью мононациональными, получив возможность реализовывать властные полномочия, стараются удержать её в рамках своего узконационального круга, порою не реагируют на сложные позиции в межнациональных конфликтах.

Подобная этническая окраска политической элиты имеет ориентированность на конкретные национальные группы, при этом формируются условия для развития национализма и сепаратизма, но уже политически выраженного на региональном уровне. Собственная национальная безопасность в субъектах РФ гарантирует систематический контроль за чиновниками, политиками, заигрывающими с радикальными националистами, которые в определённый момент могут стать заложниками своего положения. Однако радикальный элемент зачастую не поддаётся прогнозированию и контролю, а национально ориентированное руководство само может попасть под его удар и оказаться между федеральным центром и радикалами, что подобное имело место в истории нашего государства.

Современное положение этнических русских граждан РФ также имеет некоторую неопределённость: отсутствие законно закрепленного статуса русского народа в России, а также выражение национальной самостоятельности в форме субъектного закрепления в составе Российской Федерации. В отличие от других этнических групп, русские не имеют своей внутренней автономии, иных форм объединений политико-правового характера. Восполнить концепции государственной политики или решения органов власти пытаются ученые: отводят большую роль государству, выделяя образующую его роль в истории русского народа. Однако в действительности конституционно-правовой статус русского народа не находит реального выражения, в преамбуле и ст. 3 Конституции РФ [1] речь идёт о многонациональном народе как источнике власти, соответственно имеет место западная общегражданская модель соотношения государства и населения, однако большинство народов России имеют и свои политические автономии. Нельзя соотносить носителей русского языка и этнические группы как взаимопроизводные, так как по отношению к русским, государство является как бы наднациональным (русские оказываются между национальной государственностью малых народов с одной стороны и наднациональным, подчёркнуто многоэтничным российским государством с другой [9, с. 55-56], вследствие чего у некоторых представителей русского этноса создаётся ощущение незащищённости, обособленности со стороны по сравнению с национальными меньшинствами.

В такой ситуации в России стремительно разрастаются межнациональные идеи, развивается губительное и опасное явление радикального национализма под лозунгом «Россия для русских». Явление «великорусского шовинизма», которое ещё при советской власти было пропагандистским мифом, в условиях социальной напряжённости и неопределённости юридического и идеологического положения русских, может привести к трансформации этого

мифа в реальность. Подтверждением этого являются «русские марши» и подобные им популистские профашистские мероприятия, проходившие не единожды с 2000-х годов. На проблему статуса русского народа в России указывают, в частности, К.Х. Халамханов [14, с. 143] и А.Н. Кокотов [9]. Некоторыми авторами указывается национальный принцип как ошибочный подход к пониманию самоопределения народов в России. Отмечается, что самоопределение должно быть национально-культурным, а не национально-территориальным, то есть должно исключать политический элемент [8, с. 7].

Отдельно стоит сказать о положении этнических объединений. В России существуют диаспоры, по численности не только не уступающие, но и превосходящие многие коренные народы страны. Так, по данным всероссийской переписи населения 2010 года армянская диаспора насчитывала более 1 млн человек, заняв 7 место по численности и превзойдя численность представителей коренных народов РФ [15]. Вносят свой вклад в национальное развитие государства диаспоры, хотя они не имеют политических автономий. Таким образом, создаётся правовое неравенство между этническими группами по принципу «коренные» – «некоренные», так, например, диаспоры зачастую являются средством выражения интересов иностранных государств, что придаёт национальным вопросам акцент лояльности и патриотизма. На проблему функционирования диаспор указывали в исследованиях, в частности, А.В. Лопарев и И.А. Яценко [10, с. 119].

Еще одна проблема, связанная со статусом государственных языков республик, была в значительной степени решена принятыми 25 июля 2018 года поправками ч. 4, 6, ст. 14 ФЗ «Об образовании в РФ» [2], которыми был установлен добровольный характер изучения этих языков. Тем не менее, на протяжении многих лет до принятия указанных поправок представители нетитульных национальностей вынуждены были учить государственные языки республик в составе России, на территории которых они проживали. Согласно Постановлению Конституционного Суда РФ № 16 от 16.11.2004 [3], подтверждена законность обязательного изучения татарского языка для жителей республики Татарстан. Ст. 14 ФЗ «Об образовании» полностью соответствуют ч. 3 ст. 68 Конституции РФ о гарантированности народам права на сохранение, изучение и развитие родного языка. Принцип добровольности в реализации конституционной свободы в определенной мере встал на защиту гарантий государственного и родного языка, исключив национально-территориальный признак при реализации образовательной услуги населению субъектов России.

Данная проблема также указывает на недостатки современных федеративных отношений, заложенных в принципах государственного устройства особенно в тех случаях, где статус государственных языков республик конституционно не закреплён. Например, Конституция Республики Дагестан ст. 11 гарантируется всем народам, проживающим на ее территории, право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития. Изменение федерального законодательства законно требует от руководства республики реальных мер по соблюдению прав граждан на изучение родного языка, официально который в Конституции Республики Дагестан не установлен, поэтому во избежание подобных ситуаций, субъектам РФ следует принять акты, регулирующие порядок предоставления образовательных услуг по статусу родного языка.

Представляется, что все поставленные проблемы могут быть решены при выборе оптимальной для современной России формы государственного устройства, как следствия конституционной реформы. Следует учитывать различные подходы к аргументированию и защите федеративного государственного устройства России. В научной литературе достаточно радикальных предложений в пользу унитаризма, которые продиктованы либо популистскими устремлениями отдельных политиков, либо экономическими соображениями ряда авторов с полным игнорированием национального вопроса. Поэтому основное внимание будет уделено промежуточным концепциям, как представляется, наиболее близким к российским реалиям.

Перспективы развития государственного устройства А.Н. Кокотов связывал с выделением проблем неопределённости статуса русского народа в своём государстве, таким образом, предлагает компромиссный вариант – унитарное государство с наличием национальных автономий. Это, по его мнению, позволит решить указанные выше проблемы, сохранив определённое равновесие между русским и другими народами, живущими в России. При этом автор допускает возможность сохранения и даже расширения прав территориальных субъектов, но с приданием им статуса законодательно-территориальных автономий (автономий, не делящих с федерацией её суверенитет – в противовес национальным субъектам) [9, с. 53]. Последний вариант практически является чем-то средним между децентрализованным унитарным государством с национальными автономиями и национально-территориальной федерацией. Д.В. Замышляев отрицает возможность создания политических национальных автономий, предлагает альтернативу в виде симметричной федерации или унитарного государства с автономиями (надо полагать, что речь идёт о национально-культурных автономиях) [8, с. 7]. Представитель русской эмиграции И.Л. Солоневич, являясь защитником унитаризма [6, с. 209], идеализировал централизованное государство и дополнял его наличием в регионах законодательных учреждений и определённого самоуправления. Именно здесь он усматривал решение национального вопроса. Самоуправление на местном и региональном уровне должно строиться на общегражданском принципе, что исключает политическую национальную автономию и вместе с тем даёт национальным меньшинствам право принимать участие в управлении регионом. В каждом регионе государство должно обеспечить возможность развития местных языков (но только в том случае, если это востребовано местным населением) [12, с. 75-76].

Схожую позицию занимал И.А. Ильин, уделяя особое внимание местному уровню организации государства, функцию защиты прав национальных меньшинств должны были осуществлять органы местного самоуправления, в общинах с иноязычным большинством обязательным было использование местных языков [12, с. 75-76]. Примечательно, что И.Л. Солоневич и И.А. Ильин уделяли большое внимание статусу русского языка как государствообразующего и его исторической роли, – объединение народов России. Таким образом, на уровне идеологии подчёркивался особый статус русских как создателей и устроителей многонационального государства при сохранении правового равенства всех народов.

Для полноты исследования необходимо обратиться к зарубежному опыту. Особый интерес представляет процесс децентрализации в Испании. После смерти Ф. Франко в стране начался процесс создания автономных сообществ (политических автономий, состоящих из одной или нескольких провинций с историческими, культурными и экономическими особенностями). Несмотря на то, что Испания, на наш взгляд, только на пути к федерализации, её опыт плавного перехода от централизации к децентрализации, от унитаризма в сторону федерализма, что уже может быть полезно при преобразовании территориального устройства России. Ещё один интересный пример – Франция, в настоящий момент государство является унитарным и централизованным, а национальный вопрос полностью вынесен за пределы государственного регулирования, однако при этом представители национальных меньшинств имеют право получать образование на родном языке. Здесь можно усмотреть некоторое пренебрежение к этническим группам, однако французская модель является наиболее последовательным выражением общегражданской либеральной идеи, где вопросы религии и национальности отнесены к сфере личного отношения граждан, а не государственного.

Представляется, что на современном этапе государственного устройства для России наиболее оптимальна и приемлема модель унитарного государства, но с гибким выражением государственного участия в решении проблем конкретных регионов. Чрезмерное стремление к унификации национально-политических и территориальных самоопределений народа нанесет существенный вред и может привести к конфликтам. Исторический опыт Российской Империи доказал о возможности применения индивидуального подхода к различным терри-

ториям, этническим группам и сословиям. Спорным остаётся вопрос об автономиях, наилучший вариант – отход от политических автономий в пользу автономий культурных. Такой вариант решения национального вопроса позволит покончить с элементами этнократического характера в регионах, стимулировать создание условий для равного развития представителей коренных народов, этнических групп. Проблемы доступности образования на родном языке, следует обозначить перед региональными и местными органами власти.

В конечном итоге, предлагаемая форма государственного устройства представляет собой необходимый компромисс, который позволит сохранить равновесие между интересами государства и общества в целом и интересами отдельных этнических групп. Вопросы национальной самостоятельности и обособленности языка и культуры будут вынесены за пределы государственной политики, но не останутся без контроля со стороны государства. Безусловно, даже такой проект непросто реализовать на практике, однако, переход от федерализма к предложенной унитарной модели возможен, однако он потребует высокого уровня консолидации общества и государственной власти.

Библиографические ссылки

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/70291362/888134b28b1397ffae87a0ab1e117954/ (дата обращения: 25.02.2019).
2. Федеральный закон от 03.08.2018 № 317-ФЗ "О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона "Об образовании в Российской Федерации" [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/70291362/888134b28b1397ffae87a0ab1e117954 // (дата обращения: 25.02.2019).
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.11.2004 № 16-П [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 25.02.2019).
4. Азаров С.О. Юридическая сущность конфедерации и федерации // Общество и право. 2011. № 3. С. 63-66.
5. Алигаджиева М.А. Национально-политические элиты Дагестана: специфика их формирования и функционирования // Власть. 2014. № 9. С. 198-202.
6. Антоненко Н.В. Национальный вопрос в программах русской монархической эмиграции // Новый исторический вестник. 2008. № 17. С. 208-213.
7. Гейн Е.А. Правовое регулирование политико-территориальной организации государственной власти: опыт России и зарубежных государств // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2010. № 2. С. 206-213.
8. Замышляев Д.В. Национальный фактор в национальном устройстве РФ : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2004.
9. Кокотов А.Н. Об идеальной и реальной формах государственного устройства России // Российский юридический журнал. 1995. № 3. С. 52-58.
10. Лопарев А.В., Яценко И.А. Этнополитические процессы в России и проблема глобальной диаспоризации мира // Власть. 2011. № 3. С. 118-124.
11. Медоев Е.О. Формы современного российского государства // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2011. № 4. С. 17-22.
12. Солоневич И.Л. Народная монархия. М. : Алгоритм, 2011.
13. Хафизов А.А. Структура и организация власти в унитарном государстве // Вестник Брянского государственного ун-та. 2011. № 2. С. 263-270.
14. Халамханов К.Х. Векторы и перспективы развития национального самоопределения народов России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 5. С. 140-146.

15. Федеральная служба государственной статистики РФ [сайт]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 25.02.2019).

References

1. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (The Constitution of the Russian Federation) (prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennykh Zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30.12.2008 N 6-FKZ, ot 30.12.2008 N 7-FKZ, ot 05.02.2014 N 2-FKZ, ot 21.07.2014 N 11-FKZ). *SPS «Garant»*. URL: https://base.garant.ru/70291362/888134b28b1397ffae87a0ab1e117954/ (accessed date: 25.02.2019).
2. Federal'nyy zakon ot 03.08.2018 N 317-FZ "O vnesenii izmeneniy v stat'i 11 i 14 Federal'nogo zakona "Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii" (Federal Law of 03.08.2018 No. 317-FZ "On Amendments to Articles 11 and 14 of the Federal Law "On Education in the Russian Federation"). *SPS «Garant»*. URL: https://base.garant.ru/70291362/888134b28b1397ffae87a0ab1e117954 // (accessed date: 25.02.2019).
3. Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 16.11.2004 N 16-P (Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated November 16, 2004 No. 16-P). *SPS «Garant».* (accessed date: 25.02.2019).
4. Azarov S.O. Yuridicheskaya sushchnost' konfederatsii i Federatsii (The legal essence of the confederation and federation). *Obshchestvo i pravo*, 2011, No. 3, pp. 63-66.
5. Aligadzhiyeva M.A. Natsional'no-politicheskiye elity Dagestana: spetsifika ikh formi-rovaniya i funktsionirovaniya (National-political elites of Dagestan: the specifics of their formation and functioning). *Vlast'*, 2014, No. 9, pp. 198-202.
6. Antonenko N.V. Natsional'nyy vopros v programmakh russkoy monarkhicheskoy emigratsii (The national question in the programs of Russian monarchical emigration). *Novyy istoricheskiy Vestnik*, 2008, No. 17, pp. 208-213.
7. Geyn Ye.A. Pravovoye regulirovaniye politiko-territorial'noy organizatsii gosudarstvennoy vlasti: opyt Rossii i zarubezhnykh gosudarstv (Legal regulation of the political-territorial organization of state power: the experience of Russia and foreign countries). *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskiye i pravovyye issledovaniya*, 2010, No. 2, pp. 206-213.
8. Zamyshlyayev D.V. Natsional'nyy faktor v natsional'nom ustroystve RF (The national factor in the national structure of the Russian Federation), avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Nizhniy Novgorod, 2004.
9. Kokotov A.N. Ob ideal'noy i real'noy formakh gosudarstvennogo ustroystva Rossii (On the ideal and real forms of the state structure of Russia). *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 1995, No. 3, pp. 52-58.
10. Loparev A.V., Yatsenko I.A. Etnopoliticheskiye protsessy v Rossii i problema global'noy diasporizatsii mira. (Ethnopolitical processes in Russia and the problem of the global diaspora of the world). *Vlast'*, 2011, No. 3, pp. 118-124.
11. Medoyev Ye.O. Formy sovremennogo rossiyskogo gosudarstva (Forms of the modern Russian state). *Biznes v zakone. Ekonomiko-yuridicheskiy zhurnal*, 2011, No. 4, pp. 17-22.
12. Solonevich I.L. Narodnaya monarkhiya (People's monarchy). Moscow, Algoritm, 2011.
13. Khafizov A.A. Struktura i organizatsiya vlasti v unitarnom gosudarstve (The structure and organization of power in a unitary state). *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo un-ta*, 2011, No. 2, pp. 263-270.
14. Khalamkhanov K.Kh. Vektory i perspektivy razvitiya natsional'nogo samoopredeleniya narodov Rossii (Vectors and prospects for the development of national self-determination of the peoples of Russia). *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, 2011, No. 5, pp. 140-146.
15. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki RF (Federal State Statistics Service of the Russian Federation). URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/ perepis2010/perepis_itogi1612.htm (accessed date: 25.02.2019).

Дата поступления: 10.03.2019 *Received: 10.03.2019*

УДК 340.1+34(091)

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО В РОССИИ: НЕКОТОРЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ

МАЗУРИН Станислав Фёдорович
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правового регулирования градостроительной деятельности Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: svyatoslav53@mail.ru
САЛЬНИКОВ Михаил Викторович
доктор юридических наук, профессор, Президент Фонда содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет», г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru

Основная мысль, которая характерна почти всем современным концептуальным подходам к пониманию правового государства, заключается в том, что его невозможно построить по сверху спущенному приказу, без формирования духовного и нравственного менталитета в широких слоях общества. В правовом государстве законы и публичная власть должна обладать особым духовно-нравственным менталитетом и пользоваться полным доверием абсолютного большинства населения. Поэтому, правовым государством следует считать такое государство, в котором его законы и публичная власть, с присущим ей духовно-нравственным менталитетом, пользуются полным доверием граждан, используя свои должностные полномочия исключительно на благо своего народа и национальной безопасности государства, в котором нет места коррупционным проявлениям, а национальные доходы справедливо распределяются между всеми слоями общества, реально обеспечивая им достойный уровень жизни и гармоничные отношения между людьми.

Ключевые слова: правовое государство, православный менталитет, социальная справедливость, государственная власть, политическая элита.

THE RULE-OF-LAW STATE IN RUSSIA: SOME CONCEPTUAL APPROACHES

MAZURIN Stanislav Fedorovich
Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Legal Regulation of Town-Planning Activities of the Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, St. Petersburg, Russia.
E-mail: svyatoslav53@mail.ru
SALNIKOV Mikhail Viktorovich
Doctor of Law, Professor, President of the Foundation for Supporting Science and Education in the Field of Law Enforcement Activities "University", St. Petersburg, Russia.
E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru

The basic idea, which is characteristic of almost all modern conceptual approaches to the understanding of the rule-of-law state, is that it cannot be built on orders from above, without forming a spiritual and moral mentality in wide sections of society. In the rule-of-law state, laws and public authority must have a special spiritual and moral mentality and enjoy the full confidence of the absolute majority of the population. Therefore, the rule-of-law state of law is such a state where its laws and public authority, with its inherent spiritual and moral mentality, enjoy the full confidence of citizens, using their official powers exclusively for the benefit of their people and the national security of the state, where there is no place for corrupt practices, and national incomes are fairly distributed among all segments of society, really providing them with a decent standard of living and harmonious relations between people.

Key words: rule-of-law state, Orthodox mentality, social justice, state power, political elite.

За несколько тысячелетий до современной цивилизации, истории развития человеческого общества известны многие формы государственного устройства, но не одна из них в полной мере не отвечала понятиям социально справедливого, правового государства. Современный мир технического прогресса и развития демократии, по своему духовному и нравственному состоянию мало чем отличается от прошедшей исторической эпохи, в которой сознание абсолютного большинства политических элит всех государств было устремлено к материальным приоритетам, лежащим в основе всех мировых конфликтов [13; 14; 19].

После 1991 года, в период полного распада Советского Союза – государства зрелого социализма, которое в истории человеческого общества было наиболее приближено к понятию социально справедливого, авантюристической частью партократической элиты России была принята антинародная программа перехода российского государства от административно-командной к рыночной системе экономики. Несмотря на многие критические замечания современных историков и правоведов, принижающих сущность социалистической административно-командной системы экономики СССР, лишь благодаря ей, советскому государству, находящемуся в катастрофическом положении после окончания Великой Отечественной войны, с полностью разрушенным народным хозяйством, всего за 15 лет удалось полностью восстановить всю довоенную систему экономики, трудоустроить, одеть, обуть и накормить все населении государства. При этом Советским Союзом оказывалась немалая экономическая помощь всему социалистическому лагерю – государствам Варшавского договора и другим странам. Такого не смогло бы сделать не одно государство в мире, с капиталистической системой экономики. Безусловно, административно-командная политика советского государства имела свои недостатки, связанные с необоснованным вмешательством в деятельность хозяйствующих субъектов, нерациональным перераспределением финансовых средств, направляемых на поддержание убыточных предприятий и приоритетное развитие отдельных союзных республик (современных прибалтийских государств) и др. Вместе с тем, в условиях данной системы уровень коррупции и преступности в СССР был значительно ниже, чем в условиях рыночного хозяйствования, более справедливым, чем в условиях рыночной экономики, являлось и распределение национальных доходов государства между всеми слоями общества, в котором не было глобального дисбаланса между самыми состоятельными и самыми бедными слоями населения.

Программа рыночной экономики явилась универсальным средством мошеннического присвоения узким кругом высокопоставленных чиновников и активизировавшихся вокруг них преступных сообществ, создавших на том этапе по своей сущности олигархическое государство [1; 2; 11; 12; 26; 32], всех средств производства и недвижимого имущества, ранее находящихся в совместной (общенародной) собственности. Характерной особенностью переходного периода явилось то, что, несмотря на острые разногласия, возникшие в российском обществе по поводу владения, пользования и распоряжения общественными средствами производства, сырьевыми ресурсами и землей, в России принимается Конституция – Основной закон государства, в ст. 1 которого, недвусмысленно заявлено о том, что Российская Федерация является демократическим федеративным правовым государством, а в ст. 7 говорится, что Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Для более глубокого уяснения сущности правового, социального государства, необходимо рассмотреть некоторые взгляды ученых, исследующих государство с позиции отнесения его к социальному, правовому.

Еще задолго до Рождества Христова, известные мыслители, философы и правоведы древней Греции, Платон и его ученик Аристотель, придавали огромное значение развитию права и формированию государства социальной справедливости. В своих трудах, дошедших до нас, Платон отмечал, что государство – это выражение идей справедливости [18, с. 15-46].

Изучая со своими учениками государства различного типа и их правовые системы, Аристотель пришел к выводу о том, что все государства, следует классифицировать на две основные группы: по числу правящих элит (один, немногие и большинство) и по достигаемым целям (общее благо и личная выгода). Исходя из этого, в первой группе им выделены три «правильные, или относительно хорошие» формы государств: монархия, аристократия и полития (смешение аристократического правления с умеренной олигархией) и три «неправильные, или дурные» формы правления: тирания, крайняя олигархия и демократия (охлократия – власть толпы). Если первые три формы правления направлены к всеобщему благу, то вторые три формы к личному обогащению и удержанию власти любой ценой [3, с. 652-655]. Данное обстоятельство хорошо известно в научной литературе [5; 16; 23; 29].

Как показывает исторический опыт, абсолютное большинство политических элит современного мира, сделали свой выбор в пользу своих эгоистических целеустремлений, предпочитая дурные, демократические формы правления, способствующие развитию крайней олигархии и обнищанию значительной части населения [15; 17].

Совершенно справедливой следует признать оценку приснопамятного Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского – Иоанна (Снычева), характеризующего сущностное проявление демократии: «Все идеи демократии замешаны на лжи. Уже в определении – ложь! Слово это переводится на русский язык как "власть народа" или "народоправство", но, ни в одной из стран, считающихся демократическими, народ на деле не правит. Заветный плод государственной власти всегда в руках узкого слоя, немногочисленной и замкнутой корпорации людей, чье ремесло – политика, профессия – жестокая и беспощадная борьба за эту власть. Более того, человеческая история на всем своем протяжении не знала ни одного государства, где был бы на деле реализован принцип народоправства. Древняя Греция, Древний Рим – страны – родоначальницы демократии, ее классические представители – одновременно являлись классическими рабовладельческими хищниками, относя сам термин "народ", "граждане" лишь к элитарному кругу людей, составлявшему ничтожный процент от общего населения страны» [22, с. 341].

Время не властно над хищными, реакционными методами демократии и породившей ею олигархией. Те же самые хищные методы управления, которые применялись в указанных исторических рабовладельческих государствах, успешно, но в уже более унифицированном, изощренном виде, реализуются политическими элитами всех государств мирового сообщества, провозглашающих себя демократическими. Стремление народов этих государств к равноправию и социальной справедливости, постоянно наталкивается на корыстные интересы публичной власти и порожденной ею олигархической прослойки, находящихся в тесной взаимозависимости. Связь политических властей государства с олигархической прослойкой, способствует существованию такого социально опасного явления как системно-функциональная коррупция [30]. Реальным выражением такой коррупции является несправедливое распределение публичной властью национальных доходов и важнейших экономических ресурсов государства между всеми слоями общества. В таком обществе, в результате непомерной эксплуатации труда наемных работников и захвата всех основных средств производства олигархической прослойкой, обогащается лишь политическая элита государства и порождаемая ею олигархия, представленная родственниками, свойственниками и ближайшими друзьями чиновников центральной политической власти, не по заслугам имеющими финансовые доходы в сотни и тысячи раз превышающие минимальный прожиточный минимум, устанавливаемый ими для малообеспеченных слоев населения. При этом абсолютное большинство наемных работников и члены их семей проживают за чертою бедности. Безусловно, в таком государстве ее публичная власть не пользуется доверием абсолютного большинства своего народа, и такое государство не может по своему определению признаваться правовым,

социально справедливым. О такой власти почти две тысячи лет назад свидетельствовал Христос Спаситель [Ин. 10: 1-16].

В правовой литературе нет единого мнения о сущности правового государства, как нет и единого подхода к определению, в котором бы сочетались все признаки, отвечающие данному понятию [4; 7; 8; 9; 10; 27; 28; 31]. Большинство передовых идей и критериев оценки правового государства, современные ученые заимствовали в трудах дореволюционных правоведов: А.С. Алексеева, В.М. Гессена, Б.А. Кистяковского, Н.М. Коркунова, С.А. Котляревского, П.И. Новгородцева, Н.И. Павлиенко, М.А. Рейснера и некоторых других ученых.

Без формирования духовного и нравственного менталитета в широких слоях общества правового государства не построить. Государственная политическая элита, лишенная духовного православного менталитета, склонная к преимущественному удовлетворению собственных материальных интересов и получению власти, никогда не будет служить интересам абсолютного большинства населения и национальным интересам своего государства. В условиях рыночной демократии, политическая элита государства всегда особое значение уделяла лишь материальным приоритетам, полностью игнорируя Божие законы развития природы, общества и нравственного самосознания человека. Результатом такой политики явился многолетний экономический кризис, оказавший негативное влияние на социальный уровень жизни абсолютного большинства гражданского общества России и способствовавший обогащению узкого круга государственных чиновников, и покровительствуемой ими олигархии.

Истории развития человеческого общества известны многочисленные факты социальных и экономических кризисов различных государств, и их последствия, связанные с внутренними и внешними противоречиями, приводящими к насилию, местным кровавым конфликтам и внешней военной агрессии. Вместе с тем, мало кто из политических деятелей и высших должностных лиц публичной власти, задумывался над тем, что все эти конфликты возникают, чаще всего, там и тогда, где и когда народ и его политические элиты игнорируют Заповеди Господние, где гонение православной культуры, является неотъемлемой частью государственной светской политики.

Как показывает мировая историческая практика и события, происходящие в последнее десятилетие во многих государствах мира и в нашей братской православной Украине, неповиновение законной власти ведет не только к разрушению государственности, утрате суверенитета таких государств, но и к трагическим последствиям для их народов. Безусловно, недоверие к законной власти и неповиновение ей происходит не без внешнего сатанинского влияния, исходящего от человеконенавистнических кругов США, стремящихся к мировому господству, получающих огромные прибыли на торговле оружием, финансовом и промышленном мошенничестве, организации кровавых конфликтов, «цветных революций» и захвате экономических ресурсов иных суверенных государств. Противостоять сатанистскому влиянию данной идеологии может только православный менталитет, сохранившийся в России и некоторых других малочисленных государствах, в которых еще возможно построение правового, социально справедливого государства, основанного на взаимной любви, взаимоуважении и взаимном доверии между властью и народом.

Учитывая вышеизложенное, можно попытаться сформулировать подходы к пониманию правового государства. Правовым – социально справедливым, следует считать такое государство, в котором его законы и публичная власть, обладающая православным духовно-нравственным менталитетом, пользуются полным доверием абсолютного большинства населения, используя свои должностные полномочия исключительно на благо своего народа и национальной безопасности государства, в котором нет места коррупционным проявлениям, а национальные доходы справедливо распределяются между всеми слоями общества, реально обеспечивая им достойный уровень жизни.

Библиографические ссылки

1. Абдрахманов А.И., Хабибулин А.Г. Министерство внутренних дел на рубеже эпох: традиции и перспективы // Юридическая наука: история и современность. 2012. № 10. С. 22-30.
2. Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993-2003 гг. 2-е изд., доп. / отв. ред. С.В. Степашин. М. : Олита, 2005.
3. Аристотель. Сочинения. Т. 4. М. : Мысль, 1983.
4. Правовое государство: реальность, мечты, будущее / В.М. Боер и др. ; под ред. В.П. Сальникова. СПб.: Алетейя, 1999.
5. Верховодов Е.В., Сальников В.П., Романовская В.Б. «Естественное право» и «добродетель» в трудах Аристотеля // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 8. С. 201-208.
6. Второе соборное послание святого апостола Петра // Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Т.2. М. : Московский Сретенский монастырь; Новая книга, 1996.
7. Галиев Ф.Х. В.М. Гессен об институтах правового государства // Государственно-правовые институты современного общества : сб. ст. к Всероссийской научно-практической конференции посвященной 100-летию Республики Башкортостан (г. Уфа, 14 декабря 2018 г.) / отв. ред. Ф.М. Раянов. Уфа : РИЦ БашГУ, 2018. С. 55-61.
8. Галиев Ф.Х. Проблема толерантности в условиях гражданского общества и правового государства // Проблемы формирования правового государства в России : материалы Международной научно-практической конференции (20-21 марта 2013 г.). Уфа : РИЦ БашГУ, 2013. С. 119-128.
9. Галиев Ф.Х. Правовая культура в информационном пространстве гражданского общества и правового государства // Юридическая мысль. 2011. № 3 (65). С. 23-31.
10. Галиев Ф.Х., Комаров С.А. Правовое государство и правовая культура: взаимосвязь и взаимообусловленность // Юридическая наука. 2016. № 6. С. 10-14.
11. Галиев Ф.Х., Раянов Ф.М. Обществоведение в XXI веке: теоретико-правовой аспект. Уфа : Башк. энцик., 2018.
12. Галеотти Марк. Воры. История организованной преступности в России / пер. с англ. А. Финогенова и П. Миронов ; ред. А. Смятковский. М. : Индивидуум паблишинг, 2019.
13. Егоршин В.М. Полиция – Милиция – Полиция (общее состояние и оперативно-розыскной аспект) // Юридическая наука: история и современность. 2012. № 11. С. 167-187.
14. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права : монография. М. : Юрлитинформ, 2019.
15. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия и юридическая наука : монография. М. : Юрлитинформ, 2019.
16. Идея справедливости в традициях постклассической философии права / Р.Ф. Исмагилов и др.; под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб. : Фонд «Университет», 2012.
17. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Платон, Аристотель, Фома Аквинский и идея справедливости в естественно-правовой традиции // Мир политики и социологии. 2016. № 9. С. 19-26.
18. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX–XXI вв.) : монография. СПб. : Фонд «Университет», 2017.
19. История философии права : монография / А.П. Альбов и др.; отв. ред.: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. СПб. : Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998.
20. Колядин А.М. Политическая элита: понятие и сущность // Правовое поле современной экономики. 2016. № 7. С. 45-53.
21. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права. 4-е изд. М., 2010.
22. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права : учебник. М. : Юристъ, 2004.
23. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев). Русская Симфония. СПб. : Царское Дело, 2007.

24. Мусаев М.А. Эпоха античности и начало становления идеи о правах человека: роль правового гуманизма // Правовое поле современной экономики. 2015. № 10. С. 97-108.
25. От Матфея Святое Благовествование // Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Т.1. М. : Московский Сретенский монастырь; «Новая книга», 1997.
26. Послание к Римлянам святого апостола Павла // Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Т.2. М. : Московский Сретенский монастырь; Новая книга, 1996.
27. Приватизация: глобальные тенденции и национальные особенности / отв. ред. В.А. Виноградов; Ин-т науч. информ. по обществ. наукам РАН. М. : Наука, 2006.
28. Раянов Ф.М., Минниахметов Р.Г., Пономарев Д.А. Право и законность в демократическом обществе. М., 2004. С. 18-41.
29. Раянов Ф.М. Сущность правового государства: историко-цивилизационный подход // Правовое государство: теория и практика. 2912. № 4 (30). С. 8-16.
30. Романовская Л.Р., Верховодов Е.В. Античные корни естественно-правовой теории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. 2002. № 1. С. 84-88.
31. Сальников В.П. Институализация коррупционных отношений // Защита и безопасность. 2013. № 1 (64). С. 13-15.
32. Сальников В.П., Ромашов Р.А., Сальников М.В. Теория правового государства (попытка современной интерпретации) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2002. № 3 (15). С. 3-14.
33. Хабибулин А.Г. Концептуализм и системность в реформировании полиции: опыт первых десятилетий XX и XXI вв. // Законодательство. 2013. № 5. С. 56-61.

References

1. Abdrakhmanov A.I., Khabibulin A.G. Ministerstvo vnutrennikh del na rubezhe epokh: traditsii i perspektivy (Ministry of the Interior at the turn of the epoch: traditions and perspectives). *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2012, No. 10, pp. 22-30.
2. Analiz protsessov privatizatsii gosudarstvennoy sobstvennosti v Rossiyskoy Federatsii za period 1993-2003 gg. (Analysis of the processes of privatization of state property in the Russian Federation for the period 1993-2003). 2-ye izd., dop., otv. red. S.V. Stepashin. Moscow, Olita, 2005.
3. Aristotel'. Sochineniya (Writings). T. 4. Moscow, Mysl', 1983.
4. Pravovoye gosudarstvo: real'nost', mechty, budushcheye (The rule-of-law state: reality, dreams, future). V.M. Boyer i dr., pod red. V.P. Sal'nikova. St. Petersburg, Aleteyya, 1999.
5. Verkhovodov Ye.V., Sal'nikov V.P., Romanovskaya V.B. «Yestestvennoye pravo» i «dobrodetel'» v trudakh Aristotelya ("Natural law" and "good-natured" in the works of Aristotle). *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2015, No. 8, pp. 201-208.
6. Vtoroye sobornoye poslaniye svyatogo apostola Petra (The Second Conciliar Epistle of the Holy Apostle Peter). *Novyy Zavet Gospoda nashego Iisusa Khrista*. T.2. Moscow, Moskovskiy Sretenskiy monastyr'; Novaya kniga, 1996.
7. Galiyev F.Kh. V.M. Gessen ob institutakh pravovogo gosudarstva (Hessen on the institutions of the rule-of-law state). *Gosudarstvenno-pravovyye instituty sovremennogo obshchestva*, sb. st. k Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii posvyashchennoy 100-letiyu Respubliki Bashkortostan (g. Ufa, 14 dekabrya 2018 g.), otv. red. F.M. Rayanov. Ufa, RITS BashGU, 2018, pp. 55-61.
8. Galiyev F.Kh. Problema tolerantnosti v usloviyakh grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva (The Problem of Tolerance in the Conditions of Civil Society and the Rule-of-Law state). *Problemy formirovaniya pravovogo gosudarstva v Rossii*, materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (20-21 marta 2013 g.). Ufa, RITS BashGU, 2013, pp. 119-128.
9. Galiyev F.Kh. Pravovaya kul'tura v informatsionnom prostranstve grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva (Legal culture in the information space of civil society and the rule-of-law state). *Yuridicheskaya mysl'*, 2011, No. 3 (65), pp. 23-31.
10. Galiyev F.Kh., Komarov S.A. Pravovoye gosudarstvo i pravovaya kul'tura: vzaimosvyaz' i vzaimoobuslovlennost' (The rule-of-law state and legal culture: the relationship and interdependence). *Yuridicheskaya nauka*, 2016, No. 6, pp. 10-14.

11. Galiyev F.Kh., Rayanov F.M. Obshchestvovedeniye v XXI veke: teoretiko-pravovoy aspekt (Social Science in the 21st Century: Theoretical and Legal Aspect). Ufa, Bashk. entsik., 2018.
12. Galeotti Mark. Vory. Istoriya organizovannoy prestupnosti v Rossii (Thieves. The history of organized crime in Russia), per. s angl. A. Finogenova i P. Mironov ; red. A. Smyatkovskiy. Moscow, Individuum pablishing, 2019.
13. Yegorshin V.M. Politsiya – Militsiya – Politsiya (obshcheye sostoyaniye i operativno-rozysknoy aspekt) (Police - Militia - Police (general status and operational-search aspect). *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2012, No. 11, pp. 167-187.
14. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Sal'nikov V.P. Logos prava: Parmenid – Gegel' – Dostoyevskiy. K voprosu o spekulyativno-logicheskikh osnovaniyakh metafiziki prava (Logos of law: Parmenides - Hegel - Dostoevsky. To the issue of the speculative logical foundations of the metaphysics of law: monograph), monografiya. Moscow, Yurlitinform, 2019.
15. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Filosofiya i yuridicheskaya nauka : monografiya (Philosophy and legal science: monograph). Moscow, Yurlitinform, 2019.
16. Ideya spravedlivosti v traditsiyakh postklassicheskoy filosofii prava (The idea of justice in the traditions of postclassical philosophy of law). R.F. Ismagilov i dr.; pod obshch. red. V.P. Sal'nikova. St. Petersburg, Fond «Universitet», 2012.
17. Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. Platon, Aristotel', Foma Akvinskiy i ideya spravedlivosti v yestestvenno-pravovoy traditsii (Plato, Aristotle, Thomas Aquinas and the idea of justice in the natural-legal tradition). *Mir politiki i sotsiologii*, 2016, No. 9, pp. 19-26.
18. Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. Pravo i spravedlivost': istoricheskiye traditsii i sovremennyye modeli (Istoriko-pravovoy analiz teoreticheskikh issledovaniy aktual'nykh voprosov otnosheniya idei prava i idei spravedlivosti v XX – XXI vv.) (Law and Justice: Historical Traditions and Modern Models (Historical and legal analysis of the theoretical studies of topical issues of the relationship between the idea of law and the idea of justice in the XX – XXI centuries), monografiya. St. Petersburg, Fond «Universitet», 2017.
19. Istoriya filosofii prava (History of philosophy of law), monografiya, A.P. Al'bov i dr., otv. red.: A.P. Al'bov, D.V. Maslennikov, V.P. Sal'nikov. St. Petersburg, Yuridicheskiy institut (Sankt-Peterburg), Sankt-Peterburgskiy un-t MVD Rossii, 1998.
20. Kolyadin A.M. Politicheskaya elita: ponyatiye i sushchnost' (Political elite: the concept and essence). *Pravovoye pole sovremennoy ekonomiki*, 2016, No. 7, pp. 45-53.
21. Lazarev V.V., Lipen' S.V. Teoriya gosudarstva i prava (Theory of State and Law). 4-ye izd. Moscow, 2010.
22. Matuzov N.I., Mal'ko A.V. Teoriya gosudarstva i prava (Theory of State and Law), uchebnik. Moscow, Yurist", 2004.
23. Mitropolit Sankt-Peterburgskiy i Ladozhskiy Ioann (Snychev). Russkaya Simfoniya (Russian Symphony). St. Petersburg, Tsarskoye Delo, 2007.
24. Musayev M.A. Epokha antichnosti i nachalo stanovleniya idei o pravakh cheloveka: rol' pravovogo gumanizma (The era of antiquity and the beginning of the formation of the idea of human rights: the role of legal humanism). *Pravovoye pole sovremennoy ekonomiki*, 2015, No. 10, pp. 97-108.
25. Ot Matfeya Svyatoye Blagovestvovaniye (Matthew's Holy Gospel). *Novyy Zavet Gospoda nashego Iisusa Khrista*. T.1. Moscow, Moskovskiy Sretenskiy monastyr'; «Novaya kniga», 1997.
26. Poslaniye k Rimlyanam svyatogo apostola Pavla (Epistle to the Romans of the holy Apostle Paul). *Novyy Zavet Gospoda nashego Iisusa Khrista*. T.2. Moscow, Moskovskiy Sretenskiy monastyr'; Novaya kniga, 1996.
27. Privatizatsiya: global'nyye tendentsii i natsional'nyye osobennosti (Privatization: global trends and national characteristics), otv. red. V.A. Vinogradov; In-t nauch. inform. po obshchestv. naukam RAN. Moscow, Nauka, 2006.
28. Rayanov F.M., Minniakhmetov R.G., Ponomarev D.A. Pravo i zakonnost' v demokratiche-skom obshchestve (Law and legality in a democratic society). Moscow, 2004. S. 18-41.
29. Rayanov F.M. Sushchnost' pravovogo gosudarstva: istoriko-tsivilizatsionnyy podkhod (The essence of the rule-of-law state: the historical-civilizational approach). *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2912, No. 4 (30), pp. 8-16.

30. Romanovskaya L.R., Verkhovodov Ye.V. Antichnyye korni yestestvenno-pravovoy teorii (Antique roots of the natural-legal theory). *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, Seriya: Pravo, 2002, No. 1, pp. 84-88.
31. Sal'nikov V.P. Institualizatsiya korruptsionnykh otnosheniy (Institutionalization of corruption relations). *Zashchita i bezopasnost'*, 2013, No. 1 (64), pp. 13-15.
32. Sal'nikov V.P., Romashov R.A., Sal'nikov M.V. Teoriya pravovogo gosudarstva (popytka sovremennoy interpretatsii) (Theory of the rule-of-law state (attempts of modern interpretation). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2002, No. 3 (15), pp. 3-14.
33. Khabibulin A.G. Kontseptualizm i sistemnost' v reformirovanii politsii: opyt pervykh desyatiletiy XX i XXI vv. (Conceptualism and systemacy in police reform: the experience of the first decades of the 20th and 21st centuries). *Zakonodatel'stvo*, 2013, No. 5, pp. 56-61.

Дата поступления: 01.02.2019 *Received: 01.02.2019*

УДК 347.44 + 004

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДОГОВОРНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

ПУЧКОВ Олег Александрович
доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права, директор Института прокуратуры Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: argun061@gmail.com

TRANSFORMATION OF CONTRACTUAL LAW UNDER THE CONDITIONS OF INFORMATION TECHNOLOGIES: NEW TRENDS

PUCHKOV Oleg Aleksandrovich
Doctor of Law, Professor of the Department of Theory of State and Law, Director of the Institute of Prosecution Service of the Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia.
E-mail: argun061@gmail.com

Последнее десятилетие цивилизация имеет дело с принципиально новым способом бытия человека – бытия, обретающего новую сущность – пространственно-временную цифровую трансценденцию. Эта новая черта имплицитно значима для сферы права. В силу своего консервативного характера право запаздывает за новыми технологическими трендами XXI века, однако оно также пытается перестроиться, обретая новые формы и обновленное содержание. Одним из образцов таких изменений может служить контрактное (договорное) право, которое является юридическим выражением свободы акторов экономики (в том числе в сельском хозяйстве, промышленном производстве). Время традиционных почтовых сообщений ушло в прошлое, и вот мы становимся очевидцами, как договаривающиеся стороны задей-

The last decade, civilization has to deal with a fundamentally new way of human existence, the existence acquiring a new essence - space-time digital transcendence. This new feature is implicitly significant for the sphere of law. By virtue of its conservative nature, the law is late for new technological trends of the 21st century, but it is also trying to restructure itself, acquiring new forms and updated content. One of the examples of such changes is contract (contractual) law, which is a legal expression of the economy actors' freedom (including agriculture, industrial production). The time of traditional mail messages is a thing of the past, and now we are witnessing how contracting parties use all the technological power to gain competitive advantages at the expense of digital technol-

ствуют всю технологическую мощь, чтобы получить конкурентные преимущества за счет цифровых технологий. Как результат, стороны в договорных отношениях стремятся быстрее, лучше и качественнее оформлять торговые сделки, заключать договоры поставки и т.д.

ogies. As a result, the parties in contractual relations seek to execute trade transactions, enter into supply agreements, etc., faster, better and more qualitatively.

Ключевые слова: цифровые технологии, экономика, сделка, договор, права, блокчейн, децентрализованная цифровая платформа.

Key words: digital technologies, economy, transaction, contract, rights, blockchain, decentralized digital platform.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18-29-16148 «Трансформация права в условиях развития цифровых технологий»

Цифровые технологии захватили современный мир. Они доминируют в государственном управлении, в промышленном производстве, сельском хозяйстве, социальной и культурной сфере. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы, утвержденная Президентом РФ [1], формулирует основные направления и средства, с помощью которых будет решаться глобальная задача цифровизации общества. В чем же заключается их основная черта, главные преимущества перед традиционными технологиями деятельности человека? Все преимущества можно классифицировать на две группы: 1. Технические преимущества; 2. Социальные преимущества. К первой группе относятся такие, как быстрота получения, хранения, переработки информации; высокая скорость переноса информации, ее обмена, взаимодействия между субъектами; фиксация событий, людей, их деятельности в цифровом виде; минимальность пространства, занимаемого большим количеством данных; возможность соединения в одну сеть неограниченного числа пользователей (на основе протокола IP), использование искусственного интеллекта как альтернативы человеческому мышлению и т.д. К социальным преимуществам цифровых технологий можно отнести снижение издержек производства товаров и услуг, высокую степень вовлеченности большого количества людей в цифровую коммуникацию, трансформацию привычных материальных объектов (таких как искусство, спорт, досуговая деятельность, законодательство, право, сделки, купля-продажа товара и т.д.) в новую цифровую форму, находящуюся выражаясь языком Платона, «между» миром вещей и миром идей.

Важно понимать, что последнее десятилетие цивилизация имеет дело не столько с модой на некие технологические инновации, сколько с принципиально новым способом бытия человека – бытия, обретающего новую сущность – пространственно-временную цифровую трансценденцию. Эта новая черта имплицитно значима для сферы права. В силу своего консервативного характера право запаздывает за новыми технологическими трендами XXI века, однако оно также пытается перестроиться, обретая новые формы и обновленное содержание. Одним из образцов таких изменений может служить контрактное (договорное) право, которое является юридическим выражением свободы акторов экономики (в том числе в сельском хозяйстве, промышленном производстве). Время традиционных почтовых сообщений ушло в прошлое, и вот мы становимся очевидцами, как договаривающиеся стороны задействуют всю технологическую мощь, чтобы получить конкурентные преимущества за счет цифровых технологий. Как результат, стороны в договорных отношениях стремятся быстрее, лучше и качественнее оформлять торговые сделки, заключать договоры поставки и т.д. В силу сказанного, представляется актуальным проанализировать новые тренды, связанные с цифровизацией до-

говорных отношений, обеспечивающих, в конечном счете, большую эффективность бизнес-процессов в сфере экономических отношений, прежде всего.

Научная литература, посвященная специально договорным отношениям в экономике, не слишком велика [2; 3; 4; 5]. Новые тенденции в договорном праве, связанные с цифровыми технологиями, в научной литературе практически остаются без внимания. Это заставляет нас заполнить известные пробелы собственным научным анализом. Итак, каков современный договор, выступающий юридической формой отношений сторон? Пока по преимуществу, в силу традиций, сложившихся деловых обычаев, в России преобладает договор, имеющий простую письменную форму. Именно такой формы требует ст. 160 Гражданского кодекса РФ: «1. Сделка в письменной форме должна быть совершена путем составления документа, выражающего ее содержание и подписанного лицом или лицами, совершающими сделку, или должным образом уполномоченными ими лицами». Однако в последнее время, учитывая, что ст. 434 ГК РФ позволяет большую свободу в форме сделки, учитывая прямое дозволение законодателя, изложенное в ч. 2 ст. 434 ГК РФ («…электронным документом, передаваемым по каналам связи, признается информация, подготовленная, отправленная, полученная или хранимая с помощью электронных, магнитных, оптических либо аналогичных средств, включая обмен информацией в электронной форме и электронную почту»). Эта позиция законодателя «открыла шлюзы», в результате чего процесс заключения договора в электронной форме стал реальностью.

Обозначенный выше предмет исследования диктует соответствующие методы познания: в частности, требуется использование комплекса формально-правовых методов познания. Среди таковых следует назвать метод толкования права, системно-структурный метод, метод абстрактного моделирования, функционально-правовой метод. Их синергия в мышлении познающего субъекта способна дать прирост нового знания и соответствующие рекомендации.

В настоящее время все шире используется система электронных контрактов, когда одно юридическое лицо подписывает документы с другим в электронном виде. Исполнение тоже контролируется в электронном виде. Производитель отгрузил товар – деньги быстро переводятся с одного счета на другой.

Однако в этой сфере публичных и частных отношений возникает проблема идентификации и аутентификации лиц. Пока далеко не все сельхозпроизводители «обзавелись» электронной цифровой подписью, в результате чего проблема подтверждения полномочий тех или иных уполномоченных лиц решается по старинке – путем оформления письменной нотариальной доверенности. Одной из важных проблем, препятствующих «триумфальному шествию» договоров в электронной форме является отсутствие общей цифровой среды доверия. Создание единой цифровой среды доверия позволит существенно снизить издержки и ускорить формирование новых бизнес процессов. Пока в этой области существуют огромные правовые пробелы. Очевидно, что нужен закон, комплексно регулирующий вопросы цифровой экономики, в том числе в сфере сельхозпроизводства. В идеале было бы разумным принятие нового комплексного кодифицированного закона, играющего базовую роль. Таковым, например, мог бы стать «Кодекс цифровой экономики». В нем должны быть отражены такие актуальные вопросы, как цифровая среда доверия, вопросы получения и использования больших данных, статус цифровых систем и вещей, которые существуют только в виртуальном пространстве и многое другое. Кроме того, принятие такого закона повлечет серьезные правки многих законодательных актов в Российской правовой системе.

Современные российские компании, если они не хотят оказаться в обозе современных мировых тенденций, должны обладать высокой степенью информатизации, должны быть готовы к открытости и диалогу с органами государства, а также должны иметь желание в ре-

жиме онлайн присутствовать в информационных системах. Государство, в свою очередь, должно в отношении таких компаний изыскать возможность снизить административную нагрузку. Все это взаимосвязанные аспекты, которые в синергии способны придать сфере экономки современный вид. Пока российское национальное законодательство содержит эти возможности только частично; требование времени заключается в том, чтобы исключить те средства регламентации, которые тормозят развитие экономических отношений. Эта сфера постепенно начинает испытывать на себе внедрение новых цифровых технологий – технологий больших данных, реестров распределенных данных и др. Это новые механизмы и инструменты первой половины XXI века. Если эти данные правильно использовать и анализировать, то уровень принятия управленческих решений, их эффективность может существенно повыситься. Пока же мы не видим на дорогах страны автономных, избегающих столкновений машин под управлением роботов – машин без водителя, беспилотных летательных аппаратов, направляющих потоки городского транспорта и т.д. Закономерен вопрос: готовы ли российские предприятия использовать эти новые технологии, есть ли у них соответствующие кадры, профессиональные компетенции и знания? Едва ли, в силу чего актуальным выглядит соответствующее IT-обучение. Эти цифровые технологии предоставляют неоспоримые возможности для повышения производительности труда, однако, это дело будущего.

Обращаясь к анализу сложившихся тенденций заключения современных договоров отметим, что повсеместно распространилась практика, в соответствии с которой договор заключается в простой письменной форме в виде одного документа (в том числе электронного), либо договор заключается на основе обмена электронными письмами.

В современных условиях востребована практика обычных письменных трудовых договоров. Однако постепенно в этой сфере складывается картина вторжения информационных технологий. Статья 312.2 Трудового кодекса Российской Федерации прямо закрепила положение, в соответствии с которым трудовой договор о дистанционной работе может заключаться путем обмена электронными документами. Пока в этих случаях работодатель обязан в трехдневный срок направить дистанционному работнику по почте заказным письмом с уведомлением оформленный надлежащим образом экземпляр данного трудового договора на бумажном носителе. Таковы требования закона.

Становится все более актуальной проблема широкого применения электронных методов сбора и обработки информации, связанной с трудовыми отношениями на всех их стадиях, о легализации электронного делопроизводства в кадровом деле. Давно пора на законодательном уровне решить вопрос об электронной трудовой книжке, а также о заключении, изменении и прекращении трудовых договоров в электронной форме. Эти проблемы являются ключевыми при решении вопроса о внедрении электронного делопроизводства (электронного документооборота). Кстати, законодательство большинства развитых стран разрешает осуществление всех операций, связанных с трудовыми договорами, в электронной форме.

Еще одна новая тенденция заключается в том, что с 1 октября 2019 г. в Гражданском кодексе появятся цифровые права. Цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу. Обладателем цифрового права признается лицо, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распоряжаться этим правом. В случаях и по основаниям, которые предусмотрены законом, обладателем цифрового права признается иное лицо. Насколько эта законодательная новелла способна повлиять на тренды в экономической сфере? Очевидно, что указанная норма порождает необходимость создания соответствующей

цифровой платформы, позволяющей автоматизировать процесс управления, и в конечном итоге, оцифровывать экономическую деятельность. Используя технологию децентрализованных информационных систем – блокчейн, можно добиться информационной безопасности, а также интеграции процессов управления и процессов предметной деятельности.

В литературе справедливо отмечается, что «блокчейн – это прорывная технология, которая получила широкое признание экспертов в различных областях» [2; 3; 4; 5]. Действительно, основанные на новой технологии, децентрализованные платформы реализуют основной принцип цифровой экономики – интеграцию процессов управления и процессов предметной деятельности. Например, в настоящее время за рубежом блокчейн применяется в сельском хозяйстве в системе управления водой [7], производстве пищевых продуктов с помощью искусственного интеллекта [8]. Широкое использование технологии блокчейн в агробизнесе потенциально позволяет увеличить прибыль сельхозпредприятий за счет того, что транзакционные издержки будут ниже, чем выше степень доверия между участниками договорных отношений. Кроме того, блокчейн-технологии позволяют обеспечить прозрачность в торговле сельскохозяйственной продукцией [9].

Еще один аспект рассматриваемой проблематики – идентификация сторон в договорных отношениях. Пока в практике деловых отношений в России, как уже отмечалось выше, доминируют бумажные документы и письменные подписи. Однако среда доверия к цифровым документам и подписям не всегда очевидна для налоговых органов и других контролирующих органов. Блок-цепочки могут стать цифровым эквивалентом подписи и оригинальных документов на бумаге. Технически блокчейн может выглядеть как регистр цифровых отпечатков пальцев, фиксируемых в форме цифровых файлов. Используя современные алгоритмы, на основе отпечатков пальцев, папиллярные узоры которого являются уникальными для каждого человека, создаются уникальные цифровые коды для, например, контрактов, заключаемых сельхозпроизводителем. В результате каждый документ получает уникальный цифровой отпечаток. Если какая-то фирма захочет доказать действительность, например, договора поставки продукции, она сможет предъявить подпись директора на бумаге, сохранив ее физически. Новая технология позволяет использовать цифровые отпечатки пальцев, сохранить их в цифровом виде (в файле), и сам отпечаток пальца можно одновременно сохранить в блокчейне.

Проблема доверия между сторонами в договорных отношениях в сфере экономики может также иметь решение в случае разработки и внедрения технологии электронных торгов через аукцион. Это существенно облегчает онлайн-транзакции, однако при этом необходимо установить среду доверия между продавцами, покупателями и аукционистами. Избежать сговора между сторонами в электронных торгах позволяет децентрализованная система электронных аукционов, которая увязана с так называемым «умным контрактом» на технологии блокчейн. Такая технология уже получила соответствующее применение [10].

Вообще говоря, умный контракт – это юридическая сделка между сторонами, оформленная в интернет среде, обладающая средствами цифровой защиты и обеспечивающая его эффективность на основе технологии блокчейн. Как отмечается в литературе, умный контракт облегчает платежную справедливость в торговле и необходимые транзакции [11]. Внедрение этих технологий в торговые отношения возможно при двух обстоятельствах: разработке соответствующих цифровых платформ и обучении персонала этим технологиям.

В силу сказанного, необходим закон, защищающий малые предприятия (до 200 работников) от возможности стать жертвой несправедливых условий контракта. Такой закон поможет установить баланс сил в пользу мелких предприятий, особенно если последние будут использовать инновации, связанные с цифровыми технологиями. В частности, такой закон должен содержать норму, согласно которой заключение договора поставки предполагает наличие в спецификации к договору данных по ассортименту и количеству продукции, кото-

рая должна быть поставлена. Другие обстоятельства, которые приводят к признанию договора между производителем и покупателем недействительным, связаны с тем, что:

1) условия договора устанавливают существенный дисбаланс в правах и обязанностях сторон;

2) реализация договора может нанести финансовый, материальный иной ущерб;

3) условия договора написаны непонятно, содержат внутренние противоречия, пробелы (например, отсутствует норма о сроках поставки продукции, сроках оплаты и т.д.).

Особенно сказанное актуально для сферы сельхозпроизводства, где практически во всех странах доминируют индивидуальные предприниматели, малые предприятия, а не крупные холдинги. В силу сказанного, необходим закон о защите прав сельского производителя. За положительными примерами далеко ходить не надо. Так, достаточно объемный закон (97 статей) был принят в Республике Индия в 2001 г. Он защитил не только права фермеров, права создателей новых сортов сельскохозяйственной продукции, но и урегулировал соответствующие права селекционеров [12]. В случае принятия аналогичного закона в России можно было бы рассчитывать на решение проблемы контрактов с мелкими фермерскими предприятиями. Такой закон нужен, поскольку он стал бы средством защиты фермеров от диктата крупных компаний, дал бы юридическую возможность пересмотра заключенных контрактов с учетом интересов фермеров. В конечном итоге изменения в контрактном (договорном) праве будут способствовать созданию более прозрачной, справедливой и равноправной контрактной среды, в которой не будет места внеэкономическому диктату сильного над слабым.

Библиографические ссылки

1. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 [Электронный ресурс]. URL: http://www.garant.ru/ products/ipo/prime/doc/71570570/#ixzz5D2MaODxR (дата обращения: 01.04.2019).
2. Беспалов Ю.Ф., Егорова О.А., Якушев П.А. Договорное право. М. : Юнити-Дана, Закон и право, 2014.
3. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга 5 (комплект из 2 книг). М. : Статут, 2016.
4. Лукьяненко В.Е. Договоры в сфере предпринимательской деятельности. Теория и практика (на примере сельского хозяйства). Ульяновск : Изд-во Ул. ГПУ им. И.Н. Ульянова, 2003.
5. Носова З.И. Договоры о закупках сельскохозяйственной продукции. М. : Статут, 2004.
6. Nicholas Kolokotronis, Konstantinos Limniotis, Stavros Shiaeles, Romain Griffiths. Secured by Blockchain: Safeguarding Internet of Things Devices // IEEE Consumer Electronics Magazine (Volume: 8 , Issue: 3 , May 2019) [Электронный ресурс]. URL: https://ieeexplore.ieee.org/document/8685031 (дата обращения: 22.04.2019).
7. Bordel Borja; Martin, Diego; Alcarria, Ramon. A Blockchain-based Water Control System for the Automatic Management of Irrigation Communities // 2019 IEEE INTERNATIONAL CONFERENCE ON CONSUMER ELECTRONICS (ICCE) [Электронный ресурс]. URL: http://apps.webofknowledge.com/Search.do?product=WOS&SID=C64zifS7xCwpHSaR33k&search_mode=GeneralSearch&prID=78970bd9-bf81-48ef-9e3a-b86763998782 (дата обращения: 22.04.2019).
8. Lin, Jun; Shen, Zhiqi; Zhang, Anting. Blockchain and IoT based Food Traceability for Smart Agriculture / 3rd International Conference on Crowd Science and Engineering (ICCSE). Nanyang Technol Univ, Singapore, SINGAPORE публ.: JUL 28-31. 2018 [Электронный ресурс]. URL: http://apps.webofknowledge.com/Search.do?product=WOS&SID=C64zifS7xCwpHSaR33k&search_mode=GeneralSearch&prID=78970bd9-bf81-48ef-9e3a-b86763998782 (дата обращения: 22.04.2019).
9. Faye, PS. Use of Blockchain Technology in Agribusiness: Transparency and Monitoring in Agricultural Trade // PROCEEDINGS OF THE 2017 INTERNATIONAL CONFERENCE ON

MANAGEMENT SCIENCE AND MANAGEMENT INNOVATION (MSMI 2017). AEBMR-Advances in Economics Business and Management Research. 2017. Volume: 31. Pages: 38-40 [Электронный ресурс]. URL: http://apps.webofknowledge.com/full_record.do?product=WOS&search_mode=GeneralSearch&qid=2&SID=C64zifS7xCwpHSaR33k&page=1&doc=8 (дата обращения: 19.04.2019).
10. Wu, Shuangke; Chen, Yanjiao; Wang, Qian. CReam: A Smart Contract Enabled Collusion-Resistant e-Auction. IEEE TRANSACTIONS ON INFORMATION FORENSICS AND SECURITY. 2019. Volume: 14-7. Pages: 1687-1701 [Электронный ресурс]. URL: http://apps.webofknowledge.com/ DaisyOneClickSearch.do?product=WOS&search_mode=DaisyOneClickSearch&colName=WOS&SID=C64zifS7xCwpHSaR33k&author_name=Chen,%20Yanjiao&dais_id=1191548&excludeEventConfig=ExcludeIfFromFullRecPage (дата обращения: 17.04.2019).
11. Wang, Yilei; Bracciali, Andrea; Li, Tao. Randomness invalidates criminal smart contracts. INFORMATION SCIENCES. MARCH 2019. Volume: 477. Pages: 291-301 [Электронный ресурс]. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0020025518308740?via%3Dihub (дата обращения: 22.04.2019).
12. The Protection of Plant Variety and Farmers Right Act, 2001 (PPVFR Act) [Электронный ресурс]. URL: https://wipolex.wipo.int/en/text/200363 (дата обращения: 16.04.2019).

References

1. O Strategii razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii na 2017-2030 gody. Ukaz Prezidenta RF ot 9 maya 2017 g. № 203 (On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030. Presidential Decree of May 9, 2017 No. 203). URL: http://www.garant.ru/ products/ipo/prime/doc/71570570/#ixzz5D2MaODxR (accessed date: 01.04.2019).
2. Bespalov Yu.F., Yegorova O.A., Yakushev P.A. Dogovornoye pravo (Contract law). Moscow, Yuniti-Dana, Zakon i pravo, 2014.
3. Braginskiy M.I., Vitryanskiy V.V. Dogovornoye pravo (Contract law). Kniga 5 (komplekt iz 2 knig). Moscow, Statut, 2016.
4. Luk'yanenko V.Ye. Dogovory v sfere predprinimatel'skoy deyatel'nosti. Teoriya i praktika (na primere sel'skogo khozyaystva) (Contracts in the field of business. Theory and practice (on the example of agriculture). Ul'yanovsk, Izd-vo Ul. GPU im. I.N. Ul'yanova, 2003.
5. Nosova Z.I. Dogovory o zakupkakh sel'skokhozyaystvennoy produktsii (Contracts for the purchase of agricultural products). Moscow, Statut, 2004.
6. Nicholas Kolokotronis, Konstantinos Limniotis, Stavros Shiaeles, Romain Griffiths. Secured by Blockchain: Safeguarding Internet of Things Devices. *IEEE Consumer Electronics Magazine* (Volume: 8 , Issue: 3 , May 2019). URL: https://ieeexplore.ieee.org/document/8685031 (accessed date: 22.04.2019).
7. Bordel Borja; Martin, Diego; Alcarria, Ramon. A Blockchain-based Water Control System for the Automatic Management of Irrigation Communities. *2019 IEEE INTERNATIONAL CONFERENCE ON CONSUMER ELECTRONICS (ICCE)*. URL: http://apps.webofknowledge.com/Search.do?product=WOS&SID=C64zifS7xCwpHSaR33k&search_mode=GeneralSearch&prID=78970bd9-bf81-48ef-9e3a-b86763998782 (accessed date: 22.04.2019).
8. Lin, Jun; Shen, Zhiqi; Zhang, Anting. Blockchain and IoT based Food Traceability for Smart Agriculture / 3rd International Conference on Crowd Science and Engineering (ICCSE). Nan-yang Technol Univ, Singapore, SINGAPORE publ.: JUL 28-31. 2018. URL: http://apps.webofknowledge.com/Search.do?product=WOS&SID=C64zifS7xCwpHSaR33k&search_mode=GeneralSearch&prID=78970bd9-bf81-48ef-9e3a-b86763998782 accessed date: 22.04.2019).
9. Faye, PS. Use of Blockchain Technology in Agribusiness: Transparency and Monitoring in Agricultural Trade. *PROCEEDINGS OF THE 2017 INTERNATIONAL CONFERENCE ON MANAGEMENT SCIENCE AND MANAGEMENT INNOVATION (MSMI 2017). AEBMR-Advances in Economics Business and Management Research*. 2017. Volume: 31. Pages: 38-40. URL: http://apps.webofknowledge.com/full_record.do?product=WOS&search_mode=General Search&qid=2&SID=C64zifS7xCwpHSaR33k&page= &doc=8 (accessed date: 19.04.2019).

10. Wu, Shuangke; Chen, Yanjiao; Wang, Qian. CReam: A Smart Contract Enabled Collusion-Resistant e-Auction. IEEE TRANSACTIONS ON INFORMATION FORENSICS AND SECURITY. 2019. Volume: 14-7. Pages: 1687-1701. URL: http://apps.webofknowledge.com/ DaisyOneClickSearch.do?product=WOS&search_mode=DaisyOneClickSearch&colName=WOS&SID=C64zifS7xCwpHSaR33k&author_name=Chen,%20Yanjiao&dais_id=1191548&excludeEventConfig=ExcludeIfFromFullRecPage (accessed date: 17.04.2019).
11. Wang, Yilei; Bracciali, Andrea; Li, Tao. Randomness invalidates criminal smart contracts. INFORMATION SCIENCES. MARCH 2019. Volume: 477. Pages: 291-301. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0020025518308740?via%3Dihub (accessed date: 22.04.2019).
12. The Protection of Plant Variety and Farmers Right Act, 2001 (PPVFR Act). URL: https://wipolex.wipo.int/en/text/200363 (accessed date: 16.04.2019).

Дата поступления: 10.04.2019 *Received: 10.04.2019*

УДК 340.12

СТАТУТ В АНГЛИЙСКОЙ СИСТЕМЕ ОБЩЕГО ПРАВА: ДОКТРИНА И ПРАКТИКА

САХАУТДИНОВ Динар Фанилевич
соискатель кафедры теории государства и права ФГБОУ «Уральский государственный юридический университет», г. Екатеринбург, Россия. E-mail: Sakhautdinov_df@mail.ru

Целью настоящей статьи является выяснение сущности статута в английской правовой доктрине и юридической практике. Используется метод исследования научных концепций, объясняющих статут как особый юридический феномен. На основе историко-правового сравнения актов английского прецедентного права высказывается идея о том, что статут, являясь феноменом англосаксонского права исторически возник как реакция на объективные недостатки судебного прецедента. Первые английские статуты выполняли две функции: юридическое оформление воли монарха, распространявшуюся на всю территорию королевства, и обобщение судебно-прецедентной практики. Высказывается гипотеза, согласно которой исторически сформировалось три концепции понимания статута: как королевского указа, как парламентского акта и как местного закона, изданного феодалом. Современная трактовка прецедента англосаксонской правовой тради-

STATUTE IN THE ENGLISH SYSTEM OF COMMON LAW: DOCTRINE AND PRACTICE

SAKHAUTDINOV Dinar Fanilevich
Postgraduate Student of the Department of Theory of State and Law of the Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia. E-mail: Sakhautdinov_df@mail.ru

The purpose of this paper is to clarify the essence of the statute in the English legal doctrine and legal practice. The author uses a method of researching scientific concepts that explain the statute as a special legal phenomenon. On the basis of a historical and legal comparison of acts of English case law, the idea is expressed that the statute, being a phenomenon of Anglo-Saxon law, historically arose in response to objective shortcomings of judicial precedent. The first British statutes performed two functions: legal implementation of the will of the monarch, which extended to the whole territory of the kingdom, and the compilation of judicial-precedent practice. The hypothesis is expressed, according to which three concepts of understanding the statute have been formed historically: as a royal decree, as a parliamentary act, and as a local law issued by a feudal lord. The modern interpretation of precedent of the Anglo-Saxon legal tradition is expressed in the

цией выражается в том, что статут – это уже не столько результат ученых-юристов, сколько объективный результат деятельности судей. Поэтому сущность современного статута заключается в обобщении правовых позиций, выраженных в судебных прецедентах.

fact that the statute is no longer the result of legal scholars, but it is an objective result of judges' activities. Therefore, the essence of the modern statute is to summarize the legal positions expressed in judicial precedents.

Ключевые слова: статут, доктрина, судебный прецедент, английское право, юридическая наука, правовая традиция, история.

Key words: statute, doctrine, judicial precedent, English law, legal science, legal tradition, history.

Целью настоящей статьи является выяснение сущности, правовой природы статута в английской правовой доктрине и практике. При этом будем исходить из того, что отождествлять понятия закона как правового явления в континентальной правовой традиции и статута в англосаксонском праве не рационально, несмотря на то, что английское слово «statute» традиционно переводится на русский язык как «закон» [1, с. 316]. Другими словами, закон как явление континентальной правовой системы и статут как феномен англосаксонского права большинством отечественных исследователей определяются как равнозначные [2, с. 19; 3, с. 14-15]. Научное определение любого юридического явления, правового понятия зависит, с нашей точки зрения, от того культурно-смыслового контекста, в котором существует данное явление или понятие. В этом смысле такие контексты в континентальном и общем праве существенно различаются в силу самого различия существующих правовых традиций. По этому поводу историки английского права F. Pollok и F.W. Maitland отмечают: «Обычно слово «статут» употребляется нами для обозначения некоего произвольного установления, существование которого обусловлено лишь волей законодателя. Но до сих пор при этом отсутствует какая-либо теория, объясняющая отношения между законом писаным и неписаным, между правом и обычаем, между правом, какое оно и есть, и правом, каким оно должно быть» [33, с. 176]. Из приведенного утверждения следует, что теоретические вопросы соотношения судебного прецедента как традиционного источника англосаксонского права и статута по-прежнему не разрешены в юридической науке государств, принадлежащих системе общего права; уклоняются от разрешения данного вопроса и высшие судебные инстанции. Так, в 1997 г. Высокий Суд Австралийского Союза, разрешая в деле Lange v. Australian Broadcasting Corporation [24] вопрос о соотношении парламентского статута и судебного прецедента, отметил: «В Австралии Конституция, законы Федерации, штатов и территорий и общее (прецедентное) право совместно формируют правовую систему в смысле единого, писаного и неписаного, права».

Таким образом, допустимо утверждать, что в странах англосаксонской правовой системы сложился своего рода дуализм правотворчества, когда нормы права создаются как судом, так и представительным органом власти. При этом следует отметить, что для англосаксонских юристов статут – это в определенной степени чужеродный феномен, не характерный для англосаксонской правовой традиции. По этому поводу B. Cardozo, отрицая значение статутного права для англо-американского права, отмечает: «Право есть только там, где оно определено в судебном решении, и впоследствии реализовано. В текстах статутов нет ни принципов, ни норм: они есть только в судебной практике» [14, с. 126].

Обратимся к истории англосаксонского права, чтобы сформулировать два тезиса, имеющих существенное значение для дальнейшего хода исследования.

Во-первых, на момент норманнского завоевания в 1066 г. Англия существенно отстает от континентальной Европы в своем политико-правовом развитии. Исторически формирую-

щиеся нормы варварского права, вытеснившие в V в. римское право классического образца, не образуют в Англии единую и целостную систему, правовую систему в современном понимании. Такому положению вещей в значительной мере способствует этнополитическая раздробленность и отсутствие единой системы государственного управления. Формы права, которые в XI в. начнут возрождаться в Европе под влиянием деятельности глоссаторов из догмы римского права, практически полностью утрачены в Англии, которая вследствие географической «оторванности» от Европейского континента не включается в европейское концептуальное пространство того времени. В этом смысле, безусловно, говорить о полном отсутствии права в Англии до норманнского завоевания было бы некорректно, но при этом тезис об отсутствии в Англии до 1066 г. права как системы представляется вполне обоснованным.

Во-вторых, норманнское завоевание обусловило трансформацию государственно-правовой системы Англии. Перед Вильгельмом I как английским королем встала в связи с этим задача построения системы государственно-властных институтов на завоеванной территории, в том числе – создание нормативно-правового массива, необходимого для упорядочения публичного управления [6, с. 32].

R. Huscroft пишет в связи с этим, что ключевым моментом в становлении англосаксонской правовой традиции стало соединение традиционных, но неразвитых форм государственного управления в Британии с нормандской публично-административной моделью [42, с. 187]. В частности, именно к периоду норманнского владычества относится появление первых статутов и судебных прецедентов как системообразующих источников англосаксонского права. В этой связи стоит отметить, что на территории Герцогства Нормандия, находящегося в вассальной зависимости от Королевства Франция на момент завоевания Вильгельмом Британии действует право, сформированное обычной практикой франков и викингов и не характеризующееся какой-либо систематизацией.

Изложенное обусловило необходимость формирования в завоеванной норманнами Англии единой системы публичного управления и, соответственно, релевантного ей нормативно-правового массива. В этом смысле, по сути, с 1066 г. берет свое начало крупномасштабное политико-правовое обновление Англии, в результате которого появляются такие правовые феномены как статут и прецедент.

Судебный прецедент как источник права появляется в новом правовом пространстве Англии несколько раньше писаного права. В отсутствие права как системы в завоеванной норманнами Англии основным инструментом правотворчества стала деятельность судов по разрешению конкретных дел. Однако в этой связи неизбежно возникал риск, в силу которого разные судьи, относящиеся в современном понимании к одному и тому же звену судебной системы, могли постановлять противоречащие другие решения. Вследствие этого назревала необходимость централизованного правотворчества, издания нормативно-правовых актов, имеющих обязательную силу на всей территории Англии. В этой связи допустимо, по нашему мнению, утверждать, что сам феномен статута, статутного права в англосаксонской правовой традиции обусловлен феноменом прецедента. Американский исследователь K.D. Kmiec отмечает в связи с этим, что прецедент как источник права в целом казуистичен: в его предметно-регулятивном поле находится достаточно ограниченный фрагмент правовой действительности, вследствие чего на уровне прецедентного права весьма сложно, а зачастую невозможно урегулировать сколь-либо широкий круг общественных отношений [22, с. 1466].

Как пишет T.K. Viswanathan, в истории английского права статутами (statute) были названы первые законы, изданные королем Вильгельмом I [44, с. 10]. Всего в правление Вильгельма I (с 1066 по 1087 гг.) было издано 9 статутов. Самый первый из них, изданный в 1069 г., гласил: «Первое и наиглавнейшее, чего желает Его Величество, состоит в том, чтобы каждый в Англии принял веру в Христа, которая да будет нерушимой, и чтобы впредь между

англичанами и норманнами царили мир и согласие». Безусловно, с позиции юридической техники данный текст трудно назвать статутом в современном понимании. Однако его содержание позволяет, по нашему мнению, определить ключевые методологические аспекты статута как феномена правовой действительности в англосаксонской правовой традиции. Во-первых, статут был направлен на регулирование больших групп общественных отношений. Так, например, второй статут Вильгельма, предписывал каждому англичанину принести клятву верности королю [44, с. 10]. Во-вторых, статут в целом не только транслировал волю короля, но и по существу обобщал судебную практику. В частности, решение Суда Королевской Скамьи по делу Элдреда, ставшее впоследствии «образцом» для нижестоящих судов при вынесении решений по аналогичным делам, касалось лишь одного аспекта отношений англичан и норманнов – права собственности на завоеванные земли. Первый статут Вильгельма не только по существу закреплял данное правило, изначально сформулированное именно в прецедентных решениях (поскольку насильственное удержание земель норманнами вряд ли способствовала бы установлению «мира и согласия» в их взаимных отношениях с англичанами), но и распространял абстрактную правовую позицию, ставшую основой для решения по делу Элдреда, на все прочие отношения между англичанами и норманнами. В-третьих, границы действия статута в пространстве существенно превышали границы действия прецедента: статут, будучи принятым самим королем, автоматически распространялся на всю территорию Англии [17, с. 1068].

В связи с этим допустимо утверждать, что в историческом контексте первые английские статуты имели в целом ряд общих черт с законами как традиционными источниками права в континентальной правовой традиции. Однако при этом первые статуты обладали рядом сущностных отличий от классического закона, выражающихся в первую очередь в том, что статуты были в целом направлены на обобщение судебной практики и устранение возможных коллизий между волей короля и содержанием конкретных прецедентных решений, выносимых судами ассизов.

Впоследствии с образованием первого английского парламента (1215 г.) статутами стали называться акты парламентского законодательства. С указанного периода существо статута как правового явления в англосаксонской правовой традиции существенно меняется. Так, до 1215 г. роль статутов выполняли распоряжения английских королей, которые с точки зрения юридической техники имели мало общего с законами в современном понимании. 1215 г. ознаменовал в этом смысле фундаментальные изменения сущности статута. Первый статут английского парламента, принятый 19 июня 1215 г., – так называемая Великая хартия вольностей (Magna Carta Libertatum), – выражал уже не волю короля, а волю представителей четырех основных сословий феодального английского общества – знати, духовенства, горожан и свободных крестьян (фригольдеров). Будучи принятым в условиях политического кризиса, обострившегося на фоне противостояния Иоанна Безземельного и свободного населения Англии, данный статут объективировал волю вышеуказанных сословий, во многом противоречащую воле короля. С указанного периода, как отмечает T.F.T. Plucknett, оформляется новое понимание статута: «Это уже не воля короля, а форма выражения *всеобщей воли свободных людей* (курсив мой. – Д.С.)» [32, с. 318]. В этом смысле следует подчеркнуть, что текст Великой хартии вольностей оперировал термином «свободный человек» (liber homo). Нечеткость содержание данного понятия (в частности, вытекающая из содержания ст. 20, 21 и 60 Великой хартии вольностей) актуализировала вопрос о том, кто непосредственно может выступать субъектом статутного правотворчества [5, с. 91-92].

С одной стороны, Великая хартия вольностей стала первым актом английского парламента как самостоятельного органа законодательной власти и в этом смысле с момента ее издания только у парламента возникало право издания новых статутов. Однако с другой сторо-

ны данный документ был подписан от имени всего свободного населения, и в данном аспекте Великая хартия вольностей как статут представляла собой нормативный акт объективации воли английских сословий. При данных обстоятельствах вопрос о субъектах статутного творчества оставался открытым. Так, в частности, известно, что граф Честер, оставшийся верным Иоанну Безземельному, после издания Великой хартии вольностей издал собственный статут – Хартию графства Чешир, регламентирующий вассальные отношения на данной территории [5, с. 104-105].

Таким образом, с 1215 г. оформилась вариативность в понимании сущности статута. С одной стороны, юридически единственным субъектом статутного правотворчества был и оставался английский парламент. С другой стороны, некоторые феодалы, участвовавшие в подписании данного документа, издавали в пределах своих владений собственные статуты, считая, что Великая хартия вольностей была подписана ими от своего имени как самостоятельных субъектов правотворчества, а не от лица парламента как коллективного субъекта. Наконец, с позиции английских королей статут представлял собой ни что иное как договор.

Данную ситуацию наглядно иллюстрирует процедура принятия Мертонского Статута (Statute of Merton) в 1235 г. По существу данный документ представлял собой договор между английским королем Генрихом III и английскими баронами, который впоследствии был утвержден Парламентом Англии. В этой связи оставался открытым вопрос о субъектах статутного правотворчества. По существу все существующие на тот момент концепции статута объединяло лишь одно: статут считался актом писаного правотворчества в отличие от прецедента. Например, в 1253 г. Генрих III в единоличном порядке принял Статут о евреях (Statute of Jewry), регламентирующий ряд правовых положений, распространяющихся на еврейское население Англии [37, с. 52].

В таком же порядке был принят в 1279 г. Статут мертвой руки (Statute of Mortmain) [33, с. 329]. При этом Парламент Англии также использовал свое право на издание статутов. Так, в 1266 г. был издан Кенилуэртский Приговор (Dictum of Kenilworth) – парламентский статут об уголовном преследовании участников Второй баронской войны (1264–1267). Кроме того, параллельно издавали статуты на своих землях крупные феодалы. Все эти правовые акты именовались статутами, и каждый субъект, принявший их, полагал себя единственным легитимным субъектом статутного правотворчества.

Таким образом, в XIII в. в Англии оформляется вариативный подход к пониманию сущности статута, в основе которого лежит понимание статута как любого акта писаного права (парламентского закона, королевского указа или нормативного договора).

Следует подчеркнуть, что подобная ситуация оказала фундаментальное влияние на современное понимание сущности статута. Так, ряд теоретиков англосаксонского права полагает, что статут – это акт, принимаемый высшим органом законодательной власти в пределах его полномочий (т.е. по существу – закон) [12, с. 7]. Другие исследователи считает, что под статутом следует понимать как законодательный, так и подзаконный (в континентальном понимании) акт (к примеру, министерский указ) [13, с. 67; 36, с. 105-134]. Наконец, третья группа авторов придерживается точки зрения, согласно которой статут – это любые акты писаного права, к которым, помимо упомянутых выше, относятся также муниципальные правовые акты (town councils), а также нормативные договоры [23, с. 1002].

Что же тогда следует считать статутом в действительности? Для англосаксонского права ответ на этот вопрос является в известном смысле риторическим, поскольку легальное определение статута в англосаксонском праве отсутствует и в связи с этим определение содержания данного понятия в большей степени составляет предмет теоретического исследования. Однако, по нашему мнению, для понимания сущности статута следует обратиться к конструкции, так называемой, статутной интерпретации (statutory interpretation). Как отмечает

M. Koszowski, статутная интерпретация представляет собой деятельность судебных органов по толкованию положений статутного права; в этом контексте статутом считается акт, содержащий нормы права и регулирующий широкий круг общественных отношений [21, с. 28].

Такой подход к определению сущности статута представляется обоснованным. В англосаксонском праве судебный прецедент является основным источником права; в этом смысле прецедентное правотворчество выступает своеобразным фактором легитимации всех иных источников права, о чем наглядно свидетельствует проанализированное ранее дело Элдреда. В заданном контексте следует отметить, что статутом в собственно юридическом смысле следует считать то, что считает таковым именно судебно-прецедентная практика.

На первый взгляд, такой подход видится методологически некорректным, поскольку ранее нами было отмечено, что статут – это в большей степени доктринальная категория; следовательно, в рамках общей характеристики статута следует, прежде всего, обращаться к данным англосаксонского правоведения. Однако при этом надо учитывать саму специфику понимания юридической науки в англосаксонской правовой традиции.

Отметим, прежде всего, что понимание юридической науки в англосаксонской правовой традиции существенно отличается от такового, утвердившееся в странах континентальной правовой системы. В частности, в англосаксонской правовой традиции юридическая наука как процесс выработки нового знания о праве не является «монополией» ученых-юристов, а в этом смысле развивается, прежде всего, посредством юридической практики – профессиональной деятельности судей, адвокатов и юрисконсультов [38, с. 876]. На это указывает видный представитель юридического науковедения США S. Jasanoff: «Наша правовая система, – отмечает автор, – показала, что не следует отдавать решение проблем юридической науки исключительно в руки ученых; в этом смысле подлинный ренессанс американского правоведения начался с эпохи "научного суда" (a science court)» [18, с. 1].

Сущность идеи «научного суда», как отмечает представитель методологии американского правоведения A. Kantorowitz, состоит в том, что суд становится не просто правоприменительным и правотворческим органом, а практическим полем, где непосредственно оцениваются правовые концепции и формируется адекватное запросам времени правопонимание [20, с. 332]. В этом смысле англосаксонское правоведение характеризуется идеями утилитаризма и ориентированностью на решение практических вопросов. По этой причине, отмечает современный английский философ науки D. Papineau, отвлеченные, абстрактные понятия (в том числе и понятие статута), как правило, практически не разработаны в англосаксонской правовой доктрине, для которой смысл научного познания детерминирован только практической необходимостью [31, с. 20]. Потому, постановляя решение по известному делу Daubert v. Merrell Dow Pharmaceuticals [16] в 1993 г., председательствующий судья Верховного Суда Соединенных Штатов Америки W. Renkwist отметил: «Научным знанием» мы именуем только то, которое вытекает из практики и непосредственно служит ей». Данный тезис иллюстрирует тот факт, что в сознании англосаксонских ученых-юристов общетеоретическая и методологическая проблематика собственной науки деактулизирована в силу ориентированности правовой науки исключительно на нужды практики [9, с. 106]; в этой связи собственно научные исследования в англосаксонской правовой традиции выполняют в большей степени описательно-комментаторский функционал и не затрагивают фундаментальные проблемы права и правоведения. Характеризуя в этой связи современное состояние англосаксонской правовой науки, J. Sanders, Sh.S. Diamond и N. Vidmar отмечают, что тотальная ориентированность на нужды практики фактически обессмыслила собственно правовые исследования, поскольку именно в судебном процессе суд оценивает адекватность той или иной юридической концепции запросам практики. В рамках собственно науки такая возможность апробации результатов исследования безусловно отсутствует. В этой связи названные авторы отмечают «кризис

методологии американского правоведения», когда «методологические нормы научного познания фактически заменены правилами судебной процедуры», а общие, фундаментальные категории права признаются «бессмысленными спекуляциями», и когда центром научных разработок «стали не кафедры университетов, а кабинеты судей» [34, с. 150].

В связи с изложенным следует отметить, что судебный прецедент в англосаксонском праве выступает не только непосредственным источником права, но и – в доктринальном смысле – средством оценки правовых теорий и выработки нового знания о правовой действительности. По этой причине ориентация на позиции судов в аспекте понимания статута представляется обоснованной именно с позиции онтологии англосаксонского правоведения.

В этом смысле следует подчеркнуть, что в практике англосаксонских судов оформилось единообразное понимание статута как «писаной формы права, в которой отражаются правила поведения, рассчитанные на неоднократное применение широкими общественными группами» [28].

Подобный подход отражается в правовых позициях высших судебных инстанций государств, принадлежащих к англосаксонской правовой системы. Так, в деле Coco v. The Queen [15] Высокий Суд Австралии отметил: «Статутом мы называем письменный документ, принятый легитимным органом власти с целью установления общих правил социального поведения». В постановлении по делу R (Factortame Ltd) v. Secretary of State for Transport (No. 2) Апелляционный суд Англии и Уэльса, относя административный регламент о передвижении подземного транспорта к числу статутов, подчеркнул: «Статут – это акт, который принимает орган публичной власти, с тем чтобы в пределах своего ведения осуществлять социальное управление».

Таким образом, в современной прецедентной практике англосаксонских судов утвердился единообразный подход к пониманию статута. Согласно данной позиции, статут – это нормативно-правовой акт, принятый в установленном порядке органом публичной власти (парламентом, правительством, иным органом исполнительной власти, муниципалитетом) и содержаний общеобязательные правила поведения.

В этой связи, переходя к более подробному исследованию доктринальных основ сущности статута в англосаксонском праве, можно сформулировать следующие выводы:

1) Статут как феномен англосаксонского права исторически возник как реакция на объективные недостатки судебного прецедента. Первые английские статуты в этом смысле выполняли две функции: объективацию воли короля, распространяющуюся на всю территорию королевства, и обобщение тенденций развития судебно-прецедентной практики.

2) Вариативное понимание статута в англосаксонской правовой доктрине имеет объективные исторические корни. Так, в XIII в. в Англии вследствие противостояния королевской власти и крупных феодалов возникла концепция, в силу которой статут как акт волеизъявления высшего органа власти может быть принят не только парламентом или королем, но и самим феодалом. Вследствие оформились три концепции понимания статута: как королевского указа, как парламентского акта и как местного закона, изданного феодалом. Такая концептуальная разобщенность отражается и на современном англосаксонском правоведении, в котором не выработалось единого понимания сущности статута.

3) Юридическая наука в современной англосаксонской правовой традиции – это уже не столько деятельность ученых, сколько деятельность судей. В этой связи обоснованным (в научно-онтологическом смысле) представляется подход, согласно которому в понимании сущности статута в англосаксонском праве следует ориентироваться, прежде всего, не на собственно научные исследования, а на правовые позиции, выраженные в судебных прецедентах.

4) Судебной практикой государств англосаксонской правовой системы в настоящее время сформулирован единообразный подход к определению статута. В соответствии с дан-

ным подходом статут – это нормативно-правовой акт, принятый в установленном порядке органом публичной власти (парламентом, правительством, иным органом исполнительной власти, муниципалитетом) и содержаний общеобязательные правила поведения.

Библиографические ссылки

1. Англо-русские термины гражданского и гражданского процессуального права / сост. С.Д. Оськина. Омск : ИПО ОмГУ, 2003.
2. Белых В.С. Договорное право Англии: сравнительно-правовое исследование : монография. М. : Проспект, 2017.
3. Богдановская И.Ю. Статут в английском праве : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М. : ИГП АН СССР, 1983.
4. Липшиц Е.Э. Право и суд в Византии в IV–VIII вв. Л. : Издательство «Наука». Ленинградское отделение, 1976.
5. Крашенинникова Н.А. Великая хартия вольностей 1215 г. (современная интерпретация) // Вестник Московского университета. Серия 11 «Право». 2002. № 3.
6. Маклаков В.А. Завоевание Англии норманнами. М. : Издательство Московского университета, 1898.
7. Матинян М.А. Место и роль закона в системе источников права Англии // Общество: политика, экономика, право. 2008. № 2.
8. Михайлов А.М. Формирование и эволюция идей юридической догматики в романо-германской традиции, XII–XIX вв. : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М. : ИГП РАН, 2012.
9. Старченко А.А. Философия права и принципы правосудия в США. М. : Высшая школа, 1969.
10. Тонков Е.Н. Толкование закона в Англии : монография. СПб. : Алетейя, 2013.
11. Честнов И.Л. Актуальные проблемы теории государства и права. Эпистемология государства и права : учебное пособие. СПб : ИВЭСЭП, 2004.
12. Atiyah P.S. Common Law and Statute Law // The Modern Law Review. 1985. Vol. 48. No. 1.
13. Bogg A. Common Law and Statute in the Law of Employment // Current Legal Problems. 2016. Vol. 69. No. 1.
14. Cardozo B. The Nature of Judicial Process. New Haven : Yale University Press, 1921.
15. Coco v. The Queen [1994] HCA 15, (1994) 179 CLR 427.
16. Daubert v. Merrell Dow Pharmaceuticals, 509 U.S. 579 (1993).
17. Douglas D.C., Greenaway G.W. English Historical Documents, 1042–1189. Second edition. Ealdred v. High Sheriff of Yorkshire (c.1068)
18. Jasanoff S. Science at the Bar: Law, Science and Technology in America / Sheila Jasanoff. Cambridge : Harvard University Press, 1997.
19. Kellner P. Democracy: 1,000 Years in Pursuit of British Liberty. Edinburgh : Mainstream Publishing, 2009.
20. Kantorowitz A. The Science Court Experiment // Jurimetrics Journal. 1977. Vol. 17. No 4.
21. Koszowski M. The Scope of Application of Analogical Reasoning in Statutory Law // American International Journal of Contemporary Research. 2017. Vol. 7. No. 1.
22. Kmiec K.D. The Origin and Current Meaning of Judicial Activism // California Law Review. 2004, Vol. 92. Iss. 5. P. 1466.
23. Leeming M. Theories and Principles Underlying the Development of The Common Law – The Statutory Elephant in the Room // University of New South Wales Law Journal. 2013. Vol. 36. No. 3.
24. Lange v. Australian Broadcasting Corporation (1997) 189 CLR 520.
25. Ilbert C. Legislative Methods and Forms. London : Oxford at the Clarendon Press, 1901.
26. Lyon A. Constitutional History of the UK. London : Cavendish Publishing, 2003.
27. Mmmsen T. The Provinces of Roman Empire. I. New York: Charles Scribner's Sons, 1887.
28. Murray v. The Charming Betsy, 6 U.S. (2 Cranch) 64 (1804).
29. O'Sullivan R. The Inheritance of the Common Law. London: Stevens & Sons Ltd., 1950. 30. Oxford: Oxford University Press, 1996.

30. Papineau D. Introduction // Papineau D. (ed.). The Philosophy of Science. Oxford : Oxford University Press, 1996.
31. Plucknett T.F.T. A Concise History of the Common Law. Indianapolis : Liberty Fund, 1956.
32. Pollok F., Maitland F.W. The History of English Law before the Time of Edward I. Second Edition. Volume 1. Cambridge : Cambridge University Press, 1898.
33. Sanders J., Daimond Sh.S., Vidmar N. Legal Receptions of Science and Expert Knowledge // Psychology, Public Policy, and Law. 2002. Vol. 8. No. 2.
34. Scrutton T.E. The Influence of the Roman Law on the Law of England. Cambridge : Cambridge University Press, 1885.
35. Smith M. State Statute and Common Law // Political Science Quarterly. 1887. Vol. 2. No. 1.
36. Stacey R.C. The English Jews Under Henry III: Historical, Literary and Archaeological Perspectives // Skinner P. Jews in Medieval Britain. Woodbridge : The Boydell Press, 2003.
37. The Encyclopedia of Political Science / Ed. by G.Th. Kurian. Vol. 3. Washington : CQ Press, 2011.
38. Thomas H. The Norman Conquest: England after William the Conqueror. Critical Issues in History. Lanham : Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2007.
39. French R. Trusts and Statutes // Melbourne University Law Review. 2015. Vol. 39.
40. Holt J.C. The Writs of Henry II // The History of English Law: Centenary Essays On «Pollock and Maitland» / Ed. J. Hudson. Oxford : Oxford University Press, 1996.
41. Huscroft R. The Norman Conquest: A New Introduction. New York : Longman, 2009.
42. Hyams P.R. Rancor & Reconciliation in Medieval England. Ithaca: Cornell University Press, 2003.
43. Viswanathan T.K. Legislative Drafting: Shaping the Law for the New Millennium. New Delhi : Indian Law Institute, 2007.

References

1. Anglo-russkiye terminy grazhdanskogo i grazhdanskogo protsessual'nogo prava (Anglo-Russian terms of civil and civil procedural law), sost. S.D. Os'kina. Omsk, IPO OmGU, 2003.
2. Belykh V.S. Dogovornoye pravo Anglii: sravnitel'no-pravovoye issledovaniye (Contract Law of England: a comparative legal study), monografiya. Moscow, Prospekt, 2017.
3. Bogdanovskaya I.YU. Statut v angliyskom prave (Statute in English law), avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Moscow, IGP AN SSSR, 1983.
4. Lipshits Ye.E. Pravo i sud v Vizantii v IV–VIII vv. (Law and tcourt in Byzantium in the IV–VIII centuries). Leningrad, Izdatel'stvo «Nauka». Leningradskoye otdeleniye, 1976.
5. Krasheninnikova N.A. Velikaya khartiya vol'nostey 1215 g. (sovremennaya interpretatsiya) (Magna Carta of 1215 (modern interpretation). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11 «Pravo»*, 2002, No. 3.
6. Maklakov V.A. Zavoyevaniye Anglii normannami (Norman Conquest). Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1898.
7. Matinyan M.A. Mesto i rol' zakona v sisteme istochnikov prava Anglii (The place and role of law in the system of sources of the law of England). *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, 2008, No. 2.
8. Mikhaylov A.M. Formirovaniye i evolyutsiya idey yuridicheskoy dogmatiki v romano-germanskoy traditsii, XII–XIX vv. (Formation and evolution of the ideas of legal dogma in the Roman-Germanic tradition, XII – XIX centuries), avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Moscow, IGP RAN, 2012.
9. Starchenko A.A. Filosofiya prava i printsipy pravosudiya v SSHA (Philosophy of law and principles of justice in the United States). Moscow, Vysshaya shkola, 1969.
10. Tonkov Ye.N. Tolkovaniye zakona v Anglii (The interpretation of the law in England), monografiya. St. Petersburg, Aleteyya, 2013.
11. Chestnov I.L. Aktual'nyye problemy teorii gosudarstva i prava. Epistemologiya gosudarstva i prava (Actual problems of theory of state and law. Epistemology of state and law), Uchebnoye posobiye. St. Petersburg, IVESEP, 2004.
12. Atiyah P.S. Common Law and Statute Law. *The Modern Law Review*. 1985, Vol. 48, No. 1.
13. Bogg A. Common Law and Statute in the Law of Employment. *Current Legal Problems*, 2016, Vol. 69, No. 1.
14. Cardozo B. The Nature of Judicial Process. New Haven, Yale University Press, 1921.

15. Coco v. The Queen [1994] HCA 15, (1994) 179 CLR 427.
16. Daubert v. Merrell Dow Pharmaceuticals, 509 U.S. 579 (1993).
17. Douglas D.C., Greenaway G.W. English Historical Documents, 1042–1189. Second edition. Ealdred v. High Sheriff of Yorkshire (c.1068)
18. Jasanoff S. Science at the Bar: Law, Science and Technology in America, Sheila Jasanoff. Cambridge, Harvard University Press, 1997.
19. Kellner P. Democracy: 1,000 Years in Pursuit of British Liberty. Edinburgh, Mainstream Publishing, 2009.
20. Kantorowitz A. The Science Court Experiment. Jurimetrics Journal. 1977, Vol. 17, No 4.
21. Koszowski M. The Scope of Application of Analogical Reasoning in Statutory Law. *American International Journal of Contemporary Research*, 2017, Vol. 7, No. 1.
22. Kmiec K.D. The Origin and Current Meaning of Judicial Activism. *California Law Review*, 2004, Vol. 92, Iss. 5, P. 1466.
23. Leeming M. Theories and Principles Underlying the Development of The Common Law – The Statutory Elephant in the Room. *University of New South Wales Law Journal*. 2013, Vol. 36, No.3.
24. Lange v. Australian Broadcasting Corporation (1997) 189 CLR 520.
25. Ilbert C. Legislative Methods and Forms. London, Oxford at the Clarendon Press, 1901.
26. Lyon A. Constitutional History of the UK. London, Cavendish Publishing, 2003.
27. Mmmsen T. The Provinces of Roman Empire. I. New York, Charles Scribner's Sons, 1887.
28. Murray v. The Charming Betsy, 6 U.S. (2 Cranch) 64 (1804).
29. O'Sullivan R. The Inheritance of the Common Law. London, Stevens & Sons Ltd., 1950. 30. Oxford: Oxford University Press, 1996.
30. Papineau D. Introduction. *Papineau D. (ed.). The Philosophy of Science*. Oxford, Oxford University Press, 1996.
31. Plucknett T.F.T. A Concise History of the Common Law. Indianapolis, Liberty Fund, 1956.
32. Pollok F., Maitland F.W. The History of English Law before the Time of Edward I. Second Edition. Volume 1. Cambridge, Cambridge University Press, 1898.
33. Sanders J., Daimond Sh.S., Vidmar N. Legal Receptions of Science and Expert Knowledge. *Psychology, Public Policy, and Law*, 2002, Vol. 8, No. 2.
34. Scrutton T.E. The Influence of the Roman Law on the Law of England. Cambridge, Cambridge University Press, 1885.
35. Smith M. State Statute and Common Law. *Political Science Quarterly*, 1887, Vol. 2, No. 1. 37.
36. Stacey R.C. The English Jews Under Henry III: Historical, Literary and Archaeological Perspectives. *Skinner P. Jews in Medieval Britain*. Woodbridge, The Boydell Press, 2003.
37. The Encyclopedia of Political Science, Ed. by G.Th. Kurian, Vol. 3. Washington, CQ Press, 2011.
38. Thomas H. The Norman Conquest: England after William the Conqueror. Critical Issues in History. Lanham, Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2007.
39. French R. Trusts and Statutes. *Melbourne University Law Review*, 2015, Vol. 39.
40. Holt J.C. The Writs of Henry II. *The History of English Law: Centenary Essays On «Pollock and Maitland»*, Ed. J. Hudson. Oxford, Oxford University Press, 1996.
41. Huscroft R. The Norman Conquest: A New Introduction. New York, Longman, 2009.
42. Hyams P.R. Rancor & Reconciliation in Medieval England. Ithaca, Cornell University Press, 2003.
43. Viswanathan T.K. Legislative Drafting: Shaping the Law for the New Millennium. New Delhi, Indian Law Institute, 2007.

Дата поступления: 15.05.2019 *Received: 15.05.2019*

УДК 342.5

ГАНДИСТСКИЕ ПРИНЦИПЫ В ПАРТИЙНЫХ ДВИЖЕНИЯХ НЕЗАВИСИМОЙ ИНДИИ

СЕРДЮКОВ Артем Артурович
аспирант Юридического института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, Россия.
E-mail: s427p@yandex.ru

Базовые принципы формирования идеального общества и государства, сформулированные в работах М.К. Ганди и реализованные им в процессе его общественно-политической и государственной деятельности не теряют своей актуальности и в современных условиях. Важным выводом в концепции автора можно считать положение о необходимости предоставления равного доступа к ресурсам, которые нужны для удовлетворения самых необходимых потребностей индивидов в обществе. Декларирование М.К. Ганди свободы вероисповедания, слова, средств массовой информации, всестороннее полноценное физическое и духовное развитие индивида как члена общества говорит об актуальности исследования сегодня опыта освобождения Индии. В процессе становления национальной государственности гандистские принципы нашли достаточно незначительное отражение в идеологии и деятельности государственной партий Индии, равно как и в политике государства в целом. Вместе с тем, не получив полноценной реализации в политике, гандистские принципы не утратили своего значения и нашли свое непосредственное отражение в деятельности общественных организаций.

Ключевые слова: человек, государство, общество, принцип, политическая партия, общественное движение, независимость, идеология, ненасилие, религия.

GANDHI PRINCIPLES IN PARTY MOVEMENTS OF INDEPENDENT INDIA

SERDYUKOV Artem Arturovich
Postgraduate Student of the Institute of Law of the FSAEI HE "North-Caucasus Federal University", Stavropol, Russia.
E-mail: s427r@yandex.ru

The basic principles of the formation of an ideal society and state, formulated in the works of M. K. Gandhi and implemented by him in the process of his socio-political and state activity do not lose their relevance in modern conditions. We consider that a very important conclusion in the concept of the author is the provision on the need to provide equal access to resources required to meet the most necessary needs of individuals in society. The declaration of freedom of religion, speech, media, comprehensive full physical and spiritual development of the individual as a member of society indicates the relevance of the study of the experience of the liberation of India at the present stage. While forming the national statehood, the Gandhi principles are rather insignificantly reflected in the ideology and activities of the state party of India, as well as in the policies of the state as a whole. At the same time, without complete implementation in politics, the Gandhi principles have not lost their meaning and are directly reflected in the activities of public organizations.

Key words: person, state, society, principle, political party, social movement, independence, ideology, non-violence, religion.

Политико-правовые взгляды М.К. Ганди в развитии независимого индийского государства и в современных условиях играют значительную роль и являются достаточно актуальными для формирования идеологии, принципов, основных направлений деятельности политических партий и общественных организаций, объединений, ассоциаций. Однако, одновременно с этим, необходимо отметить и то, что вопрос о влиянии политико-правовых взгля-

дов М.К. Ганди на государственную, общественную, культурную, духовную сферу современного независимого индийского государства становится дискуссионным.

В данном вопросе считаем необходимым отметить мнение О.В. Мартышина, который указывал, что в сегодняшних реалиях значение взглядов М.К. Ганди предельно мало, а несостоятельность преемников М.К. Ганди – не единственное и, даже, не главное условие снижения роли его доктринальных положений. Потому что претерпели значительные изменения те уникальные формы и условия, благодаря которым был реализован в полной мере невероятный успех тактики великого государственного деятеля и философа и аккумулирующая всю нацию цель – независимость Индии - была успешно достигнута. Вместе с тем, национальное единство было надломлено, углубилась религиозная, этническая, классовая дифференциация. Доминирующая политическая партия утратила потребность в применении практических принципов гандистской доктрины и использовала идеи Махатмы, его влияние и престиж только в рамках агитационных установок [1, с. 105].

По нашему мнению, в независимой Индии у гандистских принципов были свои сторонники и последователи, которые развивали и дополняли их собственными концептуальными положениями. Стоит отметить, что при всем этом, совершенно естественно, гандистские движения в истории индийского государства во второй половине XX века, как и сама мировоззренческая система и сущность гандистских принципов, под влиянием объективных и субъективных факторов подверглись определенным изменениям, имеющим эволюционный характер. На наш взгляд, все это происходило в силу того, что в процессе становления этнической государственности гандистские принципы не в полной мере были отражены в идеологии и деятельности правящей партии Индии, также как и в политическом курсе государства в целом. Тем не менее, не получив полномерной реализации в государственной политике, не лишенные своего сущностного смысла гандистские принципы нашли свое непосредственное отражение в деятельности общественных организаций, объединений и ассоциаций. Например, в начале второй половины прошлого века (1950-1970 годы) реализация гандистских принципов была аутентифицирована с движением «Сарводайя», аккумулировавшим после смерти М.К. Ганди существовавшие до этого суверенные независимые гандистские объединения.

Рассматривая эти проблемы, А.Г. Володин отмечает, что та идеология, на основе которой под руководством единомышленника и ученика М.К. Ганди Бхаве развивались крупные гандистские кампании 1950-1960 годов «Бхудан» и «Грамдан», сменилась концепцией «глобального переворота» Нараяна. Нараян принимал активное участие в деятельности государства и при этом полемизировал с Бхаве, который в свою очередь утверждал, что истинный настоящий гандизм основан, прежде всего, на невмешательстве в государственную борьбу, и акцентирован на проведение общественной работы, способной привести к «реформе в сердцах людей». В силу всех этих обстоятельств, конечным результатом противоречий между Бхаве и Нараян, двух государственных персон, представлявших собой абсолютно противоположные типы лидеров, явилась дифференциация движения «Сарводайя» [2, с. 57]. А со второй половины 70-х годов начался новый этап в дальнейшем развитии гандистского учения о независимом индийском государстве, который был связан с обращением общественных, пацифистских и экологических движений, выступающих против обособленных структурных элементов деятельности государства, проводимой правительством Индии к фундаментальным началам и методологическим основам М.К. Ганди.

Исследование и анализ особенностей функционирования этих политических и общественных движений позволяет делать вывод о том, что многие из них в своей тактической и практической деятельности активно применяли как гандистские принципы, так и методы защиты и сопротивления, выработанные М.К. Ганди. По мнению А.В. Горева, первым в числе таких движений стало «Чипко андолан», которое возглавил Чанди Бхатта, появившийся на политической арене в 1973 году. В те годы, когда стоял во главе руководства данного движе-

ния, Чанди Бхатта в целях оптимизации вырубки лесных массивов предлагал применять методологию ненасильственного противодействия и, вообще, он постоянно акцентировал внимание на том, что конечной целью этого движения выступает, прежде всего, «воспитание в человеке любви к натуре природы» [3, с. 128]. Однако уже в середине 1980-х годов в Индии появляется и начинает активно развиваться политическое движение, которое стало называться «Нармада бачао». Руководителем «Нармада бачао» становится Медха Паткар, при этом руководителе осуществляется попытка при помощи привлечения общественного внимания к вопросу местного значения, а именно – сооружения речных плотин – реформировать мировоззрение всего индийского социума. С этой целью Медха Паткар и совместно с Баба Амте, который был активным участником движения «Нармада бачао», организовывали специальные мероприятия – падаятры, в процессе которых неоднократно говорили о необходимости и первостепенном значении соблюдения в обществе гандистских принципов ненасилия, любви и уважения во взаимоотношениях людей.

Следует отметить, что политические движения 70-х годов XX – начала XXI вв., в основе деятельности которых были гандистские принципы, имели ряд особых отличительных черт, а именно обобщенность и единую систему мировоззрения. Эта система отличается тем, что в ней гандистские принципы сочетаются с социализмом, марксизмом, христианством и другими религиозными направлениями, мировоззренческими концепциями и теориями, что не препятствовало лидерам данных политических движений считать себя прямыми адептами М.К. Ганди. В целях составления более полной характеристики вышеназванных движений можно выделение такой типичной особенности, как обособленность от государственной деятельности, одновременно сочетающаяся со стремлением принимать активное участие в государственной жизни социума, воздействовать на процесс принятия решений в управлении государством и обществом. Вместе с тем, эту обособленность от государственной деятельности можно объяснить стремлением изменить непосредственно саму концепцию государственной власти, «восполняя» ее морально-этическими ценностями. Более того, политические движения 70-х годов XX – начала XXI вв. полностью придерживаются гандистских принципов неучастия в деятельности государства.

Д. Хардимэн, один из активных исследователей этих политических движений в Индии, охарактеризовал данную ситуацию проявлением тактики «многовариантной политики», благодаря которой в современной Индии повсеместно выполняются сатьяграхи. По его мнению, в этом плане таких лидеров, как Амте и Паткар, можно на самом деле считать истинными последователями М.К. Ганди в современной Индии, потому что они продолжают придерживаться альтернативных идиллических, антиимпериалистических и ненасильственных воззрений, реализацию которых мы можем увидеть сегодня, а также декларируют возрастающую роль моральных ценностей. Д. Хардимэн обращает внимание на то, что появление таких приверженцев гандистских принципов, как Амте и Паткар, «для большинства подтверждало и доказывало то, что у Индии и правда есть великая надежда на великое будущее» [4, с. 297].

На наш взгляд, ради объективности нужно подчеркнуть, что во второй половине XX века далеко за пределами индийского государства эти самые гандистские принципы достаточно широко применялись руководителями боровшихся против распространения европейского вмешательства и расовой стигматизации политических течений, а также участниками антимилитаристских, экологических и других общественных движений. Э.Н. Комаров и А.Д. Литман отмечают, что, действительно, эти деятели постоянно пытались восстановить и передать моральную и божественную практику М.К. Ганди, считая, что такой опыт будет содействовать импозантности и привлекательности любого государственного руководителя [5, с. 92]. На самом деле, немалая часть известных общественных деятелей западноевропейских стран воспринимала М.К. Ганди как человека, который благодаря своему внутреннему миру и умственным способностям стал великим святым, государственным деятелем, кардинально

реформировавшим общество. При этом эти общественные деятели говорили о том, (и это подчеркивал и сам М.К. Ганди), что процесс трансформации человека в государственного деятеля и святого возможен для каждого человека, и эту возможность пытались реализовать многие известные государственные лидеры, руководствовавшиеся в своей деятельности гандистскими началами.

При всем этом, если, с одной стороны, следуя примеру М.К. Ганди и вслед за ним, который, будучи успешным юристом с элитарным образованием, полученным им еще в молодости в Англии, изменил свой образ жизни и стал народным лидером и представителем интересов нищих, говоря словами Черчилля, «нищим иллюзионистом», стремились изменить свой облик представители довольно состоятельных и уважаемых семей, а именно Мартин Лютер Кинг, Петра Келли и Су Чжи. Одновременно с этим, с другой стороны, к приверженцам идей М.К. Ганди можно причислить и тех лидеров, которые не придерживались гандистского принципа ненасилия в качестве символа, но вместе с тем определяли его как необходимый краткосрочный метод, действенный при определенных условиях. Т.Ф. Девяткина пишет о том, что в числе таких лидеров общественно-политических движений мы можем назвать имена Нельсона Манделы, Стива Бико, поэтому понятие «гандисты», которым этих лидеров охарактеризовали авторы, исследовавшие их государственную деятельность и политико-правовые воззрения, все же имеет определенный смысл [6, с. 112].

Стоит отметить, что под понятием «гандизм» в том аспекте, о котором говорилось выше, имеется в виду не столько представления и философия известного лидера отдельного общественно-политического движения, сколько определенная модель поведения в государственной сфере, базирующейся на вызове (в отдельных случаях абсолютно абстрактном), брошенном установленным в общественном сознании концепциям государственной власти и аппарату конкретного государства. При этом государство, обладающее властью, отождествляется с неким замкнутым на самом себе институтом, существующим исключительно благодаря насильственному методу, угнетению прав и свобод, всеобщей глобальной эксплуатации членов конкретного социума. В то же время, под понятием «гандисты» подразумеваются те, кто пытается реформировать данный институт, применяя абсолютно ненасильственные способы. Таким образом, общественно политическое явление или пользуясь другим термином, философское учение под названием «гандизм» под воздействием современных условий и веяний приобретает новый облик и понимание. Поэтому сегодня «гандизм» совершенно объективно может рассматриваться и оцениваться как универсальное направление в мировом общественно-политическом движении, которое сформировалось в Индии, однако обретает своих приверженцев и постепенно распространяется по всему миру, что обусловливает появление разнообразные новых определений взглядов М.К. Ганди.

Примечательно то, что на основе изучения всей научно-исследовательской литературы, которая имеет отношение к этому великому сыну Индии, по нашему мнению, можно сделать вывод о том, что обращение государственных деятелей Индии к имени и авторитету М.К. Ганди не всегда объясняется важностью и современностью гандистских принципов в силу того факта, что сущностные начала, предложенные М.К. Ганди, были определены и сформулированы гораздо ранее формирования его концепции.

Но, несмотря на это, уже на стадии предварительного сравнения моральных ценностей, выдвинутых в свое время М.К. Ганди, и тех установок, которые выдвигаются современными индийскими государственными и политическим деятелями в их программных документах, становится совершенно очевидным то, что ценности, на которые указывал великий государственный деятель-реформатор, даже если и генетически не заложены в духе и уме индийцев, то остались исторической памяти самого индийского народа, и более того, играют определяющую роль в жизни современного индийского общества.

По мнению А.А. Куценкова, именно данной ситуацией было обусловлено то, что обращение к «самоотверженности» (или гандистская тапасья), подвижничеству во имя нации в разные исторические периоды индийского государства проникало в высказывания таких известных общественно-политических деятелей Индии, как Атала Бихари Ваджпаи, Манмохана Сингха, Сони Ганди и т.д. [7, с. 49]. При этом нужно отметить, что мысль о необходимости повседневной заботы о бедных членах индийского общества (гандистская концепция служения Даридранараяну) и ответственности за это, а также основополагающий принцип «добровольного служения каждого на достижение благополучия всего общества» составляли неотъемлемую часть высказываний Сингха и Ваджпаи.

Одновременно с вышесказанным, объективности ради считаем необходимым отметить, что вместе с тем, мнение о том, что М.К. Ганди ввел в государственную культуру понятие ненасилия, которое оказало первостепенное влияние на последующее развитие Индии, не является абсолютно точным. Это связано с тем, что признание и широкое распространение идей М.К. Ганди, его постоянное «пребывание» на всех этапах развития независимой Индии обусловлено самой моделью лидерства, воплощенной М.К. Ганди, которая находит свое подтверждение в сформировавшейся на протяжении нескольких столетий индийской политической культуре. Если говорить более конкретно, то одной из специфических черт индийской политической культуры является то значение, которое индийцы придавали (и, как показывают современные исследования, придают) наличию у государственного лидера особых личностных свойств. При этом действительно, М.К. Ганди была присуща особая одаренность и привлекательность, что совершенно правдиво подчеркивается различными авторами и исследователями. Поэтому большой исследовательский интерес представляет ответ на вопрос о том, в чем именно заключались и в какой форме непосредственно проявлялись эти уникальные личностные качества.

М.К. Ганди – воистину великий сын своего народа и талантливый государственный деятель был лидером-пророком, на высоком уровне и со знанием дела, сочетающим в себе качества и свойства одновременно и идеалиста и прагматика. В то же время у него хорошо было развито чувство понимания политической реальности, он мог не только рассказывать об идеальном общественном устройстве сарводайи, но и убеждать в этом других, объяснять и вселять этот образ в общественное мнение и сознание.

В исследованиях, проведенных довольно большим числом авторов, обращается внимание на то, что в теоретической политологии М.К. Ганди находится в одном ряду с Моисеем как «народным вождем», в котором идеально претворились качества лидера-провидца. В связи с этим, авторы определяют М.К. Ганди как некую проекцию определенного типа государственного лидера, реализованную в данный исторический период. По мнению историков, государственная стратегия, относившаяся к Моисею, применима ко всем представителям этого ряда, в том числе, и одновременно М.К. Ганди.

В качестве определяющего качества реалистичности, объединяющего вышеназванных деятелей, выступает результативность их деятельности в направлении трансформации социума. Как пишет Л.Б. Алаев, предсказание М.К. Ганди, по аналогии с предвидением Моисея, обусловлено двумя факторами. Во-первых, прежде всего, детальным видением жизни при сварадже (в случае с Моисеем речь идет о Земле обетованной) и, во-вторых, тем, что предвидение передается последователям не просто в виде лозунгов, а в форме точно определенных практических задач [8, с. 105].

Безусловно, все это, в свою очередь, предоставляет приверженцам и последователям того или иного учения возможность самостоятельно оценивать преимущества предполагаемого будущего, и, одновременно с этим, также накладывает на них и определенные обязательства, четкое следование которым способствует воплощению в жизнь предвидения.

По нашему мнению, необходимо подчеркнуть, что формированию специфической и действенной в индийских условиях харизматичности личности М.К. Ганди способствовали его риторика и государственный имидж, а именно политика-гуру, попитша-саньясина, ведомого божественным голосом. На практике особо ярко эти моменты проявились во время «соляной» сатьяграхи 1930 года – акции, тщательно продуманной и особым образом выстроенной М.К. Ганди, которую впоследствии исследователи его биографии сопоставляли с блестяще поставленной театральной постановкой.

В современной Индии восприятие личности М.К. Ганди и его деятельности имеет свои особенности. С одной стороны, сегодня М.К. Ганди цитируется представителями всех ведущих политических партий и общественных движений, позиционировать и называться его последователями пытаются многие видные государственные и общественные деятели Индии.

При этом как основные теоретические установки гандизма как учения в целом, равно так и отдельные высказывания М.К. Ганди порой существенно искажаются, а его образу придается лишь сакральный статус. И все это способствует тому, что благодаря всему этому М.К. Ганди приобретает новую, символическую жизнь в современных условиях. И, как бы это ни было парадоксальным, с другой стороны, в массовой культуре индийского государства образ М.К. Ганди Махатмы, наоборот, лишается какой-либо священности, он начинает восприниматься не как важнейшая историческая фигура, но как обычный обыкновенный человек, живший и творивший в реальных условиях.

В целом, исследуя жизненный путь, политико-правовые идеи, особенности мировоззрения, реформаторские способности М.К. Ганди, можно сделать вывод о значительном и неоценимом вкладе М.К. Ганди в процесс становления и развития независимой Индии, о важности и актуальности гандистских принципов в формировании программ партийных движений современного индийского государства.

Библиографические ссылки

1. Мартышин О.В. Политические взгляды М.К. Ганди. М., 1970.
2. Володин А.Г. Индия: становление институтов буржуазной демократии. М., 1989.
3. Горев А.В. Наследие Махатмы: очерки. М., 2005.
4. Hardiman D. The Moral Activists Lonely Path to Martyrdom. Gandhi in His Time and Ours. New Delhi, 2005.
5. Комаров Э.Н., Литман А. Д. Мировоззрение Мохандаса Карамчанда Ганди. М., 1969.
6. Девяткина Т.Ф. Индийский национальный конгресс. М., 1970.
7. Куценков А.А. Индия: традиционный социально-культурный комплекс и политика. М., 2015.
8. Алаев Л.Б. Индийские идентичности в условиях модернизации. Глобализация и поиски национальной идентичности в странах Востока. М., 2017.

References

1. Martyshin O.V. Politicheskiye vzglyady M.K. Gandi (Political views of M. K. Gandhi). Moscow, 1970.
2. Volodin A.G. Indiya: stanovleniye institutov burzhuaznoy demokratii (India: the formation of institutions of bourgeois democracy). Moscow, 1989.
3. Gorev A.V. Naslediye Makhatmy: ocherki (The Legacy of Mahatma: Essays). Moscow, 2005.
4. Hardiman D. The Moral Activists Lonely Path to Martyrdom. Gandhi in His Time and Ours. New Delhi, 2005.
5. Komarov E.N., Litman A. D. Mirovozzreniye Mokhandasa Karamchanda Gandi (The World View of Mohandas Karamchand Gandhi). Moscow, 1969.
6. Devyatkina T.F. Indiyskiy natsional'nyy congress (Indian National Congress). Moscow, 1970.

7. Kutsenkov A.A. Indiya: traditsionnyy sotsial'no-kul'turnyy kompleks i politika (India: a traditional socio-cultural complex and politics). Moscow, 2015.
8. Alayev L.B. Indiyskiye identichnosti v usloviyakh modernizatsii. Globalizatsiya i poiski natsional'noy identichnosti v stranakh Vostoka (Indian identities in the context of modernization. Globalization and the search for national identity in the countries of the East). Moscow, 2017.

Дата поступления: 11.05.2019 *Received: 11.05.2019*

УДК 340.1+34(091)

К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

СЛЕПНЁВ Евгений Леонидович
кандидат юридических наук, профессор кафедры гражданского процесса Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: galinagaleyeva@mail.ru
ГАЛЕЕВА Галина Евгеньевна
старший преподаватель кафедры гражданского процесса Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: galinagaleyeva@mail.ru

TO THE ISSUE OF CONSTITUTIONALIZATION OF THE LEGISLATIVE SYSTEM OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

SLEPNYEV Evgeny Leonidovich
Candidate of Sciences (Law), Professor of the Chair of Civil Procedure of the Institute of Law of the Bashkir State University, Ufa, Russia.
E-mail: galinagaleyeva@mail.ru

GALEEVA Galina Evgenievna
Senior Instructor of the Chair of Civil Procedure of the Institute of Law of the Bashkir State University, Ufa, Russia.
E-mail: galinagale-yeva@mail.ru

Конституционализм, как сложное общественно–политическое и государственно–правовое явление, в последнее время начал привлекать к себе внимание современных исследователей. Это обусловлено необходимостью более глубокого осмысления её сущности и содержания. При этом конституционализм рассматривается в широком и узком смысле. Конституционализм как научная теория охватывает большой круг проблем, частные теории, идеи, принципы. Конституционный Суд Республики Башкортостан, Конституционный Суд Российской Федерации и Конституционные (Уставные) Суды субъектов Российской Федерации вносят достойный вклад в развитие конституционализма. Смысловая интерпретация текстов конституций (уставов) субъектов Российской Федерации их конституционными (уставными) судами

Constitutionalism, as a complex sociopolitical and state law phenomenon, has recently begun to attract the attention of modern researchers. This is due to the need for a deeper understanding of its essence and content. At the same time, constitutionalism is viewed in a broad and narrow sense. Constitutionalism as a scientific theory covers a wide range of problems, particular theories, ideas, and principles. The Constitutional Court of the Republic of Bashkortostan, the Constitutional Court of the Russian Federation and the Constitutional (Statutory) Courts of the constituent entities of the Russian Federation make a worthy contribution to the development of constitutionalism. The semantic interpretation of the texts of the constitutions (charters) of the constituent entities of the Russian Federation with their constitutional (statutory) courts enriches and supplements the

обогащает и дополняет научные представления о конституционализации как правовой системы, так и системы законодательства.

scientific understanding of the constitutionalization of both the legal system and the legislative system.

Ключевые слова: конституция, конституционализация, конституционализм, Конституционный Суд, система законодательства, гражданское общество, правовое государство

Key words: constitution, constitutionalization, constitutionalism, Constitutional Court, legislative system, civil society, rule-of-law state.

Категория «конституционализм», как сложный общественно – политический и государственно–правовой феномен в современной правовой науке, нуждается в более глубоком осмыслении её исходя из сущности, содержания и формы на основе конституционно-правовых норм. Данная категория в отечественной юридической науке исследовалась с начала 80–х годов прошедшего столетия. По утверждению И.М. Степанова, конституционализм в широком смысле представляет собой «ёмкое явление», включающее в себя теорию конституции, историю и практику развития той или иной страны, группы стран, мирового сообщества в целом. В узком смысле под конституционализмом он понимал систему знаний о фундаментальных ценностях демократии, их составе, формах выражения, методах и степени реализации [1, с. 4]. Приведённый подход к определению получил развитие в трудах авторов исследовавших названную категорию исходя из правоположений Конституции Российской Федерации. В частности, С.А. Авакьян, в целом соглашаясь с этим, утверждает: «Указанные ценности следует трактовать как набор *нужных, желательных* в любой стране. Однако *нельзя их рассматривать как некую аксиоматическую заданность* и соизмерять с нею то, что имеет место в конкретном государстве» [2, с. 229]. При этом следует отметить, что конституционализм обусловлен конституционными идеями, нормативно-правовым фундаментом, политическим режимом, системой защиты конституционного строя и конституции [2, с. 230].

В отечественной правовой литературе последних лет появились и некоторые другие, но, как нам представляется, несколько новые представления о конституционализме. Так, проф. Ф.М. Раянов, довольно подробно исследуя проблемы, связанные с выявлением сущности правового государства, пришел к выводу о том, что в современном мире получила распространение «общественная практика принятия писанных конституций не государством, а самим обществом. Отсюда и понимание конституционализма в качестве учения об ограничении власти правителей (королей, императоров, президентов и т.д.) гражданским обществом» [3, с. 12].

В целом, как нам представляется, для целей настоящего нашего исследования необходимо раскрыть содержание некоторых предпосылок конституционализма. Конституционные идеи, как предпосылка конституционализма, представлены во множестве научных трудов и аргументированы по самым различным основаниям. На наш взгляд, с учётом позиций вышеуказанных авторов, можно выделить следующие предпосылки конституционализма, составляющие конституционные идеи:

1. Отражение в тексте конституции положений неразрывной связи государства и общества правом, законом.

2. Устоявшиеся в обществе и сознании людей идеи приоритета интересов человека, его достоинства.

3. Непосредственное участие народа в осуществлении функций государственных и муниципальных органов власти, демократический порядок их формирования.

4. Участие общественных объединений в формировании и реализации государственной политики.

5. Имеющиеся правовые механизмы защиты прав и свобод человека и гражданина, деятельности государственных органов и органов местного самоуправления.

6. Общественное сознание, основанное на убеждённости в необходимости представительной и исполнительной властей, государственных законов, защиты законных интересов, в том числе используя процессуальные механизмы.

Нормативно-правовым фундаментом конституционализма, безусловно, является текст Конституции, потому, что именно в нём всенародно закреплены конституционно-правовые институты. Названные институты формируют конституционализм, поскольку в них предопределяется: а) высшая ценность – человек, его права и свободы; б) демократические общество и государство; в) представительные и исполнительные органы государственной власти, формируемые демократическим путём, в том числе через механизм прямого народовластия; г) избирательная система представительного и законодательного органа Российской Федерации, созданная на основе федерализма, всеобщности, свободе и состязательности выборов; д) политическое многообразие и многопартийность.

Политический режим, как правило, соответствует конституции. Между тем, фактический политический режим может выходить за пределы конституционных предписаний, что при определённых обстоятельствах (положительных /отрицательных) может вызвать необходимость изменения положений конституции. Конституционализм предполагает на длительную перспективу существования государства неизменность конституционных принципов и конституционных гарантий. Здесь следует отметить, что в случае кардинальных изменений политического режима, например, сосредоточения власти у группы лиц, представляющих экономику, в стране можно констатировать отсутствие конституционализма. Очевидно, что одна из главных задач органов государственной власти строго соблюдать баланс интересов субъектов всех форм собственности.

Защита конституционного строя и конституции необходимая предпосылка конституционализма, поскольку вытекает из верховенства Конституции Российской Федерации. Верховенство Конституции Российской Федерации обеспечивается её нормами главы 9. Согласно им, положения глав 1, 2 и 9 не могут быть пересмотрены Федеральным собранием. Для этого в Конституции Российской Федерации (ст. 135, ч. 1 и 2) предусмотрена процедура пересмотра положений указанных глав. Верховенство Конституции Российской Федерации обеспечивается иерархией нормативных правовых актов установленной в конституции и федеральных законах. Следовательно, конституционные положения не могут быть изменены никаким законодательным актом Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или органом местного самоуправления. Исходя из приведённых правоположений, защиту Конституции Российской Федерации обязаны осуществлять государственные органы и органы местного самоуправления, политические партии, другие общественные объединения, а также судебная система Российской Федерации её специальные суды – Конституционный Суд Российской Федерации, Конституционные (Уставные) суды субъектов Российской Федерации. С такой позицией согласуются выводы исследователей, преимущественно увязывающих свои точки зрения на конституционализм с закреплённым в Конституции Российской Федерации (ст. 15, ч. 1) принципом её прямого действия [4, с. 273; 4, с. 5].

В научной литературе изложена иная точка зрения, согласно которой феномен конституционализации связывается с опосредованием конституционных принципов, определяющих высшей ценностью человека, его права и свободы [5, с. 105]. Кроме того, автор такой позиции полагает, что наряду с этим возникает и «очевидная необходимость соотнесения теории конституционализации с общей теорией конституционного правопользования» [5, с. 106]. По мнению В.И. Крусс, «идеальный сценарий конституциализации преимущественно не представляется возможным» [5, с. 108]. Действительно, правовые нормы находят своё закрепление в законодательных актах, которые не всегда соответствуют заложенным в конституции принципам, идеям и смыслу демократических ценностных ориентиров свободы. Названное обстоятельство вызывает необходимость конституционализации правовой системы и систе-

мы законодательства. В современных условиях наряду с Конституционным Судом Российской Федерации в решении этой задачи принимают участие органы конституционной юстиции субъектов Российской Федерации.

Динамично развивающиеся общественные отношения вызывают необходимость в выработке новой рефлекторной реакции конституционного правосудия в субъектах Российской Федерации. В соответствии с Конституцией Республики Башкортостан (ст. 104) судебная власть в Республике Башкортостан осуществляют Конституционный Суд Республики Башкортостан (далее – КС РБ), федеральные суды и мировые судьи. Законодательство о КС РБ основывается на Конституции Российской Федерации, Конституции Республики Башкортостан, Федеральном Конституционном Законе «О судебной системе Российской Федерации» (ч. 1 ст. 27) и принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами. Полномочия Конституционного Суда Республики Башкортостан закреплены в ст. 106 Конституции Республики Башкортостан и в ст.ст. 2 и 3 Закона Республики Башкортостан «О Конституционном Суде Республики Башкортостан». Таким образом, на уровне данного субъекта Российской федерации мы имеем пример реализации конституционного принципа федерализма, а орган конституционной юстиции органично вписан в российскую судебную систему, наделён компетенцией. КС РБ, осуществляя специфический нормоконтроль законодательства, прежде всего, разрешает проблемы объединения формальной охранительной функции и преобразовательных динамических возможностей конституционной судебной деятельности.

80-82 процента рассмотренных за последние 4 года КС РБ дел имеют прямое отношение к защите прав и свобод человека и гражданина, что позволяет утверждать о правозащитной деятельности КС РБ. В порядке прямого нормоконтроля, указанные категории дел рассмотрены в 95 процентах случаев. Однако обеспечение только в рамках исключительно охранительного направления работы органа конституционного судебного контроля Республики Башкортостан не может быть в полной мере безусловной последовательной реализации принципа верховенства и прямого действия конституции. В этой связи перед органом конституционного правосудия в большей степени стоит проблема гарантирования и гармонизации посредством конституционного нормоконтроля ценностей конституционных правоположений и ценности развития Конституции Республики Башкортостан.

В этом заключается динамическая преобразовательная функция конституционного правосудия, поскольку в конституционном процессе суду объективно необходимо всё чаще выявлять коллизии конституционных ценностей, определять их приоритеты, что в значительной степени влияет на выявление часто меняющегося баланса конституционных ценностей. При этом следует заметить, что в решениях КС РБ появилось, наряду с общепринятыми методами конституционного контроля (соответствия/несоответствия текста проверяемых правовых норм) выявление общего смысла, духа конституции, ценностей конституционализма. Безусловно, такой подход вызывает необходимость, прежде всего, вырабатывать и апробировать весьма оригинальный инструментарий конституционного правосудия, а затем обеспечивать защиту и соблюдение баланса конституционных ценностей. Очевидно, что новый инструментарий конституционного правосудия должен быть присущ только ему и непосредственно не проникать в республиканскую правовую систему.

Гармонизация буквы и духа конституции в современных условиях обусловлена глубинными быстро меняющимися сдвигами в экономической, политической и социальной сферах. Именно с учётом указанного, конституционное правосудие должно исходить из того, что конституция является: 1) следствием противоречий общества; 2) признанием имеющихся противоречий и их позитивного закрепления; 3) юридическим механизмом преодоления, разрешения социальных противоречий, конфликтов и коллизий. Смысловое значение «духа конституции» содержится в категориях конституционного права, таких, как: 1) конституционные принципы; 2) конституционные гарантии; 3) конституционные ценности.

Аксиологический потенциал Конституции Республики Башкортостан всесторонне применяется КС РБ в целях формирования правовой позиции в своих решениях. Вместе с тем, при применении в практике текстуально выраженных ценностей Конституции Республики Башкортостан КС РБ вырабатывает конституционные ценности, которые не имеют законодательного закрепления в нормах Конституции. Данные ценности являются необходимым составным элементом духа Конституции. В своей практике КС РБ применял, на основе правил и техники истолкования конституционных норм, ценности, влияющие на явления, возникающие в различных сферах общественных отношений. Среди них, в обоснование принятых решений и для цели выявления духа Конституции, применены следующие категории: 1. Правовая определённость. 2. Устойчивость публичных правоотношений. 3. Справедливость. 4. Баланс публичных и частных интересов. 5. Стабильность [6; 7]. Приведённые данные свидетельствуют о том, что КС РБ при принятии своих решений руководствуется как буквой, так и духом Конституции.

Согласно анализу содержания принимаемых решений КС РБ, в том числе указанных в ссылке, можно сделать вывод о том, что конституционное правосудие субъекта Российской Федерации, представляющее собой уникальный конституционно–контрольный институт, и судебная власть составляют первооснову конституционализма. Н.С. Бондарь, судья Конституционного Суда Российской Федерации полагает, что «В условиях решающей роли органов конституционного правосудия для формирования и утверждения конституционных ценностей вполне можно говорить о становлении в мире такого явления, как судебный конституционализм» [8, с. 11]. С этой точкой зрения невозможно не согласиться. В условиях динамично развивающегося законодательства и возрастающих случаях его противоречия с конституционными нормами для защиты прав и свобод человека и гражданина, необходима реалистичная и взвешенная позиция конституционного суда. Только он обеспечивает верховенство конституции, раскрывая её сущность через юридическую природу содержащихся в ней норм, имеющих высшую юридическую силу.

Обосновывая приведённое положение Н.В. Витрук указывал на то, что конституционный контроль – это специфическая функция лишь компетентных органов публичной власти по обеспечению верховенства конституции в системе нормативных актов, её прямого, непосредственного действия в деятельности субъектов общественных отношений на всей территории государства [9, с. 71]. Данная доктринальная позиция имплементирована в судебную систему Российской Федерации постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 апреля 2013 года № 9 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 года № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия». Согласно нему «Закреплённое в Конституции Российской Федерации положение о её высшей юридической силе означает, что все конституционные нормы имеют верховенство над законами и иными нормативно–правовыми актами».

Реализуя конституционный принцип федерализма в построении Российского государства, Республика Башкортостан создала орган конституционной юстиции, который в соответствии с федеральным конституционным законом и законами республики наделён полномочиями по проверке конституционности нормативных правовых актов органов государственной власти Республики Башкортостан и органов местного самоуправления, а также по официальному толкованию Конституции Республики Башкортостан. В научной литературе ведётся дискуссия по вопросу объёма правомочий конституционных и уставных судов, закреплённого федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации». Участники дискуссии обращают внимание на вопрос о том, является ли перечень полномочий указанных судов исчерпывающим или он имеет свойство ориентира, рекомендации для законодателя региона. По мнению С.Э. Несмеяновой, федеральным конституционным законом

закреплены минимальные, но обязательные полномочия судебных органов конституционного (уставного) контроля субъектов Российской Федерации [10, с. 162]. Мы солидарны с подходом, сформулированным по данному вопросу дискуссии В.А. Кряжковым [11, с. 40], М.А. Митюковым и А.М. Барнашовым, которые полагают, что федеральный конституционный закон не определяет компетенцию конституционных (уставных) судов в исчерпывающем объёме, он определяет их целевое назначение, которое впоследствии получает своё развитие в региональном законодательстве [12, с. 303]. Некоторые дискуссионные вопросы разрешены судебной практикой. Так, в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 6 марта 2003 года № 103-О, в силу изложенной в нём позиции, перечень вопросов, для рассмотрения которых могут быть созданы судебные органы конституционного (уставного) контроля, нельзя считать исчерпывающими. В связи с чем, вполне допустимо закрепление дополнительных полномочий конституционных (уставных) судов регионального уровня.

Создание в республике органа конституционной юстиции, с полномочиями, не имеющими аналогов в других видах судебной юрисдикции, является отражением баланса полномочий между федеральными и региональными органами власти в сфере правосудия. Устойчивость такому балансу придала правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой федеральные суды не обладают полномочиями по проверке нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации на соответствие их конституциям и уставам в порядке непосредственного нормоконтроля, поскольку таким правом обладают исключительно конституционные и уставные суды. Отсюда следует, что КС РБ согласно своему статусу является участником актуально необходимой конституционализации системы законодательства республики. Конституционализм как практика реализации Конституции и конституционного права в целом в качестве составной части включает деятельность КС РБ.

Конституционализация системы законодательства Республики Башкортостан как субъекта Российской Федерации достигается путём: а) применения Конституции Республики Башкортостан, когда её положения не требуют дополнительной регламентации, принятия закона республики или иного нормативно–правового акта и являются самодостаточными для регулирования общественных отношений; б) выявления КС РБ пробела в правовом регулировании либо признании нормативно-правового акта или части его не соответствующим Конституции Республики Башкортостан.

Конституционализация системы законодательства, по сути, представляет собой корректировку, исправление нормативного правового акта. Основанием же этого является решение уполномоченного органа конституционной юстиции о признании неконституционными законодательных актов или их отдельных норм. При этом в конституционном судопроизводстве возникли присущие только ему понятия «недействительность» и «утрата силы», применяемые в случае признания акта или части его неконституционными.

Наиболее сложные вопросы возникают у участников актуально необходимой конституционализации системы законодательства при рассмотрении и принятии решения о неконституционности нормативно–правового установления, оказывающего на общественные отношения правовое регулирование множественностью норм одного или нескольких законодательных актов. Безусловно, при исполнении такого решения конституционного суда законодателю приходится прибегать к наиболее сложным приёмам юридической техники в поисках юридической конструкции, обеспечивающей регулирующее воздействие на общественные отношения в соответствии с буквой и духом конституции. Поводом для конституционализации системы законодательства становятся акты или правовая норма, которым правоприменительной практикой придаётся неконституционный смысл. В этом случае вывод конституционного суда является основанием и обязанностью для соответствующего нормотворческого органа исправить не точную конструкцию нормы права с целью понимания её согласно смыслу придаваемого ей конституционным судом. Практика КС РБ свидетельствует о принятии им решений, подтвер-

ждающих конституционность норм в своём истолковании, что исключает любую её иную интерпретацию, а также применение. В противном случае возникает такое же последствие, как и признание нормы не соответствующей конституции. Это означает, что такая норма с момента вступления решения Суда в силу не должна толковаться каким-либо иным образом и применяться в каком–либо ином смысле [13, с. 487]. В силу данного положения нормотворческий орган, представляя собой участника процесса конституционализации, при исполнении решений Суда обязан руководствоваться правовыми позициями КС РБ.

При анализе деятельности КС РБ по конституционализации законодательства республики в его методологии конституционно–судебного контроля выявлен не ординарный подход, который, на наш взгляд, может использоваться только в исключительных случаях при наличии искажений в правовом регулировании, не позволяющих в процессе конституционного судопроизводства признать неконституционными нормативные правовые нормы. Безусловно, это возможно лишь при условии необходимости сохранить действие проверяемой нормы с целью не допустить умаления прав и свобод и законных интересов субъектов различных правоотношений. Исполняя решение Суда, другой участник конституционализации-нормотворческого органа правовое регулирование земельных отношений в муниципальном образовании привёл в соответствие с Конституцией Республики Башкортостан.

Требования к участникам конституционализации системы законодательства, юридико-технические методы её осуществления, а также сроки установлены в ст. 83 Закона Республики Башкортостан «О Конституционном Суде Республики Башкортостан». Между тем, Конституционный Суд Республики Башкортостан в ряде случаев обязывал принять нормативный правовой акт при том, что состоялось решение о признании проверяемых норм соответствующими конституции. Такие указания были императивными или рекомендательными, но на них не распространяются сроки исполнения, установленные в вышеуказанной статье.

Рассматривая в настоящей статье конституционализм как научную теорию, включающую по своему составу частные теории, идеи, принципы следует отметить, что она воплощается в Конституции. Конституционный Суд Республики Башкортостан, Конституционный Суд Российской Федерации и Конституционные (Уставные) Суды субъектов Российской Федерации вносят достойный вклад в развитие теории конституции. Смысловая интерпретация текстов конституций (уставов) субъектов Российской Федерации их конституционными (уставными) судами обогащают и дополняют научные представления о конституционализации как правовой системы, так и системы законодательства.

Библиографические ссылки

1. Степанов И.М. Социалистический конституционализм: сущность, опыт, проблемы // Советское государство и право. 1987. № 10. С. 3-12.
2. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М. : РЮИД, «Сашко», 2000.
3. Раянов Ф.М. Сущность правового государства: историко-цивилизационный подход // Правовое государство: теория и практика. 2012, № 4 (30). С. 8-16.
4. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова. Саратов, 1995.
5. Чиркин В.Е. Россия, конституция, достойная жизнь: анализ взаимосвязей // Государство и право. 2006. № 5. С. 5-13.
6. Крусс В.И. Понятие, актуальность и формы конституционализации права // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2012. № 19. С. 104-119.
7. Информация о работе Конституционного Суда Республики Башкортостан. Уфа : Конституционный Суд Республики Башкортостан, 2017.
8. Информация о работе Конституционного Суда Республики Башкортостан. Уфа : Конституционный Суд Республики Башкортостан, 2018.

9. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М. : Норма, 2013.
10. Витрук Н.В. Конституционное правосудие в России (1991-2001 гг.): очерки теории и практики. М. : Городец–издат, 2001.
11. Несмеянова С.Э. Конституционный судебный контроль в Российской Федерации: проблемы теории и практики. Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 2004.
12. Кряжков В.А. Конституционный судебный контроль в Российской Федерации: проблемы теории и практики. Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 2004.
13. Барнашов А.М., Митюков М.А. Очерки конституционного правосудия. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999.
14. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» / под. ред. Г.А. Гаджиева. М, 2012.

References

1. Stepanov I.M. Sotsialisticheskiy konstitutsionalizm: sushchnost', opyt, problemy (Socialist constitutionalism: essence, experience, problems). *Sovetskoye gosudarstvo i pravo*, 1987, No. 10, pp. 3-12.
2. Avak'yan S.A. Konstitutsiya Rossii: priroda, evolyutsiya, sovremennost' (The Constitution of Russia: nature, evolution, modernity). Moscow, RYUID, «Sashko», 2000.
3. Rayanov F.M. Sushchnost' pravovogo gosudarstva: istoriko-tsivilizatsionnyy podkhod (The essence of the rule-of-law state: historical-civilizational approach). *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2012, No. 4 (30), pp. 8-16.
4. Teoriya gosudarstva i prava: kurs lektsiy (Theory of state and law: a course of lectures), pod red. N.I. Matuzova. Saratov, 1995.
5. Chirkin V.Ye. Rossiya, konstitutsiya, dostoynaya zhizn': analiz vzaimosvyazey (Russia, constitution, decent life: analysis of interconnections). *Gosudarstvo i pravo*, 2006, No. 5, pp. 5-13.
6. Kruss V.I. Ponyatiye, aktual'nost' i formy konstitutsionalizatsii prava (The concept, relevance and forms of constitutionalization of law). *Vestnik TvGU. Seriya «Pravo»*, 2012, No. 19, pp. 104-119.
7. Informatsiya o rabote Konstitutsionnogo Suda Respubliki Bashkortostan (Information on the work of the Constitutional Court of the Republic of Bashkortostan). Ufa, Konstitutsionnyy Sud Respubliki Bashkortostan, 2017.
8. Informatsiya o rabote Konstitutsionnogo Suda Respubliki Bashkortostan (Information on the work of the Constitutional Court of the Republic of Bashkortostan). Ufa, Konstitutsionnyy Sud Respubliki Bashkortostan, 2018.
9. Bondar' N.S. Sudebnyy konstitutsionalizm v Rossii v svete konstitutsionnogo pravosudiya (Judicial constitutionalism in Russia in the light of constitutional justice). Moscow, Norma, 2013.
10. Vitruk N.V. Konstitutsionnoye pravosudiye v Rossii (1991-2001 gg.): ocherki teorii i praktika (Constitutional justice in Russia (1991-2001): essays of theory and practice). Moscow, Gorodets–izdat, 2001.
11. Nesmeyanova S.E. Konstitutsionnyy sudebnyy kontrol' v Rossiyskoy Federatsii: problemy teorii i praktika (Constitutional judicial control in the Russian Federation: problems of theory and practice). Yekaterinburg, Izd-vo UrGYUA, 2004.
12. Kryazhkov V.A. Konstitutsionnyy sudebnyy kontrol' v Rossiyskoy Federatsii: problemy teorii i praktika (Constitutional judicial control in the Russian Federation: problems of theory and practice). Yekaterinburg, Izd-vo UrGYUA, 2004.
13. Barnashov A.M., Mityukov M.A. Ocherki konstitutsionnogo pravosudiya (Essays on constitutional justice). Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta, 1999.
14. Kommentariy k Federal'nomu konstitutsionnomu zakonu «O Konstitutsionnom Sude Rossiyskoy Federatsii» (Commentary on the Federal Constitutional Law “On the Constitutional Court of the Russian Federation”), pod. red. G.A. Gadzhiyeva. Moscow, 2012.

Дата поступления: 11.02.2019 *Received: 11.02.2019*

УДК 340.1+34(091)

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ: ВОЗМОЖЕН ЛИ ОЖИДАЕМЫЙ ПРОРЫВ?

ЧЕПУНОВ Олег Иванович
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права Юридического факультета им. М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Москва, Россия.
E-mail: chepunovoleg@yandex.ru

LEGAL ASPECTS OF RUSSIA'S ECONOMIC DEVELOPMENT: IS AN EXPECTED BREAKTHROUGH POSSIBLE?

CHEPUNOV Oleg Ivanovich
Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional Law of the Faculty of Law named after M.M. Speransky of the Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.
E-mail: chepunovoleg@yandex.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с ожидаемым прорывом в экономической сфере; исследуются отдельные проблемы, препятствующие росту российской экономики. Обосновывается необходимость выработки оптимальной модели российского экономического развития, основанной на комбинации планового и рыночного хозяйствования, формирования научно-обоснован-ной системы стратегического планирования на основе конституционного и законодательного определения содержания этого института, механизмов их обсуждения. Отмечается необходимость создания механизмов восстановления) доверия населения страны к системе государственной власти по реализации национальных проектов.

Ключевые слова: национальные проекты, стратегическое планирование, дефицит доверия, мобилизационная модель, механизмы реализации.

The paper discusses some issues related to the expected breakthrough in the economic sphere; some problems hindering the growth of the Russian economy are investigated. The paper substantiates the need to develop an optimal model of the Russian economic development based on combining planned and market economy, forming a science-based system of strategic planning on the basis of a constitutional and legislative definition of the content of this institution, the mechanisms of their discussion. It is noted that it is necessary to create some mechanisms to restore population's confidence in the system of state power for implementing national projects.

Key words: national projects, strategic planning, lack of trust, mobilization model, implementation mechanisms.

Внедрение любых глобальных проектов в государственную систему как части государственной политики должно происходить в рамках конституционно – правового режима прав человека: уважения личности, охраны прав и свобод граждан, в том числе и в целях «осуществления прорывного научно-технологического и социально-экономического развития» [1]. Объективную необходимость в экономическом развитии России жестко диктует мировая экономика, определяющая экономическую мощь государства и торговля, которая сегодня лишь в небольшой мере (примерно на 20% состоит из энергетического и другого сырья). Абсолютное преобладание в торговле составляют обмен технически сложной, наукоемкой

продукцией на базе международной производственно-технологической кооперации. Войти в этот экономический мир на условиях независимого и равного партнерства является сложной и важной государственной задачей России на современном этапе своего развития. В российской экономике имеются локальные успехи, но к полноценному росту она не перешла, четверть века она не может выйти на горизонт позитивного развития [2]. Председатель Правительства РФ Д.А. Медведев признал: «Если говорить прямо и откровенно, то, строго говоря, мы не выходили из кризиса 2008 года в полном объеме» [3].

Само понятие «экономическое развитие» означает расширенное воспроизводство и постепенные качественные и структурные положительные изменения экономики, производительных сил, факторов роста и развития, образования, науки, культуры, уровня и качества жизни населения, человеческого капитала.

Основные направления современных российских экономических преобразований были отображены в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [1]. В Указе определяется сложная задача – страна должна совершить решительный экономический прорыв. Как объявил В.В. Путин: «Национальные проекты призваны объединять граждан для достижения прорыва. Это необходимо на поворотном, рубежном этапе истории нашей страны» [4].

Само понятие «экономического прорыва» законодательно не определяется, но цели этого прорыва устанавливаются – занять место в пятерки самых развитых стран мира. Для этого разработаны паспорта национальных проектов по 12 направлениям стратегического развития до 2024 г. [5]. Доктрина экономического прорыва «…несет в себе ориентиры политического и социально-экономического развития, в центре которых находятся основные права и свободы человека», она «…открыла путь экономическим, политическим, социальным и иным реформам и служит одним из важнейших инструментов их проведения» [6, с. 8-9].

Разработка и реализация национальных проектов должны основываться на нормах Конституции Российской Федерации, так как объективной основой правового регулирования российской экономики являются конституционные нормы закрепляющие основы конституционного строя (ст. 7, 8, 9, 61 Конституции РФ), права и свобод человека и гражданина (ст.ст. 34, 35 Конституции РФ), а так же и другие (п/п. «д» – «и», «л» ст. 71, п/п. «в» – «д», «и», «к», «о» ст. 72, ст. 74, ст. 75 Конституции РФ). Суть этих и иных конституционных положений выражается в непосредственном их действии.

Процессы экономического развития не рассматриваются только как взаимоотношения граждан с государством, в экономическом глобальном мире есть и другие внешние факторы, влияющие на национальные процессы экономики. Но при этом именно эффективное взаимодействие государства и граждан определяют успехи экономического развития и в первую очередь те приоритетные социально-экономические задачи экономического развития, которые необходимы общественному большинству и им поддерживаемые, что и обуславливает консенсус как общественный договор о приоритетных и ключевых ориентирах в экономическом прорыве. При этом следует отметить, что глобальные изменения в стране потребуют, и авторитарных управленческих решений, и общественного консенсуса, что и должно смягчить социальные напряжения в реформаторских процессах. Но если общество не подготовлено к таким процессам, то приходится ждать и проводить изменения лишь при достаточном уровне принятия тех или иных экономических преобразований. Примером может служить не продуманные процессы последней пенсионной реформы, не поддерживаемые населением. Опыт зарубежных стран показывает, что в Германии поднятие пенсионного возраста началось через 5 лет после принятия решения. В США пенсионный возраст начали поднимать через 18 лет после утверждения соответствующего закона. Ни в одной развитой страны мира пенсионный возраст не поднимали через 3 месяца после утверждения решения. В этой связи необходимо осознать то, что ни авторитарное не демократическое пути решения проблем

экономического прорыва не дают гарантированного успех. Можно согласиться с тем, что «разогнать» нашу экономику без отказа от нынешней «стабилизационной» политики практически невозможно. Вместо прорыва она может продолжать находиться в затяжной стагнации.

Доктрину российского экономического прорыва следует осуществлять на основе оптимальной комбинации конституционных принципов форм собственности: частной, государственной, муниципальной и иной (п. 2 ст. 8 Конституции РФ) обеспечивая плановые и рыночные способы хозяйствования. При таком подходе к экономической доктрине управления экономикой первичными экономическими факторами необходимо определять потребности в социально-экономическом развитии государства. То есть государство должно применять такие формы управления экономикой, при которой рыночные экономические субъекты были бы направлены на выполнения тех задач, которые необходимы для развития социально-экономический инфраструктуры государства. Это позволяет сформулировать общие контуры конституционной модели модернизации и инновационного развития российской экономики, а также степень соотношения рыночных и плановых механизмов. В этих механизмах необходима четкая и обоснованная на современных принципах система планирования, согласованная с объективными рыночными законами развития производственных отношений при определении допустимых структурных и качественных сдвигов в экономике.

Можно согласиться с тем, что «саморегулирование является наиболее адекватным методом, средством сочетания интересов субъектов экономики, установления режима свободы экономической деятельности, что не исключает и непосредственного участия государства в реализации принципа свободы экономической деятельности» [7, с. 3]. Закрепление принципа свободы экономической деятельности в Конституции (ч. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 34 Конституции РФ) должно определять форм и методов регулирования экономической и предпринимательской деятельности и «…является дискуссионным на протяжении всего периода современной рыночной экономики в России» [8]. Если говорить о государственном регулировании и саморегулировании, то государство фактически сводит на нет возможности саморегулирования экономики, предполагающего автономию в очерчиваемых законодательством пределах. Средства государственного вмешательства в экономику могут иметь различное выражение и глубину проникновения. Такая необходимость государственного вмешательства в экономическую сферу деятельности субъектов обуславливается:

- обеспечением публично значимых потребностей (в мерах социальной защиты, безопасности границ, правопорядке, публичной инфраструктуре и проч.);
- формированием и исполнения государственного бюджета;
- защитой окружающей среды и природных ресурсов;
- обеспечением занятости населения;
- обеспечением свободы экономической деятельности, защиты от монополизма;
- правлением государственной собственностью;
- стимулированием активной и инновационно-технологичной хозяйственной деятельности, особенно в стратегически важных секторах экономики;
- защитой нарушенных экономических прав субъектов.

Организационные задачи государства состоят в том, чтобы найти такие формы взаимодействия с субъектами предпринимательской и экономической деятельности, которые бы обеспечивали выполнение экономических задачи решающих социально-экономическое развитие в рамках установленных государственных программ социально-экономического развития. В этой связи необходимо в первую очередь выделение совокупности критериев, характеризующих государственное регулирование экономикой.

Внесенные в Совет при Президенте России по стратегическому развитию и национальным проектам паспорта национальных проектов по 12 направлениям стратегического развития были предметно рассмотрены 24 октября 2018 г. [9]. Президентом Российской Федерации

отдельно подчеркнуто, что «проекты не федеральные, не региональные, а именно национальные, что предполагает консолидацию усилий всех уровней и ветвей власти, представителей гражданского общества и, конечно же, бизнеса. Прежде всего, речь идёт о том, чтобы выработать эффективные модели финансирования, участия частного бизнеса в проектах общенациональной повестки» [9]. Разработка паспортов нацпроектов регламентируется Постановлением Правительства РФ от 31.10.2018 № 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» [10]. Анализ постановления указывает на то, что паспорта представляют собой предложения, разработанные узкой группой специалистов на основе методических рекомендаций Правительства Российской Федерации.

В процессе обсуждения паспортов национальных проектов в Совет при Президенте России выяснились системные проблемы стратегического планирования. Например, «астрономическая сумма», которая декларировалась консолидированной на финансирование национальных проектов – вовсе не консолидирована, даже наоборот, имеется очевидное недофинансирование нацпроектов. По мнению Председателя Счетной палаты РФ А.Л. Кудрина: «Это означает, что запуск целого ряда проектов на ближайшие три года замедлится или будет перенесен на более поздние сроки» [11]. Уже на уровне планирования указывается на то, что две трети показателей нацпроектов, нельзя отследить статистикой. На эти нацпроекты в ближайшие три года планируется потратить из бюджета 3,7 трлн. руб., но методов оценки результатов их исполнения у Правительства пока нет [12]. Цели национальных проектов не связаны между собой. Высказано замечание о том, что следует сократить число контрольных показателей «верхнего уровня», предусмотренных национальными проектами, в семь раз – со 115 до 22, существует слабая связь установленных критериев исполнимости и их глобальных целей [13].

Отметим, что в многоуровневый социальной системе, каковой является власть небольшая погрешность принятия решений на первом уровне властной вертикальной структуры, многократно увеличивает проблемы на последних ее уровнях – исполнения. Пока действенного механизма по исправлению таких ошибок, а также выявленных в ходе реализации проектов не создано, отсутствует механизм и самого общественного обсуждения самих нацпроектов, их приоритетности и т.д. Поэтому ошибки и погрешности, в том числе и системные не исключены и в этих случаях самостоятельное принятие решений каким-либо центром власти затруднительно вследствие того, что нет четко выраженной официальной доктрины проведения экономических преобразований на основе, которой и должны разрабатываться проекты и нейтрализовать возникающие просчеты.

Мировой опыт показывает, что эффективное государственное экономическое развитие во многом зависит от квалифицированного построения системы стратегического планирования, предполагающее приоритетное решение правовых задач на основе конституционно-правовых механизмов, в том числе и обсуждения национальных проектов в профессиональном и общественном сообществе, а также создания единой системы мониторинга и «выполнения документов стратегического планирования» [14].

Большинство экспертов указывают на то, что назрела необходимость проведения структурных реформ в экономике. Вместе с тем отсутствует четкое понимание структурных реформ, идет ли речь о максимальной свободе рынка, уходе государства из экономики, либо в условиях кризиса и реформ государство должно быть основополагающим субъектом.

При этом невозможно провести эффективный экономический рывок на фоне «санкционный» политики, дальнейшего падения покупательной способности и спроса населения, падения производства, роста цен во всех категориях товаров, «закредитованность» субъектов Федерации, дальнейшего давления на национальную валюту и т.д. В результате этого в российской финансовой системе отмечается высокая степень волатильности рубля. Центральный Банк РФ как государственной орган защиты и обеспечения устойчивости рубля, находится в сложном положении: если увеличить учетную ставку, не будет какого-либо роста экономики;

снизить ставку – породить условия для роста инфляции. Центральный Банк РФ ужесточает финансово-кредитную политику. Тем самым создавая дополнительные проблемы Правительству РФ по реализации целевых экономических программ и обеспечению конституционных социальных обязательств государства (ч. 2 ст. 7 Конституции РФ).

В условиях подготовки «экономического рывка» доверие к власти является особой экономической категорией, доверие обеспечивает готовность людей терпеть временные трудности. Однако, в российском обществе возникает вопрос о готовности Правительства провести экономический рывок. Так, по результатам опроса, проведённого Левада центром 13-19 декабря 2018 г. выяснилось, что «большинство россиян (57%) полагают, что действующее правительство неспособно решить проблемы, связанные с ростом цен и падением доходов населения» [15]. Бесспорно, в современных условиях развития российской экономики особую актуальность приобретает восприятие правительственных преобразований через призму их результативности народом как единственным источником власти (ст. 3 Конституции РФ). Заметим, что подобные проблемы периодически возникают в истории России, как правило, это происходило в те моменты выхода системы общественных отношений из равновесного состояния. Исходя из опыта проведение модернизации в СССР, очевидно, что граждане терпели существующую бедность ради благоденствия в коммунистическом будущем. Вскоре после угасания этой веры, закончил существование и СССР. В связи с этим первейшая задача Правительства является создание всех возможных условия к стремлению «обеспечить благополучие и процветание России» и восстановления доверия населения страны – единственного источника власти в России

В числе основополагающих факторов укрепления доверия населения к власти – повышение эффективности ее деятельности, открытости и прозрачности властных институтов и структур, развитие традиционных ценностей и принципов гражданского общества, расширение значения местного самоуправления и его самостоятельности, установление механизмов общественной экспертизы проектных решений, а также их реализации. Особо следует отметить реальную персональную ответственность каждого государственного служащего за состояние дел на порученном участке и выполнение отдельных поручений.

В начале экономических преобразований необходимо создать и научно обосновать «конституционную мобилизационную экономическую модель», в границах которой следует сконцентрировать все ресурсы. Такая модель может существовать в любой форме экономики: нерыночной, рыночной, частной, государственной, многоукладной – все зависит от ее наполнения и конституционных механизмов функционирования. В рамках такой модели необходимо охватить особым конституционно-правовым режимом все основополагающие элементы «мобилизационной экономики» как фактора современной модернизации России. Основные позитивные преимущества мобилизационной экономики составляют адекватность оценки вызова и применяемых соответствующих методов. Проблемные стороны заключаются в выходе за рамки конституционных оценок и действий появившемся вызовам, что в последствие создает негативные последствия для преобразований. Опыт предыдущих мобилизаций в России говорит о принуждении как о неотменяемом компоненте мобилизационных общественных мероприятий, которые принимаются адекватно экономическим вызовам. В каждом случае необходимы оценки такой реально существующий вызов и конституционную адекватность противовеса принимаемых чрезвычайных мер. Для прорывного роста нужны прорывные реформы, направленные на развитие внутреннего рынка, инфраструктуры, инвестиций внутреннего резерва, включая сбережения населения. Международный опыт показывает, что роль и значение государства в условиях преодоления системных кризисов резко возрастает. Активное участие государства в экономических процессах как важнейшего субъекта и инструмента реформирования страны и, прежде всего, в системы материального производства является безальтернативной. При этом следует исходить из того, что крупный бизнеса в со-

временной российской экономике – краеугольный камень споров экономистов, является не только ядром экономики, основным налогоплательщиком, но и своеобразным экономическим «донором» в развитии технологических инноваций. Отметим, что монетарная экономическая модель, основанная на экспорте ресурсов, исчерпала все свои резервы роста. Необходима смена экономической парадигмы, которая позволит обеспечить устойчивый рост экономики и повышение благосостояния россиян, требуется привлечение государством крупного бизнеса именно в этой конституционной модели к проведению экономических реформ это – важнейшая задача. Все же крупный бизнес может играть основную роль по развитию отдельных секторов экономики, а проведением мобилизационной политики в экономической реформе – прерогатива государства.

Для реализации национальных приоритетов необходимо, чтобы заложенные в них стратегические планы опирались на надежную правовую основу. Правовые нормы должны обеспечиваться эффективным механизмом их применения. Гарантии обеспечения национальных интересов являются юридически и организационно оформленные средства реализации предписаний, содержащихся в нормах российского права, в том числе и по защите права и свободы человека и гражданина. В паспортах национальных проектов такие правовые механизмы отсутствуют, поэтому на основании данных паспортов, необходимо разрабатывать специальные правовые режимы государственного управления. По нашему мнению, уже на уровне разработки паспортов необходимо предложить решения ряда ключевых правовых и процедурно-регламентных механизмов взаимосвязи по реализации задач национальных проектов. Так как государство в экономической реформе занимает положение монополиста, то обязано соблюдать само и защищать права и свободы всех субъектов общественных отношений. Более того, само стратегическое планирование должно опираться на экономические конституционные принципы основ конституционного строя, тем самым, способствуя оптимизации, совершенствованию государственного управления и решению главной проблемы экономического рывка – дефицита доверия к государственной власти.

Библиографические ссылки

1. Указ Президента РФ от 07.05.2018 N 204 (ред. от 19.07.2018) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 07.05.2018.
2. Нешитой А.С. Экономика России за четверть века – новый экономический курс безотлагателен [Электронный ресурс]. URL: https://inecon.org/docs/2016/Neshitoy_paper_20161013.pdf (дата обращения: 12.01.2019).
3. Дмитрий Медведев встретился с журналистами, чтобы обсудить итоги года [Электронный ресурс]. URL: https://www.1tv.ru/news/2014-12-14/31035-dmitriy_medvedev_vstretilsya_s_zhurnalistami_chtoby_obsudit_itogi_goda (дата обращения: 12.01.2019).
4. Владимир Путин: мы должны совершить настоящий прорыв в экономике [Электронный ресурс]. URL: http://путин.ru-an.info/ (дата обращения: 15.01.2019).
5. О внесении паспортов национальных проектов в Совет при Президенте России по стратегическому развитию и национальным проектам [Электронный ресурс]. URL: http://government.ru/news/34166/ (дата обращения: 12.01.2019).
6. Хабриева Т.Я. Конституционализм в России: 10 лет развития. // Конституция и законодательство : материалы Международной науч.-практ. конф. Москва, 29 октября 2003 г. / отв. ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. М., 2003.
7. Губин Е.П. Правовое обеспечение свободы экономической деятельности [Электронный ресурс] // Предпринимательское право. 2015. № 4. URL: http://consultant.ru (дата обращения: 16.01.2019).

8. Ершова И.В. Уведомительный режим начала осуществления предпринимательской деятельности: закон, доктрина, судебная практика [Электронный ресурс] // Юрист. 2015. № 20. URL: http://consultant.ru (дата обращения: 16.01.2019).
9. Заседание Совета по стратегическому развитию и нацпроектам [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/58894 (дата обращения: 13.01.2019).
10. Постановление Правительства РФ от 31 октября 2018 г. № 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 45. Ст. 6947.
11. Нацпроекты не для нации: как осваивают бюджет [Электронный ресурс]. URL: https://www.pravda.ru/economics/rules/25-10-2018/1397186-project-0/ (дата обращения: 12.01.2019).
12. Как измерить нацпроекты [Электронный ресурс] // Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/10/10/783372-kak (дата обращения: 12.01.2019).
13. «Коммерсантъ» рассказал о сомнениях регионов в исполнимости нацпроектов [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/politics/21/11/2018/5bf4ed939a79476b9bb6823c (дата обращения: 19.01.2019).
14. Актуальный опыт зарубежных стран по развитию государственных систем стратегического планирования / А.В. Клименко, В.А. Королев, Д.Ю. Двинских, Н.А. Рычкова. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.
15. «Левада-центр»: большинство россиян выступают за отставку правительства [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3853709 (дата обращения: 16.01.2019).

References

1. Ukaz Prezidenta RF ot 07.05.2018 N 204 (red. ot 19.07.2018) «O natsional'nykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2024 goda» (On the national purposes and strategic problems of the development of the Russian Federation until 2024), *Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii.* URL: http://www.pravo.gov.ru, 07.05.2018.
2. Neshitoi A.S. Ekonomika Rossii za chetvert' veka – novyi ekonomicheskii kurs bezotlagatelen (Economy of Russia during a quarter of the century – the new economic course is urgent). URL: https://inecon.org/docs/2016/Neshitoy_paper_20161013.pdf (accessed date: 12.01.2019).
3. Dmitrii Medvedev vstretilsya s zhurnalistami, chtoby obsudit' itogi goda. (Dmitry Medvedev met journalists to discuss results of year). URL: https://www.1tv.ru/news/2014-12-14/31035-dmitriy_medvedev_vstretilsya_s_zhurnalistami_chtoby_obsudit_itogi_goda (accessed date: 12.01.2019).
4. Vladimir Putin: my dolzhny sovershit' nastoyashchii proryv v ekonomike (Vladimir Putin: we have to make the real break in economy). URL: http://putin.ru-an.info/ (accessed date: 15.01.2019).
5. O vnesenii pasportov natsional'nykh proektov v Sovet pri Prezidente Rossii po strategicheskomu razvitiyu i natsional'nym proektam (On entering the passports of national projects into the Council at the President of Russia for strategic development and national projects). URL: http://government.ru/news/34166/ (accessed date: 12.01.2019).
6. Khabrieva T.Ya. Konstitutsionalizm v Rossii: 10 let razvitiya (Constitutionalism in Russia: 10 years of development), *Konstitutsiya i zakonodatel'stvo*, material mezhdunarodnoi nauch.-prakt. konf. Moskva, 29 oktyabrya 2003 g., Otv. red. T.Ya. Khabrieva, Yu.A. Tikhomirov. Moscow, 2003.
7. Gubin E.P. Pravovoe obespechenie svobody ekonomicheskoi deyatel'nosti (Legal support of freedom of economic activities). *Predprinimatel'skoe parvo*, 2015, No. 4. URL: http://consultant.ru (accessed date: 16.01.2019).
8. Ershova I.V. Uvedomitel'nyi rezhim nachala osushchestvleniya predprinimatel'skoi deyatel'nosti: zakon, doktrina, sudebnaya praktika. (Notifying the mode of the beginning of implementation of

business activities: law, doctrine, judicial practice). *Yurist*, 2015, No. 20. URL: http://consultant.ru (accessed date: 16.01.2019).
9. Zasedanie Soveta po strategicheskomu razvitiyu i natsproektam (Meeting of the Council for strategic development and national projects).URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/58894 (accessed date: 13.01.2019).
10. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 31 oktyabrya 2018 g. № 1288 «Ob organizatsii proektnoi deyatel'nosti v Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii» (On the organization of design activity in the Government of the Russian Federation). *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2018, No. 45, St. 6947.
11. Natsproekty ne dlya natsii: kak osvaivayut byudzhet (National projects are not for the nation: how the budget is mastered). URL: https://www.pravda.ru/economics/rules/25-10-2018/1397186-project-0/ (accessed date: 12.01.2019).
12. Kak izmerit' natsproekty (How to measure national projects). *Vedomosti*. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/10/10/783372-kak (accessed date: 12.01.2019).
13. «Kommersant» rasskazal o somneniyakh regionov v ispolnimosti natsproektov ("Kommersant" told about the doubts of regions in feasibility of national projects). URL: https://www.rbc.ru/politics/21/11/2018/5bf4ed939a79476b9bb6823c (accessed date: 19.01.2019).
14. Aktual'nyi opyt zarubezhnykh stran po razvitiyu gosudarstvennykh sistem strategicheskogo planirovaniya (Relevant experience of foreign countries in developing the state systems of strategic planning). A.V. Klimenko, V.A. Korolev, D.Yu. Dvinskikh, N.A. Rychkova. Moscow, Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2016.
15. «Levada-tsentr»: bol'shinstvo rossiyan vystupayut za otstavku pravitel'stva ("Levada Center": most of Russians support the resignation of the government). URL: https://www.kommersant.ru/doc/3853709 (accessed date: 16.01.2019).

Дата поступления: 19.05.2019 *Received: 19.05.2019*

УДК 343.819

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ПРАВОВЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

SOCIAL AND LEGAL PURPOSE OF LEGAL RESTRICTIONS

ШЕМАРОВ Валентин Александрович
преподаватель кафедры организации режима и оперативно-розыскной деятельности в УИС. Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, г. Рязань, Россия.
E-mail: valentinerzn@mail.ru

SHEMAROV Valentin Aleksandrovich
Instructor of the Department of Organization of Regime and Operational Search Activities in the Penitentiary System. Academy of Law Management of the Federal Penal Service of Russia, Ryazan, Russia.
E-mail: valentinerzn@mail.ru

Государство стремиться получить желаемое поведение от всех граждан осуществляя юридическое регулирование и упорядочивание общественных отношений. Сознательно-волевое поведение индивидуума всегда исходит в той или иной степени из усвоенных и оцененных им социальных норм. Правовые ограничения

The state strives to get the desired behavior of all the citizens by means of legal regulation and streamlining public relations. Conscious and volitional behavior of an individual more or less always comes from the social norms that he has learned and valued. Legal restrictions act as means of achieving actions on people

выступают, как средство достижения взаимодействия на людей путем применения государственного воздействия и достижения социальной справедливости при нарушении границ обозначенных нормами права. Исследуя на теоретико-прикладном уровне вопросы социально-правового предназначения правовых ограничений, а также их роли в формировании правомерного поведения, возможно, рассмотреть некоторые проблемные вопросы, возникающие в результате их правореализационной деятельности. Отмечается, что правоограничения содержат элементы самовоспитания и воспитательного воздействия и в то же время влияют на интересы человека, поскольку изначально ущемляются именно интересы, которые в дальнейшем препятствуют реализации продекларированных прав и свобод.

Ключевые слова: правовые ограничения, законные интересы, справедливость, ограничения прав, свободы, стимулы, поощрения, правовое регулирование, нормотворчество.

through applying state influence and reaching social justice while violating the boundaries, which are marked by legal norms. Exploring the issues of social and legal purposes of legal restrictions at the level of practice and theory as well as their importance in shaping good behavior we may consider some problematic issues which arise as a result of their law enforcement activities. It is noted that legal restrictions contain elements of self-education and educational impact. At the same time they affect the interests of the person because initially in particular these interests are infringed which further hinder the realization of established rights and freedoms.

Keywords: legal restrictions, legitimate interests, justice, restrictions on the rights, freedoms, incentives, encouragement, legal regulation, law-making.

Исторически сложилось, что социум для своего наиболее благополучного и мирного существования вынужден вводить определенные ограничения абсолютной свободы своих членов, сдерживая тем самым их безграничную активность, которая может противоречить правам и интересам других членов этого общества. Отсюда следует, что общество устанавливает определенные пределы должного поведения, поскольку не может и не должно гарантировать той или иной личности совершения противоречащих интересам общества действий, следовательно, человек обязан жить в определенных рамках, согласуя свои жизненные потребности с правами других членов общества, неся ответственность за свое поведение.

В общих чертах смысл данного подхода сводится к тому, что свобода человека не может существовать без ограничений, ибо подлинная свобода осознает свои границы. По мнению А.И. Ильина, право, ограничивая свободу личности известными пределами, обеспечивает беспрепятственное пользование своими правами, гарантируя свободу внутри этих пределов. Автор указывает на то, что свобода каждого человека распространяется в пределах границы, которая служит началом свободы другого индивида. Определяя эти границы, право способствует установлению порядка в совместной жизни людей [3, с. 96].

В отечественной правовой науке, существует устойчивое мнение о том, что при помощи ограничений, закрепленных в правовых нормах, осуществляется юридическое регулирование и упорядочивание общественных отношений в желаемом направлении. Фактически посредством правовых ограничений может достигаться главная цель существования цивилизованного общества – социальное сожительство, то есть совместное проживание и взаимодействие людей для достижения наиболее высокого уровня индивидуального развития каждого. При этом социальная обусловленность правовых ограничений в значительной части напрямую связана с таким этическим понятием, как социальная справедливость. «Понятие справедливости выступает в качестве высшего нравственного критерия для регулирования и

оценки действий субъектов, путем применения к ним тех или иных форм государственного воздействия» [9, с. 18].

Вопросы ограничений прав, свобод и законных интересов человека, а также их пределы относятся к числу важнейших проблем как в теоретической, так и прикладной науки, поскольку функциональная сущность правовых ограничений состоит в том, чтобы предотвратить нежелательную активность субъекта, противоречащую интересам общества или причиняющую ему вред. В современной юридической науке существует несколько ключевых подходов понимания «правовых ограничений». Так, исследуя данную проблему С.С. Алексеев считал, что ограничение – это вопрос об объеме регулирования и о границах имеющихся у лиц прав, которые характеризуют результат юридического регулирования. Достигается же такой результат «путем сужения дозволений, новых запрещений, дополнительных позитивных обязываний» [1, с. 67].

Своеобразной позиции в понимании «ограничения» придерживался Ф.Н. Фаткуллин, считавший, что ограничение близко к запрету, однако оно рассчитано не на полное вытеснение того или иного общественного отношения, а на удержание его в жестко ограничиваемых рамках [14, с. 157]. Аналогичную точку зрения высказывал А.Г. Братко, который детализируя суть проблемы, утверждал, что запреты и ограничения – это два различных способа правового регулирования. Основное их различие состоит в том, что запреты по своему содержанию указывают на юридическую невозможность определенного поведения, которое фактически возможно, в то время как правовое ограничение представляет собой не только юридически, но и фактически невозможный вариант поведения. В отличие от запрета правовое ограничение в принципе невозможно нарушить. Оно всегда есть ограничение какого-либо субъективного права, причем такое, которое обеспечивается обязанностями соответствующих должностных лиц [2, с. 17].

Итак, выполняя охранительно-регулятивную функцию правовые ограничения, всегда направлены на охрану и защиту общественного порядка, основ конституционного строя, безопасности государства, прав, свобод и законных интересов человека, а так же иных социально значимых интересов общества. С их помощью устанавливаются границы между правомерным и противоправным, и тем самым охраняются желаемые и одобряемые варианты поведения субъектов в обществе. Следовательно, правовому ограничению, как общеправовой категории, присущи основные общеправовые функции, практическая реализация которых связана с их местом и ролью в праве как официально-властном регуляторе отношений, возникающих между субъектами.

Думается, что в цивилизованном обществе именно правовые ограничения являются одним из главных инструментов, способных обеспечить его нормальное функционирование. Целесообразность существования различного рода ограничений в процессе правового регулирования продиктована необходимостью стабильного гарантирования установленного общественного порядка и его постоянства.

Исследуя правовую природу данного феномена, А.В. Малько считает, что правовое ограничение – это правовое сдерживание противозаконного деяния, создающее условия для удовлетворения интересов контрсубъекта и общественных интересов в охране и защите; это установленные в праве границы, в пределах которых лица должны действовать, это исключение определенных возможностей в деятельности [11, с. 366]. Детализируя данную проблему М.Г. Маковецкая под правовыми ограничениями понимает установление государством на законодательном уровне определенных пределов, в рамках которых индивидуум, независимо от его статуса, государственной принадлежности и других обособленных характеристик, может реализовывать свои права и свободы [5, с. 236].

Выделяя наиболее общие признаки реализации правовых ограничений, А.В. Малько полагает, что они заключаются в следующем:

1) связаны с неблагоприятными условиями (угроза или лишение определенных ценностей) для осуществления собственных интересов субъекта, ибо направлены на их сдерживание и одновременно на удовлетворение интересов противостоящей стороны в правоотношении и общественных интересов в охране и защите;

2) сообщают об уменьшении объема возможностей, свободы, а значит, и прав личности, что достигается с помощью обязанностей, запретов, наказаний и т. п.;

3) обозначают собой отрицательную правовую мотивацию;

4) предполагают снижение негативной активности;

5) направлены на защиту общественных отношений, выполняют функцию их охраны [11, с. 366].

Углубляя суть исследуемого феномена, И.М. Приходько справедливо полагает, что к признакам правовых ограничений относится то, что они:

- являются юридическими средствами обеспечения интересов субъектов права;
- устанавливаются государством и обеспечиваются силой государства;
- направлены на преодоление препятствий, стоящих на пути удовлетворения правомерных интересов;
- служат интересам контрсубъекта;
- являются по отношению к субъекту внешним фактором воздействия;
- выражают собой отрицательную мотивацию;
- выступают основным элементом правовых режимов;
- носят информационный характер [7, с. 29].

Для того чтобы понять, какую громадную роль играют правовые ограничения в упорядочении общественных отношений, их необходимо в первую очередь классифицировать. Следует отметить, что классификация правовых ограничений имеет большое теоретическое и практическое значение, поскольку отражает закономерности развития классифицируемых объектов, раскрывает связи между ними, указывает на отличительные признаки. Она способствует правильному отбору и закреплению правовых ограничений в нормах права, помогает понять их особенности и специфику, что является необходимым условием осуществления правоприменительной деятельности.

В теории права проблема классификации правовых ограничений разработана достаточно хорошо. Различными авторами было предложено множество вариантов и оснований такой классификации. Объектами классификации в нашем случае будут выступать правовые ограничения, имеющие место в отраслях отечественного права. Традиционно эти ограничения принято классифицировать в зависимости от предмета правового регулирования (отраслевой принадлежности), объема, времени действия, элемента структуры нормы права, характера вызываемых последствий и т.д.

В общей теории права правовые ограничения принято классифицировать:

- в зависимости от элемента структуры нормы права можно выделить юридический факт-ограничение (гипотеза), юридическую обязанность, запрет, приостановление и пр. (диспозиция), наказание (санкция);
- в зависимости от предмета правового регулирования выделяют конституционные, гражданские, экологические и подобные ограничения;
- в зависимости от объема выделяют полные (ограничение дееспособности детей) и частичные (ограничение дееспособности несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет) ограничения;
- в зависимости от времени действия выделяют постоянные (установленные законом избирательные ограничения) и временные (обозначенные в акте о чрезвычайном положении) ограничения;

- в зависимости от содержания выделяют материально-правовые (лишение премии) и морально-правовые (выговор) ограничения [10, с. 347].

Следует отметить, что правовые ограничения, как и все остальные правоограничительные средства, прежде всего, воздействуют на интересы человека, поскольку изначально ущемляются именно интересы, которые в дальнейшем препятствуют реализации продекларированных прав и свобод. В то же время и само право может служить причиной возникновения самых разнообразных интересов. Например, право осужденного на свидание с близкими родственниками, закрепленное в нормах уголовно-исполнительного законодательства, порождает интерес реально его получить. При этом юридические предписания выступают в качестве гарантии и стимулируют заинтересованность лица в реализации этого права.

Пройдя через сознание, бытовые, экономические, политические, культурные, духовные, правовые и иные потребности человека приобретают форму юридических мотивов. Потребности и интересы, а также влечения, взгляды, привычки, эмоции и иные сегменты человеческой составляющей являются мотивообразующими факторами. По мнению В.И. Ковалева именно мотивы характеризуются как «трансформированные и обогащенные стимулами потребности» [4, с. 60].

Таким образом, мотив – это внутреннее побуждение человека, направленное на удовлетворение значимой для него потребности. Система мотивов – это совокупность внутренних взаимосвязанных факторов, побуждающих и направляющих поведение человека, ориентированное на достижение какой-либо цели. Система мотивов имеет довольно сложную структуру. Одни мотивы выполняют смыслообразующую функцию и занимают доминирующее положение, другие являются лишь своего рода вспомогательными стимулами [8, с. 220]. Мотивация в процессе жизнедеятельности человека постоянно видоизменяется. Психологи отмечают, что процесс мотивации может происходить как на сознательном, так и на подсознательном уровнях, а формированию определенной мотивированности способствуют не только внутренние установки, но и внешнее стимулирование [8; 4]. По мнению Ю.В. Тихонравова, стимуляция «охватывает те импульсы, которые побуждают человека к активности независимо от его сознания. При этом стимуляция может быть осознана и даже скорректирована сознанием» [13, с. 149].

Учитывая, что право воздействует на волю и сознание людей и побуждает их к определенной активности, прежде всего с помощью той информации, которая заложена в структуре правовой нормы, содержащей информационно-нормативный индикатор желаемого, одобряемого, должного и допустимого. Вместе с тем, человеку не просто сообщается информация о том, что дозволено и что запрещено, он получает материал, который необходим ему для выработки программы своего настоящего и будущего поведения. Владение правовой информацией служат ориентирами для построения человеком линии своего поведения. Любое лицо, прежде чем удовлетворить собственный интерес, соотносит его с существующими правилами, закрепленными в правовых нормах, поскольку именно там содержится информация о том, насколько субъект может быть свободен в удовлетворении этого интереса. Так правовые ограничения, входящие в структуру уголовного наказания, информируют человека о лишении его тех благ, которые вытекают из применения к нему кары. В данном случае в действие вступает волевая регуляция, формирующая будущее поведение субъекта. В этой связи особенно важно, чтобы при создании правовых норм, содержащих варианты желаемого и должного поведения, более эффективно использовался принцип правовой определенности, который формирует ценностно-правовые ориентиры и в конечном итоге способствует торжеству разума во всех сферах общественных отношений. Всякая правовая регламентация должна быть сформулирована достаточно определенно, исключая возможность двусмысленного понимания и толкования. Такой подход позволит избежать ошибок и злоупотреблений со стороны правоиспользователей и правоприменителей. Недостатки в сфере правовой определен-

ности причиняют неудобства или вред не только конкретному человеку, группе лиц, коллективу или обществу, но и самому государству, поскольку низкая результативность принимаемых им правовых норм не способствует достижению поставленных целей и задач, компрометирует государственную власть, является экономически ущербной, а также порождает нигилистическое отношение к праву – эффективному регулятору общественных отношений, призванному защищать тех, кто его соблюдает [6, с. 115-121].

Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что правовые ограничения содержат в себе элементы самовоспитания воспитательного воздействия. «В процессе своеобразного "саморегулирования", – отмечает Ю.А. Тихомиров, – человек исходит из принятых социальных норм, руководствуется ими. Как элемент социальной общности он участвует в их выработке, в признании их как стандартов поведения. Сознательно-волевое поведение индивидуума всегда исходит в той или иной степени из действия усвоенных и оцененных им социальных норм» [12, с. 6]. Поскольку правовые ограничения сами по себе не могут передаваться субъекту, то здесь задача состоит в том, чтобы своевременно и, охватывая как можно больший круг людей доводить до них информацию, содержащуюся в ограничительных нормах.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что в правовых ограничениях отражается оценка поведения субъекта с позиции общественного благо, оценивается степень социального вреда. Следовательно, в самом общем виде правовые ограничения – это юридический инструмент, с помощью которого обеспечивается достижение общих и конкретных целей правового регулирования, направленных на справедливое упорядочение общественных отношений, путем установления пределов (границ), рекомендуемого, желаемого, одобряемого, допускаемого и запрещаемого поведения.

Библиографические ссылки

1. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989.
2. Братко А.Г. Запреты в советском праве. Саратов, 1979.
3. Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве (фрагменты) // Правоведение. 1992. № 3. С. 96.
4. Ковалев В.И. Мотивы поведения и деятельности. М., 1988.
5. Маковецкая М.Г. Понятие правовых ограничений прав и свобод человека // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6 (1). С. 236.
6. Полищук Н.И. Функциональная ценность принципа правовой определенности в нормотворческой политике государства // Правовое государство: теория и практика. 2017. Т. 4. № 50. С. 115-121.
7. Полищук Н.И. Тенденции современной правотворческой политики Российской Федерации // Юридическая мысль. 2017. № 1 (99). С. 75-80.
8. Приходько И.М. Ограничения в российском праве (проблемы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001.
9. Романов В.В. Юридическая психология : учебник. М., 1998.
10. Ковалев В.И, Мотивы поведения и деятельности. М., 1988.
11. Тарасов А.В. Ограничения конституционных прав и свобод человека в условиях особых правовых режимов в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006.
12. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003.
13. Теория государства и права : учебник / под ред. А.В. Малько, А.Ю. Соломатина. 2-е изд., испр. и доп. СПб, 2015.
14. Тихомиров Ю.А Теория закона. М., 1982.
15. Тихонравов Ю.В. Основы философии права : учебное пособие. М., 1997.
16. Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права. Казань, 1987.

References

1. Alekseyev S.S. Obshchiye dozvoleniya i obshchiye zaprety v sovetskom prave (General permissions and general prohibitions in Soviet law). Moscow, 1989.
2. Bratko A.G. Zaprety v sovetskom prave (Prohibitions in Soviet law). Saratov, 1979.
3. Il'in I.A. Obshcheye ucheniye o prave i gosudarstve (fragmenty) (The general theory of law and state (fragments). *Pravovedeniye*, 1992, No. 3, pp. 96.
4. Kovalev V.I. Motivy povedeniya i deyatel'nosti (Motives of behavior and activity). Moscow, 1988.
5. Makovetskaya M.G. Ponyatiye pravovykh ogranicheniy prav i svobod cheloveka (The concept of legal restrictions on human rights and freedoms). *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2012, No. 6 (1), pp. 236.
6. Polishchuk N.I. Funktsional'naya tsennost' printsipa pravovoy opredelennosti v normotvorcheskoy politike gosudarstva (The functional value of the principle of legal certainty in the rule-making policy of the state). *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2017, T. 4, No. 50, pp. 115-121.
7. Polishchuk N.I. Tendentsii sovremennoy pravotvorcheskoy politiki Rossiyskoy Federatsii (Trends in the modern law-making policy of the Russian Federation). *Yuridicheskaya mysl'*, 2017, No. 1 (99), pp. 75-80.
8. Prikhod'ko I.M. Ogranicheniya v rossiyskom prave (problemy teorii i praktiki) (Restrictions in Russian law (problems of theory and practice), dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2001.
9. Romanov V.V. Yuridicheskaya psikhologiya (Legal psychology), uchebnik. Moscow, 1998.
10. Kovalev V.I, Motivy povedeniya i deyatel'nosti (Motives of behavior and activity). Moscow, 1988.
11. Tarasov A.V. Ogranicheniya konstitutsionnykh prav i svobod cheloveka v usloviyakh osobykh pravovykh rezhimov v Rossiyskoy Federatsii (Restrictions on constitutional rights and freedoms of a person under special legal regimes in the Russian Federation), dis. ... kand. yurid. nauk. St. Petersburg, 2006.
12. Teoriya gosudarstva i prava (Theory of State and Law), kurs lektsiy, pod red. N.I. Matuzova, A.V. Mal'ko. 2-ye izd., pererab. i dop. Moscow, 2003.
13. Teoriya gosudarstva i prava (Theory of State and Law), uchebnik, pod red. A.V. Mal'ko, A.Yu. Solomatina. 2-ye izd., ispr. i dop. St. Petersburg, 2015.
14. Tikhomirov Yu.A Teoriya zakona (Theory of Statutory Law). Moscow, 1982.
15. Tikhonravov Yu.V. Osnovy filosofii prava (Fundamentals of philosophy of law), uchebnoye posobiye. Moscow, 1997.
16. Fatkullin F.N. Problemy teorii gosudarstva i prava (Problems of theory of state and law). Kazan', 1987.

Дата поступления: 11.11.2018 *Received: 11.11.2018*

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.35

ИСПОЛНЕНИЕ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ КАК ПРИЗНАК ОСКОРБЛЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЛАСТИ

ЛАРИН Виктор Юрьевич
преподаватель кафедры административного права и административной деятельности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, г. Рязань, Россия.
E-mail: v.yu.larin@yandex.ru

Необходимым признаком привлечения к уголовной ответственности по ст. 319 УК РФ является свершение этого преступления в отношении представителя власти при исполнении им служебных обязанностей или в связи с их исполнением. Судебная практика показывает, что существование двух альтернативных признаков создает проблемы правоприменения. Необходимо отказаться от признака «при исполнении служебных обязанностей», так как он включает в себя более широкий признак «в связи с исполнением служебных обязанностей». Использование законодателем в рассматриваемом термине слова «обязанности» приводит к тому, что если представитель власти реализует права, то его оскорбление в этот момент не влечет уголовную ответственность. Такой подход недопустим, так как управленческая деятельность должна охраняться всегда: и при исполнении обязанностей, и при реализации прав. В судебной практике часто указывается не на исполнение обязанностей, а на реализацию прав или полномочий. Поэтому необходимо заменить термин «служебные обязанности» на термин «служебные полномочия».

Ключевые слова: представитель власти, оскорбление, служебные обязанности, служебные полномочия, ответственность, преступление.

THE EXECUTION OF OFFICIAL DUTIES AS A SIGN OF INSULTING A REPRESENTATIVE OF AUTHORITIES

LARIN Victor Yurevich
Instructor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Ryazan Branch of the Moscow University of the MIA of Russia named after V.Ya. Kikot, Ryazan, Russia. E-mail: v.yu.larin@yandex.ru

A necessary sign to prosecute under Art. 319 of the Criminal Code of the Russian Federation is the commission of this crime in relation to a representative of authorities while in the execution of his duties or in connection with their execution. Judicial practice shows that the existence of two alternative features creates law enforcement problems. It is necessary to put aside the feature “while in the execution of official duties”, since it includes the broader feature “in connection with the execution of official duties”. The use by the legislator of the word “duties” in the term under consideration leads to the fact that if the representative of authorities realizes the rights, then insulting him at this moment does not entail criminal liability. Such an approach is unacceptable, since administration activities must always be protected, both while in the execution of duties, and while in the exercise of rights. In judicial practice, it is often indicated to the exercise of rights or powers but not to the execution of duties. Therefore, it is necessary to replace the term “official duties” by the term “official powers”.

Key words: representative of authorities, insult, official duties, official powers, responsibility, crime.

Одним из признаков преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ, выступает его совершение в отношении представителя власти, когда последний находится при исполнении своих служебных обязанностей или в связи с их исполнением. Толкование указанного признака в науке не имеет единой позиции. Некоторые авторы полагают, что такой признак как «при исполнении служебных обязанностей» характеризует время совершения преступления [2, с. 97-98; 5, с. 92]. Рассматривая признак «в связи с исполнением должностных обязанностей», в литературе отмечается, что он относится к субъективной стороне и указывает на мотив преступления [14, с. 98]. В учебной литературе эти признаки рассматривают при раскрытии объективной стороны преступления [1, с. 331; 4, с. 174]. Иными словами, в науке не сложилось единой позиции даже относительно того, какой из элементов состава преступления характеризуют эти признаки.

С точки зрения юридической техники указанные признаки в диспозиции ст. 319 УК РФ сформулированы неудачно, поскольку понятие «в связи с исполнением» является боле широким и включает в себя понятие «при исполнении». На этом основании некоторые авторы вполне обоснованно, по нашему мнению, предлагают отказаться в конструкции ст. 319 УК РФ от признака «при исполнении служебных обязанностей» [6, с. 180]. В свою очередь Е.Л. Таможник предлагает вместо указанных понятий «использовать словосочетание «по поводу их исполнения», что способствовало бы, по его мнению, более точному отражению сущности уголовно-правовой охраны авторитета органов государственной власти и их представителей» [15, с. 8]. Полагаем, что принципиальной разницы между понятием «в связи с исполнением» и «по поводу исполнения» нет, и такая замена будет носить лишь формальный характер.

Согласно проведенному нами исследованию 79% опрошенных судей, прокуроров, следователей считают необоснованным наличие в диспозиции ст. 319 УК РФ двух альтернативных признаков публичного оскорбления: при исполнении представителем власти своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением. При этом 68% респондентов поддержали предложение об отказе от признака «при исполнении служебных обязанностей», 11% – ответили отрицательно, а 21% затруднились с ответом.

Наличие двух указанных альтернативных признаков создает проблемы применения на практике ст. 319 УК РФ. В частности, встречаются случаи, когда органами предварительного расследования вменялись оба указанных признака. Причем суды в одних случаях исправляли ошибку и исключали один из излишне вмененных признаков, а в других – оставляли оба указанных признака. Так, признавая виновным С. в совершении преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ, мировой судья указал, что исключает из обвинения формулировку «и в связи с их исполнением», как излишне вмененную, поскольку потерпевший в момент совершения подсудимым в отношении него преступления находился при исполнении своих служебных и должностных обязанностей [13]. В другом случае мировой судья установил, что подсудимая Т. «совершила публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением» [9]. В последнем случае судом допущена ошибка в виде вменения двух альтернативных признаков публичного оскорбления представителя власти.

Необходимо обратить внимание на то, что в конструкции статьи используется лишь термин «обязанности». Хотя законодатель в различных нормативных правовых актах широко использует наряду с ним понятия «права» и «полномочия». Буквальное толкование диспозиции ст. 319 УК РФ приводит к выводу о том, что оскорбление представителя власти при осуществлении им своих прав или полномочий не влечет уголовной ответственности по ст. 319 УК РФ. Анализ судебной практики показывает, что такой вывод ошибочен. Нами было проанализировано 462 судебных акта (приговоры, апелляционные постановления, постановления о прекращении дела по нереабилитирующим основаниям) по ст. 319 УК РФ. Только в 16% случаев су-

ды указывают исключительно на обязанности, которые были возложены на потерпевших. Хотя и в этих случаях суды, как правило, описывают реализацию сотрудниками своих прав. Так, в одном из приговоров суд сослался исключительно на обязанности, возложенные п.п. 6, 11 ч. 1 ст. 12 Федерального закона «О полиции» и положениями должностной инструкции. Однако далее, описывая обстоятельства произошедшего, указал, что инспектор отдела охраны общественно порядка УМВД России по г. Хабаровску потребовала от Х. прекратить свое противоправное поведение, после чего последовало оскорбление в ее адрес [10]. В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О полиции» ее сотруднику предоставлено право требовать от граждан и должностных лиц прекращения противоправных действий. Следовательно, в момент оскорбления сотрудник полиции осуществлял права, а не обязанности.

В 65% случаев суды, описывая обстоятельства совершения преступления, ссылаются не только на обязанности, но и на права конкретного представителя власти. Так, например, мировой судья, признавая виновным З. в совершении преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ, в описательно-мотивировочной части приговора в обоснование нахождения при исполнении должностных обязанностей указал, что потерпевшему полицейскому-водителю были предоставлены права и на него возложены обязанности, предусмотренные п.п. 2, 4, 5, 11 ч. 1 ст. 12, п.п. 1, 3, 6, 8, 13, 14 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции», а также права и обязанности, закрепленные в должностном регламенте [12]. Таким образом, суды в абсолютном большинстве случаев расширительно толкуют понятие «служебные обязанности», относя к таковым и служебные права. В отдельных случаях суды даже используют термин «полномочия», а не «обязанности» и «права». Так, например, в приговоре мирового судьи при описании рассматриваемого признака оскорбления представителя власти суд указал, что потерпевший З. в пределах своей компетенции в соответствии с занимаемой должностью наделен рядом должностных полномочий, которые далее были перечислены. После этого сделал вывод о нахождении потерпевшего при исполнении должностных обязанностей [11].

В 19% случаев суды вообще не указывают на какие-либо конкретные обязанности или права, которыми был наделен и (или) исполнял потерпевший. Так, например, признавая виновным П. и К. виновными в публичном оскорблении представителя власти, суд указал, что подсудимые в ответ на законные требования не нарушать общественный порядок, осознавая, что перед ними находится сотрудник полиции при исполнении своих должностных обязанностей и осуществляющий охрану общественного порядка, совершили оскорбление данного сотрудника [8]. Такой подход, с нашей точки зрения, является недопустимым, поскольку признак исполнения служебных обязанностей является обязательным в рассматриваемом составе преступления и без его установления невозможно привлечение к уголовной ответственности по ст. 319 УК РФ. Понятие служебных обязанностей, которое использует законодатель применительно к оскорблению представителя власти, является слишком узким. Не случайно, на наш взгляд, понятие представителя власти определяется через реализацию полномочий, а не прав и обязанностей.

Под полномочием понимается «официально предоставленное кому-нибудь право какой-нибудь деятельности, ведения дел» [7, с. 554]. В научной юридической литературе полномочие рассматривают как юридически закрепленную совокупность прав и обязанностей субъекта правоотношения, связанную с осуществлением им власти в сфере определенных общественных отношений [3, с. 121].

В законодательных актах, регламентирующих деятельность сотрудников органов внутренних дел перечислены не только обязанности, но и различные права. В их числе право на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия (п. 21 ч. 1 ст. 11 ФЗ «О службе в органах внутренних дел и внесении изменений в отдельные законодательные акты»), право патрулировать населенные пункты и общественные места, требовать от граждан и должностных лиц прекращения противоправных действий, проверять докумен-

ты, удостоверяющие личность граждан, составлять протоколы об административных правонарушениях, собирать доказательства, применять меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, применять иные меры, предусмотренные законодательством об административных правонарушениях, и т.д. (ст. 13 ФЗ «О полиции»). Именно при реализации вышеуказанных прав сотрудники органов внутренних дел чаще всего подвергаются оскорблениям.

В административном и уголовно-процессуальном законодательстве зачастую речь идет не о правах, а о полномочиях. Например, в ч. 2 ст. 38 УПК РФ перечислены полномочия следователя, в ч. 3 ст. 41 УПК РФ полномочия дознавателя, в ст. 28.3 КоАП РФ речь идет о полномочиях должностных лиц составлять протоколы об административных правонарушениях и т.д. Изложенное позволяет нам предложить заменить в диспозиции ст. 319 УК РФ термин «служебные обязанности» на термин «служебные полномочия». Это будет способствовать использованию в УК РФ терминов, наиболее точно отражающих признаки наказуемого деяния.

Библиографические ссылки

1. Боровиков В.Б., Смердов А.А. Уголовное право. Особенная часть. М. : Юрайт, 2018.
2. Брагина А.Г. Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти: дис. … канд. юрид. наук. Красноярск, 2006.
3. Гадельшина Л.И. К вопросу о понятии «государственное полномочие» // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 2. С. 121-124.
4. Иванов Н.Г. Уголовное право. Особенная часть в 2 т. Т. 2. М. : Юрайт, 2018.
5. Киселев С.С. Уголовно-правовая охрана чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел : дис. …канд. юрид. наук. Омск, 2013.
6. Кузьмин А.В. Уголовно-правовая охрана личности сотрудников правоохранительных органов : дис. …канд. юрид. наук. Краснодар, 2016.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 60 000 слов и фразеологических выражений. М. : Оникс : Мир и Образование, 2006.
8. Приговор Бутырского районного суда г. Москвы от 27 апреля 2015 года по уголовному делу № 1-0356/2015 [Электронный ресурс]. URL: https://www.mos-gorsud.ru/rs/butyrskij/cases/docs/content/58d46b75-6cad-4869-909f-b4416861af96 (дата обращения: 10.02.2019).
9. Приговор мирового судьи судебного участка № 2 г. Ленинска-Кузнецкого Кемеровской области от 17 сентября 2014 года по уголовному делу № 1-33/2014 [Электронный ресурс]. URL: http://0802.kmr.msudrf.ru/modules.php?name=info_pages&id=2711 (дата обращения: 10.02.2019).
10. Приговор Мирового судьи судебного участка № 27 Центрального района г. Хабаровска от 5 марта 2014 года по уголовному делу № 1-5/2014 [Электронный ресурс]. URL: http://27.hbr.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=1306167&delo_id=1540006 (дата обращения: 10.02.2019).
11. Приговор мирового судьи судебного участка № 4 г. Новоалтайска Алтайского края от 27 сентября 2011 года по уголовному делу № 1-89/2011 [Электронный ресурс]. URL: http://nalt4.alt.msudrf.ru/modules.php?name=info_pages&id=924 (дата обращения: 10.02.2019).
12. Приговор мирового судьи судебного участка № 44 судебного района Михайловского районного суда Рязанской области от 10 мая 2017 года // Архив мирового судьи судебного участка № 44 судебного района Михайловского районного суда Рязанской области.

13. Приговор мирового судьи судебного участка № 44 Тужинского района Кировской области от 11 марта 2012 года по уголовному делу № 1-8/2012 [Электронный ресурс]. URL: http://44.kir.msudrf.ru/modules.php?name=info_pages&id=625 (дата обращения: 10.02.2019).
14. Смоляков Е.В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, посягающим на здоровье, честь и достоинство представителя власти : дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2015.
15. Таможник Е.Л. Преступления против законной деятельности представителей власти: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. … канд. юрид. наук. Тамбов, 2006.

References

1. Borovikov V.B., Smerdov A.A. Ugolovnoye pravo. Osobennaya chast' (Criminal law. The special part). Moscow, Yurayt, 2018.
2. Bragina A.G. Ugolovnaya otvetstvennost' za oskorbleniye predstavitelya vlasti (Criminal liability for insulting a representative of authorities), dis. … kand. yurid. nauk. Krasnoyarsk, 2006.
3. Gadel'shina L.I. K voprosu o ponyatii «gosudarstvennoye polnomochiye» (To the question of the concept of "state power"). *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, 2012, No. 2, pp. 121-124.
4. Ivanov N.G. Ugolovnoye pravo (Criminal law). Osobennaya chast' v 2 t. T. 2. Moscow, Yurayt, 2018.
5. Kiselev S.S. Ugolovno-pravovaya okhrana chesti i dostoinstva sotrudnikov organov vnutrennikh del (Criminal law protection of honor and dignity of officers of internal affairs bodies), dis. …kand. yurid. nauk. Omsk, 2013.
6. Kuz'min A.V. Ugolovno-pravovaya okhrana lichnosti sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov (Criminal law protection of the identity of law enforcement officers), dis. …kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2016.
7. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka (Dictionary of the Russian language), ok. 60 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy. Moscow, Oniks, Mir i Obrazovaniye, 2006.
8. Prigovor Butyrskogo rayonnogo suda g. Moskvy ot 27 aprelya 2015 goda po ugolovnomu delu № 1-0356/2015 (The verdict of the Butyrsky District Court of Moscow dated April 27, 2015 in criminal case No. 1-0356 / 2015). URL: https://www.mos-gorsud.ru/rs/butyrskij/cases/docs/content/58d46b75-6cad-4869-909f-b4416861af96 (accessed date: 10.02.2019).
9. Prigovor mirovogo sud'i sudebnogo uchastka № 2 g. Leninska-Kuznetskogo Kemerovskoy oblasti ot 17 sentyabrya 2014 goda po ugolovnomu delu № 1-33/2014 (The verdict of the Justice of the Peace of judicial district No. 2 of the city of Leninsk-Kuznetsky of the Kemerovo Region of September 17, 2014 in criminal case No. 1-33 / 2014). URL: http://0802.kmr.msudrf.ru/ modules.php?name=info_pages&id=2711 (accessed date: 10.02.2019).
10. Prigovor Mirovogo sud'i sudebnogo uchastka № 27 Tsentral'nogo rayona g. Khabarovska ot 5 marta 2014 goda po ugolovnomu delu № 1-5/2014 (The verdict of the Justice of the Peace of judicial district No. 27 of the Central District of the city of Khabarovirsk of March 5, 2014 in criminal case No. 1-5 / 2014). URL: http://27.hbr.msudrf.ru/ modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=1306167&delo_id=1540006 (accessed date: 10.02.2019).
11. Prigovor mirovogo sud'i sudebnogo uchastka № 4 g. Novoaltayska Altayskogo kraya ot 27 sentyabrya 2011 goda po ugolovnomu delu № 1-89/2011 (The verdict of the Justice of the Peace of judicial district No. 4 of the city of Novoaltaisk of the Altai Territory of September 27, 2011 in criminal case No. 1-89 / 2011). URL: http://nalt4.alt.msudrf.ru/modules.php?name=info_pages&id=924 (accessed date: 10.02.2019).
12. Prigovor mirovogo sud'i sudebnogo uchastka № 44 sudebnogo rayona Mikhaylovskogo rayonnogo suda Ryazanskoy oblasti ot 10 maya 2017 goda (The verdict of the Justice of the Peace of judicial district No. 44 of the judicial district of the Mikhailovsky District Court of the Ryazan Region of May 10, 2017). *Arkhiv mirovogo sud'i sudebnogo uchastka № 44 sudebnogo rayona Mikhaylovskogo rayonnogo suda Ryazanskoy oblasti*.

13. Prigovor mirovogo sud'i sudebnogo uchastka № 44 Tuzhinskogo rayona Kirovskoy oblasti ot 11 marta 2012 goda po ugolovnomu delu № 1-8/2012 (The verdict of the Justice of the Peace of judicial district No. 44 of the Tuzhinsky district of the Kirov region of March 11, 2012 in criminal case No. 1-8 / 2012). URL: http://44.kir.msudrf.ru/modules.php?name=info_pages&id=625 (accessed date: 10.02.2019).
14. Smolyakov Ye.V. Ugolovno-pravovoye protivodeystviye prestupleniyam, posyagayushchim na zdorov'ye, chest' i dostoinstvo predstavitelya vlasti (Criminal law counteraction to the crimes encroaching upon health, honor and dignity of the representative of authorities), dis. … kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2015.
15. Tamozhnik Ye.L. Prestupleniya protiv zakonnoy deyatel'nosti predstaviteley vlasti: ugolovno-pravovoy i kriminologicheskiy aspekty (Crimes against lawful activities of representatives of authorities: criminal law and criminological aspects), dis. … kand. yurid. nauk. Tambov, 2006.

Дата поступления: 11.04.2019 *Received: 11.04.2019*

УДК 342+342.55

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПОВЫШЕНИЮ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

СОКОЛОВА Елена Александровна
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права Академии права и управления федеральной службы исполнения наказаний, г. Рязань, Россия.
E-mail: sokolova-umu@yandex.ru
ХРИСТОФОРОВА Елена Игоревна
кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, г. Рязань, Россия.
E-mail: xristoforova_e.i@mail.ru

CONSTITUTIONAL LAW FOUNDATIONS OF ACTIVITIES ON INCREASING POPULATION'S FINANCIAL LITERACY

SOKOLOVA Elena Aleksandrovna
Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Administrative and Financial Law of the Academy of Law Management of the Federal Penal Service of Russia, Ryazan, Russia.
E-mail: sokolova-umu@yandex
HRISTOFOROVA Elena Igorevna
Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Ryazan State University named for S.A. Yesenin, Ryazan, Russia.
E-mail: xristoforova_e.i@mail.ru

Предметом исследования выступает государственная политика в области повышения финансовой грамотности населения. Цель работы состоит в исследовании состояния и перспектив конституционно-правового регулирования деятельности по развитию финансовой грамотности и финансовой культуры населения. Методологию настоящего исследования составили формально-юридический, системно-аналитический и сравнительно-правовой методы. В статье рассматриваются особенности

The research focuses on the state policy in the field of increasing population's financial literacy. The aim of the paper is to study the status and prospects of constitutional law regulation of activities to develop population's financial literacy and financial culture. The methodology of this study is composed of formal and legal, systematic and analytical and comparative legal methods. The paper reviews the peculiarities of legal regulation of the state policy to improve the financial literacy of the population in Rus-

нормативно-правового регулирования государственной политики по повышению финансовой грамотности населения в России. На основе анализа федеральных источников, а также регионального законодательства и программ повышения финансовой грамотности в субъектах Российской Федерации авторы делают вывод о целесообразности принятия федерального закона, регламентирующего особенности деятельности в области финансового просвещения. Выводы работы могут быть использованы в дальнейших исследованиях государственной политики в области повышения финансовой грамотности населения, в том числе для юридической регламентации просветительской деятельности в области управления личными финансами. Основным выводом исследования выступает заключение о необходимости правового регулирования отечественной государственной политики в области финансового просвещения на уровне федерального законодательства.

Ключевые слова: финансовая грамотность, конституционно-правовое регулирование, государственная политика в области финансового просвещения населения.

sia. Based on the analysis of federal sources, as well as regional legislation and programs to improve financial literacy in the constituent entities of the Russian Federation, the authors conclude that it is advisable to adopt a federal law regulating the features of activities in the field of financial education. The findings of the study can be used in further studies of the state policy in the field of financial literacy, including legal regulation of educational activities in the field of personal finance management. The main conclusion of the study touches upon the need to provide legal regulation of the national state policy in the field of financial education at the level of Federal legislation.

Key words: financial literacy, constitutional law regulation, state policy in the field of financial education of the population.

В современном обществе теме повышения финансовой грамотности населения уделяется значительное внимание. Деятельность в сфере финансового просвещения является одним из наиболее востребованных направлений работы не только органов государственной власти, но и общественных организаций, институтов гражданского общества. Высокая популярность соответствующих практик определяется спецификой современного динамично развивающего информационного общества, в котором финансовые услуги легко доступны широким слоям населения: стремительно растет количество людей, активно пользующихся банковскими счетами и банковскими картами, имеющих свободный доступ к кредитным продуктам. Кроме того, концептуальные изменения в сфере пенсионного обеспечения граждан предполагают повышение их индивидуальной ответственности за принятие решений, связанных с формированием собственной пенсии и распоряжением пенсионными накоплениями, в то время как ранее большинство населения предпочитало полагаться на работодателей и государство в этих вопросах. Таким образом, в современных условиях вопросы повышения финансовой грамотности приобретают настолько важное значение для безопасного и эффективного развития общества в целом, что требуют участия государства в данной деятельности в целях ее правового регулирования.

В международной практике повышение финансовой грамотности населения является устойчивым элементом государственной политики, направленной, в первую очередь, на выравнивание информационной «асимметрии» участников рынков финансовых услуг (продуктов) в целях защиты прав потребителей [1]. Мировой опыт позволил выработать представле-

ние об основных функциях государства как координатора процесса повышения финансовой грамотности населения, к которым отнесены: 1) координационно-консолидирующая; 2) мониторинговая и аналитическая; 3) контролирующая и регулирующая; 4) образовательная [2].

Анализ практики зарубежных стран по реализации государственной политики в области повышения финансовой грамотности населения позволяет выделить типичные формы участия государства в решении проблемы совершенствования финансовых знаний общества: 1) координация деятельности субъектов, реализующих информационно-образовательные программы, обеспечение функционирования единых информационных баз; 2) полное или частичное финансирование реализации информационно-образовательных программ; 3) принятие стандартов распространяемой производителями финансовых услуг (продуктов) информации; 4) полная реализация всей технологической цепи действий по развитию финансовой грамотности. Исследователи отмечают, что данные формы участия, как правило, не выступают в чистом виде и комбинируются [3].

В настоящее время в мире отмечается высокий спрос как на саму политику в сфере повышения финансовой грамотности населения, так и на научные исследования данной сферы, что получило отражение в работах отечественных и зарубежных авторов А.В. Абышевой, Е.С. Корчемкиной, А.В. Зеленцовой, Е.А. Блискавка, Д.Н. Демидова, О.Г. Станкевич, С.Н. Силиной, В.Ю. Ступина, М.Ю. Хромова, David Ansong, Sandra J. Huston, Leora Klapper, Annamaria Lusardi, Peter van Oudheusden, Olivia S. Mitchell, Margaret S. Sherraden, Marcus Wolf и др. Вместе с тем следует констатировать, что правовым основам анализируемого направления государственной политики не уделяется достаточного внимания в научной литературе.

Обращение к российскому законодательству позволяет сделать вывод о том, что основу правового регулирования деятельности государства по повышению финансовой грамотности населения страны составляют положения статьи 2 Конституции России, согласно которой признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина являются обязанностью государства, а также статьи 45, гарантирующей государственную защиту прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации.

В развитие конституционных положений 25 сентября 2017 г. Правительством Российской Федерации была утверждена Стратегия повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017-2023 гг., которая выступает основой для разработки государственных программ Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Цель Стратегии, в качестве которой заявлено создание основ для формирования финансово грамотного поведения населения как необходимого условия повышения уровня и качества жизни граждан, в том числе, за счет использования финансовых продуктов и услуг надлежащего качества, соответствует принципу социального характера российской государственности, получившему конституционное закрепление как одна из основ конституционного строя России (ст. 7 Конституции Российской Федерации). Именно в Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017-2023 гг. получили юридическое закрепление основополагающие элементы понятийно-категориального аппарата деятельности по повышению финансовой грамотности населения: «финансовая грамотность», «финансовое образование», «основы финансово грамотного поведения».

Следует отметить, что попытка нормативного определения понятия финансовой грамотности была предпринята несколько ранее в Приказе Федеральной службы по финансовым рынкам «Об утверждении Основных направлений деятельности, направленной на повышение уровня финансовой грамотности населения» от 24 сентября 2009 г. № 09-237/пз, в котором финансовая грамотность раскрывалась как способность граждан эффективно управлять личными финансами; осуществлять учет расходов и доходов домохозяйства и осуществлять краткосрочное и долгосрочное финансовое планирование; оптимизировать соотношение

между сбережениями и потреблением; разбираться в особенностях различных финансовых продуктов и услуг (в том числе инструментов рынка ценных бумаг и коллективных инвестиций), иметь актуальную информацию о ситуации на финансовых рынках; принимать обоснованные решения в отношении финансовых продуктов и услуг и осознанно нести ответственность за такие решения; компетентно планировать и осуществлять пенсионные накопления.

Таким образом, закрепленное в указанном приказе понятие финансовой грамотности раскрывается через метакомпетенции современной личности, необходимые для ее успешного функционирования в обществе. В целом же, за исключением ряда нормативно-правовых актов подзаконного характера, на уровне федерального законодательства вопросы организации и реализации государственной политики в сфере повышения финансовой грамотности не получили закрепления. Вместе с тем, несомненный интерес представляет региональный опыт законодательного регулирования анализируемого направления государственной политики. Так, в Краснодарском крае действует закон «О государственной политике в сфере финансового просвещения населения Краснодарского края» от 18 июля 2016 года № 3424-КЗ. Он содержит определение понятий «финансовая грамотность» и «финансовое просвещение», а также регламентирует содержание и принципы государственной политики в области финансового просвещения населения края, закрепляет полномочия законодательного, исполнительного и специально уполномоченных органов государственной власти края в области финансового просвещения, устанавливает порядок и источники финансирования данного направления региональной политики.

Анализ опыта правового регулирования государственной политики субъектов Российской Федерации в области финансовой грамотности позволяет отметить, что пример законодательного закрепления соответствующей деятельности в Краснодарском крае носит единичный характер. Вместе с тем, ряд регионов также имеют собственную юридическую основу данного направления государственной политики, представленную подзаконными нормативно-правовыми актами. К ним относятся: Республика Татарстан (Региональная программа «Повышение уровня финансовой грамотности населения и развитие финансового образования в Республике Татарстан на 2016-2020 годы», утвержденная Постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 26 августа 2016 года № 596); Свердловская область (Комплексная программа «Повышение финансовой грамотности населения в Свердловской области на 2018-2023 годы», утвержденная Постановлением Правительства Свердловской области от 29 ноября 2018 г. № 846-ПП); Республика Бурятия (Региональная программа и план мероприятий по повышению финансовой грамотности жителей Республики Бурятия на 2019-2023 годы, утвержденные распоряжением Правительства Республики Бурятия от 8 февраля 2019 г. № 65-р).

В таких субъектах Российской Федерации, как г. Москва, Нижегородская область, Ростовская область, в составе комплексных программ развития субъектов Российской Федерации предусмотрены соответствующие разделы, посвященные развитию финансовой грамотности населения региона [4]. Таким образом, наблюдается очевидная децентрализация правового регулирования вопросов государственной политики в области повышения финансовой грамотности населения, что в полной мере соответствует пп. «б» и «е» статьи 72 Конституции России, согласно которой вопросы защиты прав и свобод человека и гражданина, общие вопросы воспитания, образования находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов.

Вместе с тем, представляет интерес дискуссия, развернувшаяся в ходе организованного в рамках X Гайдаровского форума круглого стола (17 января 2019 г.) между участниками реализации проекта Министерства финансов Российской Федерации «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации» [5]. В числе основных итогов обсуждения был сделан вывод и о том, что

отсутствие законодательной основы регионального финансирования типовых программ по повышению финансовой грамотности населения снижает общую эффективность их внедрения, несмотря на готовность ряда регионов выступать в качестве хабов развития в сфере финансового просвещения. У акторов реализации проекта остается нерешенной задача сведения федеральных и региональных дорожных карт в единые документы для формирования общей инфраструктуры проекта [6].

Принимая во внимание практическую целесообразность координации правового регулирования государственной политики в области повышения финансовой грамотности населения России представляется необходимым решение вопроса о принятии федерального законодательства в данной сфере. Основой может выступать Модельный закон о просветительской деятельности, принятый постановлением Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ от 20 мая 2016 г. № 44-11. Он дает представление об общих принципах, социальных функциях, целях, задачах, основных направлениях просветительской деятельности, о правах граждан и работников сферы просветительской деятельности, правовом статусе широкого круга ее участников, включающих государственные органы и институты гражданского общества, а также о финансировании просветительских организаций и научном обеспечении исследований в соответствующих областях.

Основываясь на вышеизложенном, можно предположить, что юридическое регулирование государственной политики в области повышения финансовой грамотности населения на уровне федерального законодательства позволит существенно повысить эффективность реализации национальной и региональных программ в области развития финансовых знаний.

Библиографические ссылки

1. Имаева Г. Финансовая грамотность в России и в мире. М. : НАФИ, 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ranepa.ru/images/News/2017-03/03-03-2017-gramotnost-pres.pdf (дата обращения: 29.03.2019).
2. Klapper L., Lusardi A., van Oudheusden, P. Financial Literacy Around the World: insights from the standard & poor's ratings services global financial literacy survey. McGraw Hill Financial, 2015 [Электронный ресурс]. ГКДЖ https://gflec.org/wp-content/uploads/2015/11/Finlit_paper_16_F2_ыштпдуыюзва (дата обращенияЖ 29ю03ю2019)ю
3. Зеленцова А.В., Блискавка Е.А., Демидов Д.Н. Повышение финансовой грамотности населения: международный опыт и российская практика. М. : ЦИПСиР, КноРус, 2012. С. 20-24 [Электронный ресурс]. URL: https://docplayer.ru/57945276-D-n-demidov-a-v-zelencova-e-a-bliskavka-povyshenie-finansovoy-gramotnosti-naseleniya-mezhdunarodnyy-opyt-i-rossiyskaya-praktika-soderzhanie.html (дата обращения: 29.03.2019).
4. Хромов М.Ю. Повышение финансовой грамотности в российских регионах на фоне опыта зарубежных стран [Электронный ресурс]. URL: https://www.iep.ru/files/Gaidarovskij_Forum2018/khromov-18.01.18.pdf (дата обращения: 29.03.2019).
5. Гайдаровский форум [Электронный ресурс] // Официальный сайт. URL: http://gaidarforum.ru/program/17-yanvarya/ (дата обращения: 29.03.2019).
6. В России создаются условия для повышения финансовой грамотности населения [Электронный ресурс] // Официальный сайт РАНХиГС. URL: https://www.ranepa.ru/sobytiya/novosti/v-rossii-sozdayutsya-usloviya-dlya-povysheniya-finansovoj-gramotnosti-naseleniya (дата обращения: 29.03.2019).

References

1. Imayeva G. Finansovaya gramotnost' v Rossii i v mire (Financial literacy in Russia and in the world). Moscow, NAFI, 2017. URL: https://www.ranepa.ru/images/News/2017-03/03-03-2017-gramotnost-pres.pdf (accessed date: 29.03.2019).
2. Klapper L., Lusardi A., van Oudheusden, P. Financial Literacy Around the World: insights from the standard & poor's ratings services global financial literacy survey. McGraw Hill Financial, 2015. URL: https://gflec.org/wp-content/uploads/2015/11/Finlit_paper_16_F2_singles.pdf (accessed date: 29.03.2019).
3. Zelentsova A.V., Bliskavka Ye.A., Demidov D.N. Povysheniye finansovoy gramotnosti naseleniya: mezhdunarodnyy opyt i rossiyskaya praktika (Increasing financial literacy of the population: international experience and Russian practice). Moscow: TSIPSiR, KnoRus, 2012. pp. 20-24. URL: https://docplayer.ru/57945276-D-n-demidov-a-v-zelencova-e-a-bliskavka-povyshenie-finansovoy-gramotnosti-naseleniya-mezhdunarodnyy-opyt-i-rossiyskaya-praktika-soderzhanie.ht ml (accessed date: 29.03.2019).
4. Khromov M.YU. Povysheniye finansovoy gramotnosti v rossiyskikh regionakh na fone opyta zarubezhnykh stran (Improving financial literacy in the Russian regions against the background of the experience of foreign countries). URL: https://www.iep.ru/files/Gaidarovskij_Forum2018/khromov-18.01.18.pdf (accessed date: 29.03.2019).
5. Gaydarovskiy forum (Gaidar Forum). *Ofitsial'nyy sayt*. URL: http://gaidarforum.ru/program/17-yanvarya/ (accessed date: 29.03.2019).
6. V Rossii sozdayutsya usloviya dlya povysheniya finansovoy gramotnosti naseleniya (In Russia, conditions are being created for increasing the financial literacy of the population). *Ofitsial'nyy sayt RANKhiGS*. URL: https://www.ranepa.ru/sobytiya/novosti/v-rossii-sozdayutsya-usloviya-dlya-povysheniya-finansovoj-gramotnosti-naseleniya (accessed date: 29.03.2019).

Дата поступления: 11.04.2019 *Received: 11.04.2019*

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО. ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 347+341.9

МЕТОДЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В СРЕДЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

БРЫЛЕВА Елена Александровна
кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой профессиональных дисциплин Пермского института ФСИН России, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Пермского филиала РАНГХ и ГС, г. Пермь, Россия.
E-mail: elenbrylev@yandex.ru
НИКИТЮК Сергей Михайлович
кандидат юридических наук, начальник Пермского института ФСИН России, г. Пермь, Россия.
E-mail:: nikityuk@mail.ru

Существующие ныне в нашей стране традиции благотворительности начали складываться давно, в самом начале появления династии Романовых. Уже на истоках благотворительности стали формироваться такие особенности данного явления, как безвозмездность, индивидуальность, законность. В Российской Федерации отмечается рост благотворительных организаций. При этом становится очевидным необходимость использования как экономических, так и внеэкономических методов стимулирования благотворительности, что позволит привлечь дополнительные ресурсы для решения социально значимых задач без финансовых или иных затрат. Также возможен учет российских исторических традиций и зарубежного опыта меценатства в части стимулирования как моральными, так и материальными формами поощрения, в виде публичного признания заслуг, учреждения государственных наград, принятия специальных нормативных документов, регламентирующих поощрения за благотворительность и другие.

METHODS TO STIMULATE THE DEVELOPMENT OF CHARITY AMONG DOMESTIC ENTREPRENEURS: HISTORY AND MODERNITY

BRYLEVA Elena Alexandrovna
Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Professional Disciplines of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Assistant Professor of the Department of State Law Disciplines of the Perm Branch of RANEPA, Perm, Russia. E-mail: elenbrylev@yandex.ru
NIKITYUK Sergey Mikhailovich
Candidate of Sciences (Law), Head of the Perm Institute of the Federal Penal Service of Russia, Perm, Russia.
E-mail: nikityuk@mail.ru

The traditions of charity that now exist in our country began to take shape a long time ago, at the very beginning of the emergence of the royal dynasty of the Romanovs. At the beginning of charity such features of this phenomenon as gratuitousness, individuality, legality began to form. Currently, the growth of charitable organizations has been noted in the Russian Federation. At the same time, the need to use both economic and non-economic methods of encouraging charity becomes obvious, which will allow the state to attract additional resources to solve socially important tasks without financial or other costs. It is also possible to take into account existing Russian historical traditions and foreign experience of charity in terms of both moral and material encouraging, in the form of public recognition of merits, the establishment of certain state awards, the adoption of special normative documents regulating incentives for charity and others.

Ключевые слова: благотворительность, гражданское общество, социализация, осужденные, благотворительные фонды, общества патроната, меры поощрения.

Key words: charity, civil society, socialization, convicts, charitable foundations, patronage societies, incentives.

В период определения своего пути России, возрождения исконных традиций [13] обращение к вопросам благотворительности является как минимум отвечающим реалиям времени, как максимум ориентиром на будущее государства. В 2007 году при поддержке канадского фонда «Гражданское общество» и при участии Общественной палаты Российской Федерации, а также некоторых других организаций, Институт проблем гражданского общества организовал изучение особенностей современного общественного мнения в отношении внеэкономических методов стимулирования субъектов благотворительной деятельности. Результат исследования показал, что государство, используя меры морального поощрения за благотворительную деятельность, может привлечь для решения социально значимых задач без финансовых или иных льгот дополнительные ресурсы [2].

Благотворительность как двухкомпонентная составляющая «добро» и «благо» всегда была присуща русскому человеку, особенно во времена Империи была распространена среди русского купечества. При этом царская фамилия, о чем в советский период времени не принято было говорить, являлась примером, и осуществляла значительные пожертвования из собственных средств. Так, основатели царской династии Романовых Михаил, и в особенности его сын Алексей Михайлович прославились традициями благотворительности. В соответствии со складывающейся традицией начальники приказов в прощеное воскресение докладывали царю «о колодниках, которые в каких делах сидят многие лета и Царь освобождал многих из них. На Благовещение царь раздавал милостыню в собственных покоях – в «Комнате» и «Передней». Для тех, кому не повезло, и кто не удостоился получить вспоможение из царских рук, на Аптекарском дворе устраивались столы для бедных и также раздавались деньги» [11]. Более того, как об этом пишет И.Е. Забелин, «Перед наступлением Светлого дня Пасхи государь снова посещал тюрьмы и богадельни, раздавал везде щедрою рукою милостыни нищим и заключенным, освобождал преступников, выкупал неимущих [9, с. 417]. А.И. Закатов отмечает, что посещая тюрьмы, Царь беседовал с заключенными и принимал решение об освобождении, руководствуясь интуицией, зовом своего сердца. В первый день Пасхи между заутреней и Божественной Литургией, Царь вновь отправлялся в тюрьмы и со словами «Христос Воскресе и для вас», и дарил каждому заключенному шубу, устраивая при этом для них пасхальную трапезу [10, с. 95].

Институт учреждений императрицы Марии, основанный в 1797 году преследовал, как тогда говорили, «исключительно или преимущественно благотворительные цели», чтобы помочь нуждающимся, независимо от их имущественного происхождения. К началу XX века около 800 образовательных и других благотворительных обществ и учреждений были подчинены этому независимому правительственному департаменту. Они обучили десятки тысяч детей. В 40 больницах, отделениях ежегодно проходят лечение более 40 тысяч пациентов. Более 60 тысяч человек нашли приют, как было принято в то время называть, в воспитательных домах, приютах и богадельнях. К 1900 году годовой бюджет ведомства достигал 13 миллионов рублей [12, с. 54-55].

Одним из ярких примеров попечения о лицах, которые находились в местах лишения свободы, является деятельность обществ патроната. Не углубляясь особо в исторические аспекты создания, организационного построения данных обществ, остановимся более подробно на концептуальных идеях: безвозмездность; индивидуальный подход в зависимости от жизненной ситуации; законность. Помощь осуществлялась адресная: продовольствием, одеждой, призрением в болезнях, помощью в выправлении документов, деньгами, тем, кто

в этом нуждается. Благотворительное общество, как правило, располагало как государственными, так и частными средствами. Те средства, которые назвались казенными, поступали из губерний и уездов, из городских дум или ратуш, их, как обычно, тратили на еду, одежду, больницы, тюрьмы. В то же время, частные фонды состояли из ежегодных и разовых пожертвований благотворителей, имущества и денег, отдаваемых на «поминовение души», кружек в тюрьмах, церквях, торговых площадях. В соответствии со сложившимися правилами, на эти мероприятия приглашались все желающие благотворить во имя улучшения содержания заключенных в тюрьмах [2]. Анализ архивных дел середины XIX века свидетельствует о регулярных дополнительных пожертвованиях, осуществляемых членами тюремных комитетов, в частности неоднократно в положительную сторону отмечался Пермский, Орловский и др. тюремные комитеты [4], некоторые составляли даже завещания в пользу тюремных арестантов [3].

Творение блага в тюрьмах осуществляли лица разной профессиональной принадлежности. Так, например, священник Григорий Рыбальский, для отправления молитвословий в Симферопольском тюремном замке обучал грамоте малолетних детей взрослых арестантов, доставляя для этого необходимые книги, лично от себя, а также в течение семилетней службы при остроге снабжал грамотных арестантов для чтения книгам духовно- нравственного содержания из собственных средств, препроводил в замок более 40 таких книг, не получая при этом никакого жалованья [5]; Орловский городовой врач надворный советник Александр Васильевич Лебединский, как говорят архивные данные, безвозмездно лечил в течение нескольких лет арестантов в Орловской Центральной пересыльной тюрьме [8]; томский предприниматель И.П. Денисов, в соответствии с теми же архивными данными, в течение нескольких лет за умеренную плату исполнял казенные подряды, очень добросовестно, особенно в учреждении для воспитания арестантских детей и сирот [6].

Директор Ярославского губернского попечительного о тюрьмах комитета потомственный почетный гражданин Сорокин за 1869 г., пожертвовал, не считая директорских взносов, 700 рублей (сумма по тем временам очень значительная), при этом директор производил за собственный счет значительные исправления в остроге, старался об украшении тюремной церкви и покупал хозяйственные вещи за свой счет [7]. Следует сказать, что такой труд не только не оставался незамеченным, со стороны государства, более того всячески поощрялся государственными заказами, медалями и а также иными знаками отличия. В России в те годы появилось отдельное ведомство, которое называлось Канцелярией российских, императорских и царских орденов. При этом ведомстве в 1890 году были утверждены «Правила ношения орденов, медалей и других знаков отличия для чинов гражданского ведомства». В дальнейшем, в соответствии с данными «Справочника благотворения», который является сборником сведений о наградах благотворительных, просветительных и других обществ и учреждений, в процессе дальнейшего развития общественного призрения, благотворительности и меценатства в России стали появляться знаки отличия для лиц, занимающихся филантропией [15]. Со временем сложилась целая индустрия изготовления знаков по заказам благотворительных обществ и учреждений, среди которых были золотые с бриллиантами и без, серебряные, позолоченные или латунные, бронзовые значки, а также жетоны, кулоны, медальоны, включая различные брелоки с особой символикой, сочетанием цветов, различными способами ношения [1, с. 165].

Чаще всего, правила и условия награждения знаками благотворительных обществ, как и сами знаки, устанавливались специальными уставами, утвержденными лично императором. Среди них наибольшей ценностью отличались знаки отличия, принадлежащие благотворительным обществам, которые находились под непосредственным покровительством царской семьи, как, например, Императорское Человеколюбивое Общество. Для мужчин Его знаки появились в 1897 году, а для женщин немного позднее – в 1900 году. В Правилах награжде-

ния, установленных Императорским Человеколюбивым Обществом, было обозначено, что «Все лица мужского пола, занимающие в Обществе классные должности или принимающие участие в деятельности оного трудами и денежными взносами, пользуются правом ношения особого знака [16, с. 7]. Всего за 1868–1869 гг. по представлению Губернаторов было поощрено орденами и медалями Св. Анны, Св. Станислава и Св. Владимира с ношением на ленте порядка 26 человек.

В настоящее время начинается активное возрождение благотворительности. Так, в соответствии с данными, которые дает Росстат, в 2017 году в России насчитывалось более 9600 благотворительных фондов и около 1700 благотворительных организаций, а также движений и учреждений.

Продолжатели царской фамилии не остаются в стороне от традиций благотворительности. Наиболее значимым событием для современных представителей династии Романовых стало учреждение Императорского фонда исследования онкологических заболеваний, с идеей создания которого выступил Цесаревич Георгий Михайлович. В рамках проекта, возглавляемого М.В. Каннабих, и под покровительством Великой Княгини Марии Владимировны оказывается необходимая помощь нуждающимся детям женщин-заключенных, которые находятся в подмосковных колониях.

В отношении осужденных лиц действуют фонды как общефедерального, так и регионального характера. В частности на территории России участвует некоммерческая организация «Фонд помощи заключённым» с 2001 года, благотворительный фонд помощи осужденным «Рука к руке», созданный в Кашире, деятельность которого распространяется на все учреждения исполнения наказаний Московской области и России [1].

К сожалению, в отличие от западного законодателя российское законодательство не в полной мере стимулирует занятие благотворительностью. Так, например, в ряде западных стран занимающиеся благотворительностью некоммерческие организации освобождаются от налогов на доходы и на добавленную стоимость, а иногда и от налога на имущество организации. В то же время частным благотворителям предоставляются налоговые вычеты. Примечательно, что в Австрии, Греции, Норвегии, благотворительные взносы полностью исключаются из налоговой базы, определенный предел налогообложения для них установлен также в Бельгии, Канаде, Франции и других странах [14].

На наш взгляд, в России только на основе равноправного и взаимно уважительного сотрудничества государственных органов и общественных структур можно преодолеть препятствия на пути становления новой благотворительной системы. Также считаем возможным учесть российские исторические традиции и зарубежный опыт благотворительности в части стимулирования как моральными, так и материальными формами поощрения. По нашему мнению, мерами морального поощрения могли бы быть публичное признание заслуг, учреждение наград как государственными, так и общественными структурами, принятие специальных нормативных документов, регламентирующих соответствующие поощрения за благотворительность и другие. К мерам материального стимулирования: приоритет для юридических лиц, активно занимающихся благотворительностью при заключении государственных контрактов, а также внести дополнения в ст. 381 Налогового кодекса (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 01.05.2019) п.29 в отношении организаций, занимающихся благотворительностью.

Примечания

[1] Благотворительный фонд помощи заключённым... URL: // https://ruka-k-ruke.ru/o-fonde
[2] URL: https://studwood.ru/613978/sotsiologiya/stimulirovanie_blagotvoritelnosti

Библиографические ссылки

1. Бадя Л.В., Янкина М.В. Знаки и награды российских благотворительных обществ // Социальная работа в России: прошлое и настоящее. М. : Ставрополь, 1998.
2. Варенцова Л.Ю., Варенцов С.Ю. Из истории нижегородского губернского попечительного о тюрьмах комитета в XIX–начале XX века // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2011. № 3 (19). С. 12-18.
3. Государственный архив РФ, фонд. 123, опись. 1, дело. 14, л.д. 1.
4. Государственный архив РФ, фонд. 123, опись. 1, дело.19, л.д. 12.
5. Государственный архив РФ, фонд. 123, опись. 1, дело. 398, л.д. 1. «О награждении по обществу попечительному о тюрьмах».
6. Государственный архив РФ, фонд. 123, опись. 1, дело. 398, л.д. 20. «О награждении по обществу попечительному о тюрьмах».
7. Государственный архив РФ, фонд. 123, опись. 1, дело. 398, л.д. 29. «О награждении по обществу попечительному о тюрьмах».
8. Государственный архив РФ, фонд. 123, опись. 1, дело. 398, л.д. 121.
9. Забелин И.Е. Дом быта русских царей в XVI–XVII столетии. Т. 1. Ч. 1. М. : Языки русской культуры, 2000.
10. Закатов А.И. Традиции благотворительности дома Романовых. СПб. : Императорский Фонд исследования онкологических заболеваний, 2015.
11. Закатов А.Н. Развитие традиций династических благотворительности и попечительства как феномен Российской культуры на примере дореволюционной России (X в. – 1917 г.) [Электронный ресурс]. URL: // http://lib2.znate.ru/docs/index-309786.html.
12. Клемантович И.П., Скоч А.В. Зарождение и развитие благотворительности как социального института особого типа : монография. М. : РИЦ МГОПУ им. М.А. Шолохова, 2000.
13. Сальников М.В. Генезис и эволюция российской политико-правовой традиции (историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ) : дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2005.
14. Сокол М.П. Подоходное налогообложение физлиц [Электронный ресурс]. URL: http://www.businesspress. ru/newspaper/article_mId_36_aId_293316.html.
15. Справочник благотворения. Сборник сведений о наградах благотворительных, просветительных и других обществ и учреждений. Петроград : Справочник благотворения, 1916.
16. Шкабельников Г.З., Петров В.И. Знаки благотворительных обществ и правила награждения ими лиц за оказанную помощь делами благотворения. СПб., 1902.

References

1. Badya L.V., Yankina M.V. Znaki i nagrady rossiyskikh blagotvoritel'nykh obshchestv (Medals and awards of Russian charitable societies). *Sotsial'naya rabota v Rossii: proshloye i nastoyashcheye*. Moscow, Stavropol', 1998.
2. Varentsova L.Yu., Varentsov S.YU. Iz istorii nizhegorodskogo gubernskogo popechitel'nogo o tyur'makh komiteta v XIX–nachale XX veka (From the history of the Nizhny Novgorod provincial guardianship committee on prisons in the XIX – early XX century). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnyye nauki*, 2011, No. 3 (19), pp. 12-18.
3. Gosudarstvennyy arkhiv RF (State Archive of the Russian Federation), fond. 123, opis'. 1, delo. 14, l.d. 1.
4. Gosudarstvennyy arkhiv RF (State Archive of the Russian Federation), fond. 123, opis'. 1, delo.19, l.d. 12.
5. Gosudarstvennyy arkhiv RF (State Archive of the Russian Federation), fond. 123, opis'. 1, delo. 398, l.d. 1. «O nagrazhdenii po obshchestvu popechitel'nomu o tyur'makh».

6. Gosudarstvennyy arkhiv RF (State Archive of the Russian Federation), fond. 123, opis'. 1, delo. 398, l.d. 20. «O nagrazhdenii po obshchestvu popechitel'nomu o tyur'makh».
7. Gosudarstvennyy arkhiv RF (State Archive of the Russian Federation), fond. 123, opis'. 1, delo. 398, l.d. 29. «O nagrazhdenii po obshchestvu popechitel'nomu o tyur'makh».
8. Gosudarstvennyy arkhiv RF (State Archive of the Russian Federation), fond. 123, opis'. 1, delo. 398, l.d. 121.
9. Zabelin I.Ye. Dom byta russkikh tsarey v XVI–XVII stoletii (House of life of the Russian tsars in the XVI–XVII centuries). T. 1. Ch. 1. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 2000.
10. Zakatov A.I. Traditsii blagotvoritel'nosti doma Romanovykh (Traditions of charity of the house of Romanovs). St. Petersburg, Imperatorskiy Fond issledovaniya onkologicheskikh zabolevaniy, 2015.
11. Zakatov A.N. Razvitiye traditsiy dinasticheskikh blagotvoritel'nosti i popechitel'stva kak fenomen Rossiyskoy kul'tury na primere dorevolyutsionnoy Rossii (The development of the traditions of dynastic charity and trusteeship as a phenomenon of Russian culture on the example of pre-revolutionary Russia) (X v. – 1917 g.). URL: // http://lib2.znate.ru/docs/index-309786.html.
12. Klemantovich I.P., Skoch A.V. Zarozhdeniye i razvitiye blagotvoritel'nosti kak sotsial'nogo instituta osobogo tipa : monografiya (The origin and development of charity as a social institution of a special type: monograph). Moscow, RITS MGOPU im. M.A. Sholokhova, 2000.
13. Sal'nikov M.V. Genezis i evolyutsiya rossiyskoy politiko-pravovoy traditsii (istoriko-teoreticheskiy i sravnitel'no-pravovoy analiz) (Genesis and evolution of the Russian political and legal tradition (historical-theoretical and comparative legal analysis), dis. … d-ra yurid. nauk. St. Petersburg, 2005.
14. Sokol M.P. Podokhodnoye nalogooblozheniye fizlits (Income taxation of individuals). URL: http://www.businesspress. ru/newspaper/article_mId_36_aId_293316.html.
15. Spravochnik blagotvoreniya (Handbook of beneficence). Sbornik svedeniy o nagradakh blagotvoritel'nykh, prosvetitel'nykh i drugikh obshchestv i uchrezhdeniy. Petrograd : Spravochnik blagotvoreniya, 1916.
16. Shkabel'nikov G.Z., Petrov V.I. Znaki blagotvoritel'nykh obshchestv i pravila nagrazhdeniya imi lits za okazannuyu pomoshch' delami blagotvoreniya (Medals of charitable societies and the rules for awarding them to persons for the assistance rendered to deeds of beneficence). St. Petersburg, 1902.

Дата поступления: 25.04.2019 *Received: 25.04.2019*

УДК 347+347.61/64

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ РАСТОРЖЕНИЯ БРАКА В РОССИИ

ДУБРОВСКАЯ Татьяна Валерьевна
аспирант кафедры гражданского права, международного частного права и гражданского процесса Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), г. Москва, Россия.
E-mail: rina905@yandex.ru

Увеличение количества разводов в России становится в последние годы все более актуальной проблемой. В семейное законодательство современной России, которое во многом сохранило преемственность по отношению к советскому законодательству о браке и семье, в части, посвященной прекращению брака, разработчиками действующего Семейного кодекса, по мнению автора, внесены неоправданные нормы, не только не способствующие, но и препятствующие выполнению задачи охраны семьи. В качестве мер, способствующих укреплению семьи и брака, автор предлагает внести изменения в Семейный кодекс РФ, в частности, увеличить срок, отведенный на расторжение брака в органах записи актов гражданского состояния и выдачу соответствующего свидетельства, до трех месяцев; исключить норму, позволяющую суду расторгнуть брак без выяснения мотивов развода; ввести срок для примирения супругов в пределах шести месяцев для всех случаев расторжения брака в суде.

Ключевые слова: семейное право, расторжение брака, советское законодательство о браке и семье, Семейный кодекс РФ, органы записи актов гражданского состояния.

TO THE ISSUE OF LEGAL REGULATION OF DISSOLUTION OF MARRIAGE IN RUSSIA

DUBROVSKAYA Tatyana Valerievna
Postgraduate Student of the Department of Civil Law, International Private law and Civil Procedure of the Law Institute of the Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia. E-mail: rina905@yandex.ru

The increase in the number of divorces in Russia has become a progressively urgent problem in recent years. According to the author, unjustified standards that do not develop and even impede the execution of family protection tasks have been added by the drafters of the current Family Code to the family legislation of modern Russia, which largely preserved the continuity with respect to the Soviet legislation on marriage and family, in the part devoted to dissolution of marriage. As measures to strengthen family and marriage, the author proposes to amend the Family Code of the Russian Federation, in particular, to increase the period for divorcing in civil registry offices and issuing a corresponding certificate to three months, to eliminate the rule that allows the court to dissolve the marriage without clarifying the reasons for divorcing, to enter a deadline for reconciliation of spouses within six months for all cases of divorce in court.

Key words: family law, dissolution of marriage, Soviet legislation on marriage and family, Family Code of the Russian Federation, civil registry offices.

Проблема увеличения количества разводов в России становится в последние годы все более актуальной. Так, в 2015 г. на 1161068 заключенных браков пришлось 611646 разводов, в 2016 г. это соотношение составило 985836 к 608336, в 2017 – 1049725 к 611428. К сожалению, отрицательная динамика продолжилась и в 2018 г.: 829 разводов на 1000 заключенных браков. По данным Демографического ежегодника ООН 2012 г., Россия занимает первое место среди стран с наибольшим числом разводов. Статистический отдел ООН берет за исход-

ную цифру количество разводов на 1000 человек. В России этот показатель составлял 5%, что является самым высоким показателем в мире [5, с. 134].

В числе причин, обусловливающих такой высокий уровень разводов, исследователи и эксперты называют, в частности, алкогольную и наркотическую зависимость, отсутствие собственного жилья и возможности его приобретения и т.д. Безусловно, социальный и экономический аспекты играют огромную роль в семейных отношениях, однако немаловажное значение имеет правовое регулирование вопросов, связанных с расторжением брака. В ныне действующем Семейном кодексе РФ (далее – СК РФ) расторжение брака является одним из способов прекращения последнего. Согласно п. 2 ст. 16 СК РФ брак может быть прекращен путем его расторжения по заявлению одного или обоих супругов, а также по заявлению опекуна супруга, признанного судом недееспособным. Расторжение брака может производиться в органах записи актов гражданского состояния или в суде (ст. 18 СК РФ). Для расторжения брака в органах записи актов гражданского состояния семейное законодательство требует соблюдения следующих условий: взаимное согласие супругов на расторжение брака; отсутствие общих несовершеннолетних детей. Данные требования не распространяются на ситуацию, когда один из супругов признан судом безвестно отсутствующим или недееспособным либо осужден к лишению свободы на срок более трех лет. Во всех остальных случаях в СК РФ предусмотрен судебный порядок расторжения брака. При этом закон предусматривает ограничение права мужа инициировать развод, если супруга беременна, и до истечения одного года после рождения ребенка (ст. 17 СК РФ).

В контексте рассматриваемой проблемы представляется целесообразным краткий исторический экскурс. Существование разводов по обоюдному согласию супругов было характерно для истории России не во все исторические периоды. Развод по согласию супругов возможен был в языческий период и в первые десятилетия, а по мнению отдельных авторов, и на протяжении нескольких столетий после принятия христианства [7, с. 56]. До 1917 года делами о разводе занимался Святейший синод и для расторжения брака требовались очень веские основания: прелюбодеяние супруга, неспособность к брачному сожитию, супруг приговорен к наказанию, сопряженному с лишением всех прав состояния, или же сослан на житье в Сибирь с лишением всех прав и преимуществ; безвестное отсутствие супруга. Прекратить брак по взаимному согласию супруги не могли [4]. Как отмечает О.Ю. Яненко, «жесткость законодательства о разводе вызывала многочисленные нарекания в обществе и насмешки над неповоротливостью российского законодательства. Получить развод было очень сложно» [6, с. 194]. Согласно Кодексу законов о браке, семье и опеке, введенному в действие постановлением ВЦИК от 19 ноября 1926 г., при жизни супругов брак мог быть прекращен только путем развода через суд по заявлению одного или обоих супругов. При этом развод производился публично. Наконец, в соответствии с Кодексом о браке и семье РСФСР, утвержденном ВС РСФСР 30 июля 1969 г., был установлен порядок расторжения брака, во многом аналогичный ныне действующему. Так, предусматривалось расторжение брака в органах записи актов гражданского состояния при соблюдении следующих условий:

– взаимное согласие супругов на расторжение брака;

– отсутствие несовершеннолетних детей;

– один из супругов признан в установленном законом порядке безвестно отсутствующим или недееспособным вследствие душевной болезни или слабоумия либо осужден за совершение преступления к лишению свободы на срок не менее трех лет.

Отметим, что согласно ст. 31 Кодекса о браке и семье РСФСР, муж так же, как и теперь, не имел права без согласия жены возбуждать дело о расторжении брака во время беременности жены и в течение одного года после рождения ребенка.

Как видно из краткого анализа правового регулирования расторжения брака в России с конца XIX века, законодательство прошло путь от крайне усложненной системы, во многом определявшейся церковью, до близкой к современной законодательной модели. Думается, что законодатели новейшего периода развития права в России, взяв за основу многие нормы советского законодательства о семье и браке, вместе с тем проигнорировали некоторые принципиальные положения, способствующие охране семьи. Прежде всего, мы имеем в виду меры, которые могут способствовать примирению супругов и сохранению семьи. В советский период суд в силу положений ст. 33 Кодекса о браке и семье РСФСР принимал меры к примирению супругов и был вправе отложить разбирательство дела, назначив супругам срок для примирения в пределах шести месяцев; брак расторгался, если судом устанавливалась невозможность дальнейшей совместной жизни супругов и сохранения семьи.

В соответствии с п. 1 ст. 22 СК РФ расторжение брака в судебном порядке производится, если судом установлено, что дальнейшая совместная жизнь супругов и сохранение семьи невозможны; здесь мы видим полную преемственность действующего СК РФ по отношению к советскому законодательству о браке и семье. Однако дальше следует положение ст. 22 СК РФ, которое, на наш взгляд, совершенно неоправданно подверглось корректировке по сравнению с советской нормой: при отсутствии согласия одного из супругов на расторжение брака суд вправе принять меры к примирению супругов и отложить разбирательство дела, назначив супругам срок для примирения в пределах трех месяцев; расторжение брака производится, если меры по примирению супругов оказались безрезультатными и супруги (один из них) настаивают на расторжении брака. Более того, в СК РФ появляется новая по сравнению с советским законодательством норма, согласно которой при наличии взаимного согласия на расторжение брака супругов, имеющих общих несовершеннолетних детей, а также, если один из супругов, несмотря на отсутствие у него возражений, уклоняется от расторжения брака в органе записи актов гражданского состояния, в том числе отказывается подать заявление, суд расторгает брак вообще без выяснения мотивов развода. Символичным представляется даже расположение рассмотренных норм: в Кодексе о браке и семье РСФСР положение о мерах, предпринимаемых судом для примирения супругов, предшествует тому, в котором устанавливаются условия для расторжения брака (невозможность дальнейшей совместной жизни супругов и сохранения семьи), а в действующем СК РФ, напротив, первой является норма о расторжении брака ввиду невозможности дальнейшей совместной жизни супругов и сохранения семьи. Иными словами, попытка помочь супругам избежать развода и сохранить семью была поставлена разработчиками СК РФ на второе место.

Разница между советским и современным российским семейным законодательством в области расторжения брака в органах записи актов гражданского состояния в контексте охраны семьи, на наш взгляд, также говорит о предпочтительности советского подхода. Так, в соответствии со ст. 38 Кодекса о браке и семье РСФСР расторжение брака по взаимному согласию супругов, не имеющих несовершеннолетних детей, расторжение брака производится в органах записи актов гражданского состояния; оформление развода и выдача супругам свидетельства о расторжении брака производятся по истечении трех месяцев со дня подачи супругами заявления о разводе. В действующей редакции СК РФ на расторжение брака и выдачу свидетельства о расторжении брака отводится один месяц.

Таким образом, несмотря на существенные признаки преемственности российского семейного законодательства по отношению к советскому законодательству о браке и семье в сфере расторжения брака между ними существуют следующие принципиальные различия:

- в СК РФ срок, отведенный на расторжение брака и выдачу соответствующего свидетельства органом записи актов гражданского состояния, сокращен с трех месяцев до одного;
- в СК РФ допускается расторжение брака даже без выяснения судом мотивов развода, если имеет место взаимное согласие на расторжение брака супругов, имеющих общих несо-

вершеннолетних детей или один из супругов, несмотря на отсутствие у него возражений, уклоняется от расторжения брака в органе записи актов гражданского состояния;

- в СК РФ срок для примирения супругов сокращен с шести месяцев до трех.

Все указанные нормы, отличающие современный российский подход законодателя к расторжению брака от советского, как представляется, уменьшают возможность для решивших расторгнуть брак супругов сохранить семью и не могут быть признаны целесообразными. Сложно не согласиться с Е.Г. Лактюхиной, которая пишет: «В российском правовом поле (регламентированном Семейным кодексом 1995 г.) происходит либерализация процедуры развода. Для прекращения брака нет препятствий, за исключением случая беременности жены и наличия детей в возрасте до одного года, при котором требуется согласие супруги. Брак как таковой законом не охраняется, в то время как "семья, материнство, отцовство и детство в Российской Федерации находятся под защитой государства"» [2, с. 69].

Е.В. Вершинина, указывая на то, что в литературе приводятся данные, свидетельствующие о влиянии ряда объективных факторов на увеличение числа разводов, в частности, урбанизации, роста занятости женщин, морально-психологических изменений в семейных отношениях, упрощения бракоразводной процедуры, пишет: «Одновременно судьба брака нередко зависит и от наличия субъективных причин, имеющих действенный характер. В одних случаях рост числа разводов не только социально объясним, но и в какой-то степени неизбежен. По мере ослабления экономической функции семьи и возрастания роли и значения ее чувственной основы супругами предъявляются более высокие требования, касающиеся их взаимной любви, уважения и привязанности. И если эти чувства по тем или иным причинам оказываются непрочными, ослабленными или вообще исчезнувшими, то и судьбу брака можно считать предрешенной» [1, с. 38]. В.П. Мозолин выделяет причины развода, которые находятся в явном противоречии с интересами здоровой семьи и общества, прежде всего, алкоголизм и супружескую измену [3, с. 32].

Соглашаясь с приведенными учеными доводами, зададимся вопросами о том, насколько часто указанные причины определяют неизбежность развода и есть ли возможность после первых эмоциональных порывов супруга (супругов) сохранить семью.

Социологический опрос, проведенный в Англии, показал, что более 50% разведенных приходят к выводу, что развод был ошибкой, из них примерно 42% испытывают желание вернуться к бывшему супругу, 21% опрошенных ответили, что продолжают жить вместе. Большинство заявили, что сожалели о разводе уже в первые месяцы. Думается, можно предположить, что в России подобный опрос мог дать примерно такие же результаты. Получается, что непреклонность супругов, принявших решение расторгнуть брак, со временем, во многих случаях ослабевает. На этом фоне сокращение сроков, определяемых для примирения супругов, изъявивших расторгнуть брак, – явно не оправданный шаг.

Подводя итог вышесказанному, заметим, что семейное законодательство в сложившихся российских реалиях, когда количество разводов грозит сравниться, а то и превысить число заключаемых браков, должно быть изменено в части расторжения браков. Полагаем целесообразным следующие изменения в СК РФ:

- увеличить срок, отведенный на расторжение брака в органах записи актов гражданского состояния и выдачу соответствующего свидетельства, до трех месяцев.

- исключить из СК РФ норму, позволяющую суду расторгнуть брак без выяснения мотивов развода.

- ввести срок для примирения супругов в пределах шести месяцев для всех случаев расторжения брака в суде.

Полагаем, что на первом этапе предложенные меры могут изменить ситуацию с сохранением российских семей к лучшему.

Библиографические ссылки

1. Вершинина Е.В. Причины расторжения брака в России и во Франции: сравнительно-правовой анализ // Право и управление. XXI век. 2015. №2 (35). С. 36-41.
2. Лактюхина Е.Г. Заключение и расторжение брака в современной России: социологический анализ // Теория и практика общественного развития. 2011, № 6. с. 68-71.
3. Мозолин В.П. Законодательство о браке и разводе в СССР // СССР – Франция: социологический и международно-правовой аспекты сравнительного правоведения. М. : Изд-во ИГиП АН СССР, 1987. С. 27-35.
4. Свод законов Российской империи : сб. документов. Т. X. Ч. 1. Свод законов гражданских. Кн. 1. О правах и обязанностях семейственных. Ст. 45 [Электронный ресурс]. URL : http://civil.consultant.ru/reprint/books/211/1.html#img2.
5. Семейное право : учебник и практикум для прикладного бакалавриата / Л.М. Пчелинцева и др. / под науч. ред. Л.М. Пчелинцевой ; под общ ред. Л.В. Цитович. М., 2015.
6. Яненко О.Ю. Расторжение брака в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2013. Т. 13. № 1. С. 192-194.
7. Ярмонова Е.Н. Взаимное согласие как основание расторжения христианского брака в России // Концепт. 2015. Спецвыпуск № 26. URL: http://e-koncept.ru/2015/75358.htm.

References

1. Vershinina Ye.V. Prichiny rastorzheniya braka v Rossii i vo Frantsii: sravnitel'no-pravovoy analiz (Reasons for divorce in Russia and France: comparative legal analysis). *Pravo i upravleniye. XXI vek*, 2015, No. 2 (35), pp. 36-41.
2. Laktyukhina Ye.G. Zaklyucheniye i rastorzheniye braka v sovremennoy Rossii: sotsiologicheskiy analiz (The conclusion and dissolution of marriage in modern Russia: sociological analysis). *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2011, No. 6, pp. 68-71.
3. Mozolin V.P. Zakonodatel'stvo o brake i razvode v SSSR (The legislation on marriage and divorce in the USSR). *SSSR – Frantsiya: sotsiologicheskiy i mezhdunarodno-pravovoy aspekty sravnitel'nogo pravovedeniya*. Moscow, Izd-vo IGiP AN SSSR, 1987, pp. 27-35.
4. Svod zakonov Rossiyskoy imperii (The code of laws of the Russian Empire), sb. dokumentov. T. X. Ch. 1. Svod zakonov grazhdanskikh. Kn. 1. O pravakh i obyazannostyakh semeystvennykh. St. 45. URL : http://civil.consultant.ru/reprint/books/211/1.html#img2.
5. Semeynoye pravo (Family law), uchebnik i praktikum dlya prikladnogo bakalavriata. L.M. Pchelintseva i dr., pod nauch. red. L.M. Pchelintsevoy, pod obshch red. L.V. Tsitovich. Moscow, 2015.
6. Yanenko O.Yu. Rastorzheniye braka v Rossiyskoy imperii na rubezhe XIX–XX vv. (Divorce in the Russian Empire at the turn of the XIX – XX centuries). *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnyye nauki*, 2013, T. 13, No. 1, pp. 192-194.
7. Yarmonova Ye.N. Vzaimnoye soglasiye kak osnovaniye rastorzheniya khristianskogo braka v Rossii (Mutual consent as the basis for the dissolution of a Christian marriage in Russia). *Kontsept*, 2015, Spetsvypusk No. 26. URL: http://e-koncept.ru/2015/75358.htm.

Дата поступления: 11.04.2019 *Received: 11.04.2019*

УДК 347.91/95

СТАДИЙНОСТЬ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА – ГАРАНТИЯ СВОЕВРЕМЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ДОКУМЕНТА

МУРЗАБУЛАТОВ Урал Муллахметович
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского процесса Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственного университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: ural.murzabulatov.59@mail.ru

Исполнимость судебных актов является одним из основных критериев оценки эффективности правосудия, поскольку, прежде всего, именно оперативность и полнота их исполнения влияют на стабильность гражданского оборота и гарантируют торжество правосудия в целом. Исследование особенностей сложившейся на сегодняшний день практики исполнительного практики позволяет сформулировать вывод о том, что стадии отечественного исполнительного производства нуждаются в совершенствовании и систематизации с установлением конкретных процессуальных сроков.

Ключевые слова: исполнительное производство, стадии исполнительного производства, сроки в исполнительном производстве, примирительные процедуры, судебный контроль за исполнением.

STAGES OF ENFORCEMENT PROCEEDINGS AS A WARRANT OF TIMELINESS OF EXECUTING ENFORCEMENT DOCUMENT REQUIREMENTS

MURZABULATOV Ural Mullakhmetovich
Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Chair of Civil Procedure of the Institute of Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bashkir State University", Ufa, Russia.
E-mail: ural.murzabulatov.59@mail.ru

The execution of judicial acts is one of the main criteria for evaluating the effectiveness of justice as, first of all, it is the promptness and completeness of their execution that affect the stability of civil circulation and guarantee the triumph of justice in general. The study of the features of the current practice of enforcement proceedings allows to formulate the conclusion that the stages of national enforcement proceedings need to be improved and systematized with establishing specific procedural terms.

Key words: enforcement proceedings, stages of enforcement proceedings, terms in enforcement proceedings, conciliation procedures, judicial control over execution.

Одним из основных критериев оценки эффективности правосудия является исполнимость судебных актов, поскольку именно скорость (своевременность) и полнота их исполнения существенно влияют на стабильность гражданского оборота и гарантируют торжество правосудия в целом [1, с. 44]. В статье 4 Федерального закона от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – Закон об исполнительном производстве) изложен принцип своевременности совершения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения [2].

Исполнительное производство, являясь одним из видов юридического (правоприменительного) процесса, на сегодня не имеет четко установленных этапов принудительного исполнения, и в связи с этим, в целях обеспечения его эффективности, в нём следовало бы отчетливее разграничить этапы (или стадии) исполнительного производства с установкой конкретных процессуальных сроков на каждой стадии [3, с. 109]. Можно лишь с сожалением

констатировать тот факт, что принятый более 10 лет назад закон об исполнительном производстве так и не закрепил в четком виде стадийность исполнительного производства, которая, безусловно, способствовала бы логически правильному построению процесса исполнения. Отсутствие же в законодательстве обоснованного разграничения стадий по их содержанию, по времени реализации исполнительных действий, привели к установлению законодателем размытых, неразумных сроков в исполнительном производстве.

Рассматривая приведенную последовательность действий применительно к исполнительному производству, с учетом высказанных замечаний, мы предлагаем выделить такие его стадии, как:

1) возбуждение исполнительного производства (3 дня на регистрацию и 3 дня на возбуждение или отказ в возбуждении исполнительного производства);

2) добровольного исполнения, попытки примирения сторон и подготовка к принудительному исполнению (1 месяц);

3) принудительное исполнение (1 год);

4) окончание исполнительного производства, либо продление судом срока принудительного исполнения еще на 1 год;

5) обжалование действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя, предъявления исков к судебному приставу-исполнителю.

И так, первая стадия – возбуждение исполнительного производства. Законом об исполнительном производстве установлен общий трехдневный срок передачи судебному приставу-исполнителю заявления взыскателя и исполнительного документа со дня их поступления в подразделение судебных приставов. В свою очередь, судебный пристав-исполнитель в трехдневный срок со дня поступления к нему исполнительного документа выносит постановление о возбуждении исполнительного производства либо об отказе в возбуждении исполнительного производства [2]. Если исполнительный документ подлежит немедленному исполнению, то он после поступления в подразделение судебных приставов немедленно передается судебному приставу-исполнителю. Решение о возбуждении исполнительного производства либо об отказе в возбуждении исполнительного производства судебный пристав-исполнитель должен принять в течение одних суток с момента поступления исполнительного документа в подразделение судебных приставов. Копия постановления судебного пристава-исполнителя о возбуждении исполнительного производства не позднее дня, следующего за днем вынесения указанного постановления, подлежит направлению взыскателю, должнику, а также субъекту, который выдал исполнительный документ.

В содержание второй стадии целесообразно включить действия и правоотношения по созданию условий к осуществлению добровольного исполнения, попытки примирения сторон, в том числе по результатам проведения между сторонами процедуры медиации, подготовки к принудительному исполнению. Для лучшего понимания важности данной стадии необходимо отметить, что она даст возможность судебному приставу-исполнителю с самого начала организовать процесс общения должника с взыскателем, в ходе которого он сможет разъяснить основные положения институтов добровольного исполнения и исполнительского сбора, попытаться склонить стороны к заключению мирового соглашения или организовать процедуру медиации, направить стороны на эту процедуру к избранному ими или предложенному приставом из соответствующего реестра профессиональному медиатору (сам пристав в силу занимаемого им должностного положения, не являясь медиатором, может применять только отдельные медиативные технологии и приемы). Кроме того, в целях оперативного разрешения вопросов примирения, в данной стадии неплохо было бы наделить судебного пристава правом утверждения мирового соглашения, в том числе по условиям заключенного между сторонами исполнительного производства медиативного соглашения, в рамках кото-

рых должны быть решены вопросы отсрочки, рассрочки, а также изменения способа исполнения, как это предусмотрено в законодательстве Республика Молдова [4].

В случае же невозможности добровольного исполнения или заключения мирового соглашения судебный пристав-исполнитель переходит к вопросам подготовки к принудительному исполнению и в этих целях потребует от должника представить декларацию об его имущественном положении, а также организует надлежащее уведомление должника о возбуждении в отношении него исполнительного производства под роспись. С этого момента должнику предоставляется пять дней для добровольного исполнения требований исполнительного документа. Значимость данной стадии для системы принудительного исполнения не оценима, так как в случае достижения цели добровольного исполнения должником требований исполнительного документа, будут разрешены вопросы не только по удовлетворению требований и интересов взыскателя, но и будет восстановлен правопорядок и своевременно исполнено судебное решение. В случае же заключения мирового соглашения сторонами исполнительного производства, будет окончено исполнительное производство, и государственные органы будут освобождены от ненужной бумажной и иной волокиты. В конечном итоге и сам судебный пристав-исполнитель будет освобожден от дальнейшего сопровождения данного дела. Конечно же, проведение процедуры примирения является искусной работой по разъяснению преимуществ мирового соглашения, и может получиться так, что должник согласен идти на мировое соглашение, а взыскатель отказывается. В этом случае потребуется хорошее знание приставом-исполнителем основ психологии, умение убеждать, приводить аргументы в пользу тех или иных доводов, подкрепляющих правовые позиции каждого из участников процесса исполнения. Исходя из сказанного, в каждом подразделении должны быть свои медиаторы из числа наиболее подготовленных судебных приставов-исполнителей, в том числе и руководство отдела, прошедшее соответствующие курсы обучения на медиаторов.

Третья стадия – принудительное исполнение. В ныне действующем Законе об исполнительном производстве законодатель установил двух месячный срок для стадии принудительного исполнения. В частности, в ч. 1 ст. 36 ФЗ "Об исполнительном производстве" указано, что требования исполнительного документа должны быть исполнены судебным приставом-исполнителем в двух месячный срок со дня возбуждения исполнительного производства! [2]. Как показывает практика, в большинстве случаев с учётом нагрузки судебного пристава-исполнителя и сложной процедуры исполнительного производства, указанного времени недостаточно для исполнения требований исполнительного документа. Кроме того, в силу действия ч. 8 ст. 36 ФЗ "Об исполнительном производстве", где указано, что истечение сроков совершения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения не является основанием для прекращения или окончания исполнительного производства [2]. Как мы видим, в данной норме Закона об исполнительном производстве имеются противоречащие друг другу части, в которых в одном случае, казалось бы, императивно установлен определенный процессуальный срок для принудительного исполнения два месяца, который не обоснован ни научно, ни эмпирически и не выполним на практике, а в другой части законодатель говорит о том, что установленный двух месячный срок это не конец, пристав может и дальше продолжать принудительное исполнение. На наш взгляд, такой двойной стандарт в законе не допустим! В особенности, когда это касается процессуальных сроков, поскольку приводит к волоките, формированию у правоприменителя отношения к этим срокам как рекомендательным ориентирам.

Как показывает практика, наиболее реальным сроком при принудительном исполнении требований исполнительного документа, в большинстве случаев, является 1 год. В случае установления срока 1 год, на наш взгляд, будет достигнуто законодательное закрепление более реального процессуального срока исполнения требований исполнительного документа.

В течение 1 года судебный пристав будет обязан отработать исполнительное производство. Если же по объективным причинам он не укладывается в годичный срок исполнения, то обязан:

1. Проработать вопрос отзыва исполнительного документа взыскателем согласно ч. 1 п. 1 ст. 46 Закона об исполнительном производстве с последующим повторным предъявлением им исполнительного документа для принудительного исполнения [2];

2. Если не достигнута договоренность с взыскателем, при этом судебный пристав уверен, что он предпринял все меры для исполнения требований исполнительного документа, то он может окончить исполнительное производство с актом невозможности исполнения, т.е. согласно пп. 3,4 ч. 1 ст. 46 Закона об исполнительном производстве [2].

3. Если судебный пристав-исполнитель не уверен, что он отработал все вопросы по данному исполнительному производству и опасается, что взыскатель может обжаловать его постановление об окончании исполнительного производства в судебном порядке, сам может обратиться в суд о продлении срока исполнения еще на 1 год, изложив свои доводы в заявлении. Суд, изучив доводы судебного пристава и материалы исполнительного производства, в судебном заседании с извещением всех заинтересованных лиц может вынести одно из двух решений:

а) признать действия судебного пристава законными и полными и продлить принудительное исполнение еще на 1 год;

б) признать действие или бездействие судебного пристава-исполнителя незаконным с указанием о привлечении его к юридической ответственности (гражданско-правовой, дисциплинарной, административной, уголовной) и продлить срок принудительного исполнения еще на 1 год.

Такой порядок организации стадии принудительного исполнения с установкой конкретных, апробированных практикой процессуальных сроков, нацелит судебного пристава-исполнителя на выполнение функциональных обязанностей в рамках процессуальных сроков и не допущение им волокиты в работе, а судебным органам, осуществляющим контрольные функции, даст возможность более четко реагировать на допущенные нарушения установленных процессуальных сроков со стороны судебного пристава-исполнителя.

Кроме того, право суда на продление срока принудительного исполнения на 1 год, позволить ему осуществлять контроль за исполнением судебных решений.

Споры о наделении суда полномочиями по надзору за исполнением судебных решений не утихают уже на протяжении двух столетий. О необходимости установления судебного контроля за приведением решений в исполнение утверждалось в работах ученых еще в ходе реформ судебной системы в России 1864 года. Так, А.Х. Гольмстен отмечал, что «необходимо, чтобы судебный пристав, как должностное лицо было поставлено в более близкое отношение к суду», а И.Е. Энгельман по этому поводу говорил: «о недостаточном наделении суда полномочиями по контролю за исполнением судебных актов» [5, с. 99].

Четвертая стадия состоит в окончании исполнительного производства. Данная стадия должна быть организована так же, как и в ныне установленном действующем законодательстве. В то же время, следует установить запрет судебному приставу-исполнителю на отправку исполнительных документов по почте в адрес взыскателя при окончании исполнительного производства по ст. 46 Закона об исполнительном производстве. Не редки случаи на практике, когда происходят утери исполнительных документов при отправке через почтовую службу, что в итоге приводит к тому, что взыскатель годами не ведает, что исполнительное производство окончено, а когда узнает об этом, вынужден вновь обращаться в суд за выдачей дубликата исполнительного документа, что создает дополнительные нагрузки на судей, так как выдача дубликата исполнительного документа рассматривается в судебном заседании. Во избежание утери исполнительного документа при пересылке, пристав обязан вернуть его взыскателю лично в руки, либо сдать в архив вместе с исполнительным производством. В после-

дующем, судебный пристав-исполнитель обязан известить взыскателя о необходимости получения исполнительного документа из архива отдела судебных приставов.

Пятая стадия – обжалование действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя. На данной стадии стороны исполнительного производства могут обратиться в суд, либо вышестоящий орган ФССП РФ с жалобой, заявлением либо простым обращением о восстановлении их нарушенных прав по оконченному исполнительному производству. Однако, в целях недопущения отвлечения от дел пристава, в течение 1 года, в период стадии принудительного исполнения, жалобы на бездействие судебного пристава-исполнителя должны быть исключены.

Библиографические ссылки

1. Мурзабулатов У.М. Концептуальные пробелы в законодательстве об исполнительном производстве // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 1. С. 44-47.
2. Об исполнительном производстве. Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ (с послед. изм. и доп. от 12 марта 2014 г. № 34-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.
3. Решетникова И.В. Стадии исполнительного производства : пособие по исполнительному производству для судебных приставов-исполнителей / под ред. И.В. Решетниковой. М., 2000.
4. Талмач Р. Развитие исполнительного производства в Республике Молдова // Эффективность принудительного исполнения судебных решений и актов других органов : сборник материалов Международной научно-практической конференции, г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 8-11 июня 2011 г. / отв. ред. А.О. Парфенчиков и Д.Х. Валеев. М. : Статут, 2011. С 144-154.
5. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Древность и Средние века) / сост. В.А. Томсинов. М. : «ЗЕРЦАЛО», 2004.

References

1. Murzabulatov U.M. Kontseptual'nyye probely v zakonodatel'stve ob ispolnitel'nom proizvodstve (Conceptual gaps in legislation on enforcement proceedings). *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2014, No. 1, pp. 44-47.
2. Ob ispolnitel'nom proizvodstve. Federal'nyy zakon ot 2 oktyabrya 2007 g. № 229-FZ (s posled. izm. i dop. ot 12 marta 2014 g. № 34-FZ) (On enforcement proceedings. Federal Law of October 2, 2007 No. 229-FZ (with the last amendments of March 12, 2014 No. 34-FZ). *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 2007, No. 41, St. 4849.
3. Reshetnikova I.V. Stadii ispolnitel'nogo proizvodstva : posobiye po ispolnitel'nomu proizvodstvu dlya sudebnykh pristavov-ispolniteley (Stages of enforcement proceedings: a guide on executive production for bailiffs), pod red. I.V. Reshetnikovoy. Moscow, 2000.
4. Talmach R. Razvitiye ispolnitel'nogo proizvodstva v Respublike Moldova (Development of Enforcement Proceedings in the Republic of Moldova). *Effektivnost' prinuditel'nogo ispolneniya sudebnykh resheniy i aktov drugikh organov*, sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, g. Kazan', Kazanskiy (Privolzhskiy) federal'nyy universitet, 8-11 iyunya 2011 g., otv. red. A.O. Parfenchikov i D.Kh. Valeyev. Moscow, Statut, 2011, pp. 144-154.
5. Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava zarubezhnykh stran (Drevnost' i Sredniye veka) (Readings on history of state and law of foreign countries (Antiquity and the Middle Ages), sost. V.A. Tomsinov. Moscow, «ZERTSALO», 2004.

Дата поступления: 11.05.2019 *Received: 11.05.2019*

УДК 347+347.61/64

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ: ОСНОВАНИЯ И УСЛОВИЯ

РОМАНОВА Ирина Николаевна
кандидат юридических наук, доцент Московский университет имени С.Ю. Витте, филиал в г. Рязани, заведующий кафедрой гражданского права и процесса, г. Рязань.
E-mail: universitet.62@yandex.ru
СКУЛОВА Ирина Александровна
аспирант кафедры «Гражданское право, международное частное право и гражданский процесс» Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), г. Москва.
E-mail: rina905@yandex.ru

На основе изучения научных точек зрения, анализа норм действующего законодательства, а также проектов нормативных актов, рассматриваются юридические основания алиментных обязательств и необходимые условия для их установления. В современном семейном законодательстве РФ под алиментами понимаются материальные средства, предоставляемые по закону для содержания одними субъектами права другим в силу сложившихся между ними родственных, брачных и других семейных правоотношений. Алиментные обязательства – обязательства особого рода; они возникают на основе императивных норм семейного права, характеризуются сложным субъектным составом и элементом публичности. Основные обязательства возникают между родителями и детьми, супругами и бывшими супругами и субсидиарные – с участием других членов семьи. Перечень лиц, имеющих право на взыскание алиментов, в том числе и в принудительном порядке, установлен Семейным кодексом РФ, а возможность взыскания алиментов обусловлена определенными обстоятельствами, которые относятся как плательщикам алиментов, так и к получателям.

THEORETICAL AND LEGAL CHARACTERISTICS OF ALIMONY OBLIGATIONS: FOUNDATIONS AND CONDITIONS

ROMANOVA Irina Nikolaevna
Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Moscow University named after S.Yu. Witte, Branch in Ryazan, Head of the Department of Civil Law and Procedure, Ryazan.
E-mail: universitet.62@yandex.ru
SKYLOVA Irina Alexandrovna
Postgraduate Student of the Department of Civil Law, International Private Law and Civil Procedure of the Law Institute of the Russian University of Transport (MIIT), Moscow.
E-mail: rina905@yandex.ru

In terms of studying scientific points of view, analyzing norms of the current legislation, as well as draft regulations, legal foundations of alimony obligations and necessary conditions for their establishment are considered. In the modern family law of the Russian Federation, alimony is understood as material resources provided by law for the maintenance of some subjects of law by others due to kindred, marital and other family legal relations that have developed between them. Alimony obligations are special obligations; they arise on the basis of imperative norms of family law, characterized by a complex subject composition and a publicity element. The main obligations arise between parents and children, spouses and former spouses, subsidiary obligations arise with the participation of other family members. The list of persons eligible for recovery of alimony, including compulsory, is established by the Family Code of the Russian Federation, and the possibility of recovery of alimony is determined by certain circumstances, which apply to both alimony payers and recipients.

Ключевые слова: алиментное обязательство, материальная поддержка, плательщик алиментов, получатель алиментов.

Key words: alimony obligation, financial support, alimony payer, alimony recipient.

В современном семейном законодательстве Российской Федерации под алиментами понимаются материальные средства, предоставляемые по закону для содержания одними субъектами права другим в силу сложившихся между ними родственных, брачных и других семейных правоотношений. Таким образом, современные ученые под алиментными обязательствами понимают обязательства имущественного характера о предоставлении алиментов, которые возникают по причине существующих между лицами брачных и иных семейных правоотношений по основаниям, закрепленным в законе и (или) в договоре (соглашении, подлежащем нотариальному удостоверению) [1], таким, например, как нетрудоспособность или нуждаемость лица, наличие вступившего в законную силу решения суда и другие.

Следует выделить отмечаемые в правовой литературе дополнительные основания возникновения правоотношений:

- обладание необходимыми для этого средствами;
- невозможность получить содержание от других членов семьи.

К юридическим фактам, являющимся основаниями возникновения алиментных обязательств, относятся наличие родственной связи, супружество, усыновление, отношения свойства и фактическое воспитание своих воспитанников [2].

В этой связи, следует обратить внимание на мнение Е.Д. Гаврилюк, которая предлагает внести и закрепить в семейном законодательстве норму, в силу которой юридическим основанием для взыскания алиментов должен являться факт биологического происхождения детей от конкретного мужчины. Правовым же последствием данного юридического факта нужно считать наступление не прав родителя, отца, а только наступление обязанностей по материальному обеспечению ребенка. Свое мнение она обосновывает тем, что часто мужчины не желают становиться отцами детей и в этом случае принудительно заставить их принимать участие в нравственном, например, воспитании ребенка не представляется возможным, однако нести обязанность по содержанию ребенка они должны в любом случае [3]. Считаем, что такой подход автора имеет право на существование в рамках действующего законодательства.

Алиментные обязательства – обязательства особого рода; они возникают на основе императивных норм семейного права, характеризуются сложным субъектным составом и элементом публичности.

В зависимости от вида обязательств алиментные обязательства делятся на основные и субсидиарные. Основные обязательства возникают между родителями и детьми, супругами и бывшими супругами (данные обязательства являются обязательствами первой очереди), субсидиарные – с участием других членов семьи (это обязательства второй очереди).

Субъектами алиментного обязательства выступают, с одной стороны, плательщик – лицо, уплачивающее алименты, и, с другой стороны, получатель – лицо, обладающее правом требования уплаты алиментов.

При рассмотрении алиментных обязательств между родителями и детьми достаточно часто возникает вопрос, как правильно определить то лицо, которое имеет право на получение алиментов.

Согласно положениям действующего законодательства защита прав и интересов несовершеннолетних возложена на родителей, которые являются законными представителями и выступают в правоотношениях с любыми лицами без специальных на то полномочий. Тем не менее, субъектами алиментных обязательств, возникающих между одним из родителей и ребенком, будут являться получатель алиментов – ребенок, но не родитель, выступающий за-

конным представителем, и плательщик алиментов – родитель, обязанный предоставить содержание ребенку. Как отмечает М.В. Антокольская, может вызвать определенные разногласия проблема субъектов алиментных соглашений. Так определяя состав лиц, обладающих правом на заключение алиментных соглашений, при анализе литературы выделяют три подхода. Широкий подход основывается на том, что субъектами соглашения могут стать любые лица вне зависимости от наличия или отсутствия родственных отношений (например, фактические супруги, опекуны, лица связанные отдаленными степенями родства), а также от их нуждаемости и нетрудоспособности [4, с. 309-310.].

Второй подход (промежуточный) называет в качестве участников соглашения лиц, определенных в законе в качестве обязанных уплачивать алименты даже в том случае, если отсутствуют законодательно установленные условия алиментирования [5, с. 125].

Третий (узкий) подход в качестве допустимых участников алиментных соглашений рассматривает исключительно пары управомоченных и обязанных субъектов, установленные СК РФ, с соблюдением в каждом конкретном случае соответствующих условий – наличия нетрудоспособности, нуждаемости и (или) отсутствия алиментообязанных лиц первой очереди [6].

Одним из важнейших и, как отмечалось выше, наиболее распространенных алиментных обязательств, являются обязательства, возникающие между родителями и несовершеннолетними детьми. В основу семейного законодательства РФ положен принцип общей и равной ответственности родителей за воспитание детей. Обязанность содержать несовершеннолетнего ребенка установлена ст. 80 СК РФ и содержится в ст. 38 Конституции РФ [7].

Законом допускается возможность самим родителям определить порядок и формы предоставления содержания детям. Обязанность по предоставлению содержания возлагается на родителей на весь период до достижения ребенком совершеннолетия. Из этого законодательного правила есть исключения: если ребенок эмансипирован до достижения им возраста восемнадцати лет, то он приобретет полную дееспособность. В соответствии с п. 2 ст. 120 СК РФ выплата денег на его содержание родителем прекращается.

Определяя временные рамки уплаты алиментов, небезынтересным представляется рассмотрение вносимых проектов законодательных актов, предлагающих установить алименты для студентов до 23 лет, обучающихся по очной форме. Так, например, законопроект разработанный депутатом Олегом Михеевым, и внесенный в Госдуму еще в 2014 г., предлагает закрепить в СК РФ право на алименты совершеннолетних детей, проходящих обучение, где предусмотрена обязанность родителей содержать детей, обучающихся в образовательных учреждениях всех типов и не имеющих самостоятельного заработка, до достижения такими детьми возраста 23 лет. Такое правило по содержанию законопроекта распространяется только на учащихся по очной форме обучения на местах, финансируемых за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов [1].

Внести поправки в СК и РФ и рассмотреть закон об алиментах на детей до 23 лет предлагали депутаты М.М. Абасов, А.С. Прокопьев. Проект № 876581-6 получил разные отзывы в регионах. В Государственной Думе РФ зарегистрированы в ноябре–декабре 2015 г. положительные отзывы от законодательных органов Вологодской и Астраханской областей, а также отрицательный отзыв от законодателей Ульяновской области. Рассмотрев законопроект, профильный Комитет ГД рекомендовал отозвать проект, предусматривающий взыскание алиментов на ребенка до 23 лет.

После вынесения Заключения профильного Комитета ГД о нецелесообразности принятия законопроекта, по причине его противоречивости концепции алиментных отношений в РФ, был получен отзыв Правительства. Согласно тексту отзыва Правительство не поддержало законодательную инициативу. В итоге законопроект об алиментах на подростка до 23 лет был отозван депутатами. 23 марта 2016 г. проект № 876581-6 был снят с рассмотрения.

Депутаты предлагали расширить содержание СК РФ ст. 85, предлагая установить алименты для студентов до 23 лет, которые учатся на дневной форме. При этом предлагалось не учитывать форму собственности учебного заведения и уровень успеваемости. Размер платежей должен был исчисляться в фиксированной сумме. Эти поправки предлагалось внести для алиментов, назначаемых судом, а не на основании соглашения.

Оценивая нормативно-правовую алиментно-обязательственную картину по состоянию на сегодняшний день, резонно отметить, что по-прежнему срок для общих выплат (ст. 120 СК РФ) все так же ограничен – до 18 лет или эмансипации. Новый закон об алиментах на ребенка до 23 лет, расширяющий список получателей, либо увеличивающий срок выплат, не все еще принят. Новых проектов закона также пока не внесено. Но продолжают действовать нормы по выплате на нуждающихся нетрудоспособных совершеннолетних граждан. При этом стоит разграничивать понятие алименты после 18 лет и погашение задолженности за предыдущие периоды. Достижение получателем совершеннолетия не освобождает от выплаты всей суммы задолженности, сформировавшей до достижения 18 лет [8].

В силу действующего российского законодательства право собственности на алименты имеет ребенок. Данное положение кардинально отличается, например, от положений закона Украины: алименты, полученные на ребенка, являются собственностью того из родителей, на имя кого они выплачиваются, и должны использоваться по целевому назначению [9].

Наиболее распространенным способом определения размера алиментов является такой способ, как в виде ежемесячных платежей в долевом отношении к заработку и (или) иному доходу родителей (п. 1 ст. 81 СК РФ). Несомненно, преимуществом долевого определения размера алиментов является простота индексации установленного размера в зависимости от уровня инфляции. Законом допускается возможность изменения размера долей как в сторону уменьшения, так и увеличения (п. 2 ст. 81 СК РФ). Такая возможность, на наш взгляд, максимально учитывает интересы как плательщика, так и получателя алиментов.

Другим видом взыскания алиментов на детей является взыскание их в твердой денежной сумме (ст. 83 СК РФ). Размер твердой денежной суммы законодательно не определен, это задача суда, решая которую он учитывает при определении размера алиментов семейное и материальное положение и истца, и ответчика.

Кроме материального и семейного положения во внимание должны приниматься любые другие юридически значимые обстоятельства.

С учетом положительного опыта целого ряда зарубежных государств и принимая во внимание высокую социальную значимость надлежащего обеспечения прав детей, предлагалось создать Государственный фонд поддержки детей, не получающих алименты на свое содержание. Несмотря на наличие сложных проблем, связанных с финансированием такого фонда и с последующим взысканием с должников выплаченных государством денежных средств, его создание способствовало бы реализации конституционных положений о гарантиях государства в воспитании детей, защите семьи, материнства и детства.

Субъектом прав на получение алиментов в силу закона являются также совершеннолетние дети при условии, что они нетрудоспособны (ст. 85 СК РФ). В таких ситуациях родители обязаны продолжать выполнение обязанности по содержанию детей, нуждающихся в помощи.

Условием возникновения права нетрудоспособных детей на получение от их родителей алиментов признана нуждаемость в поддержке и помощи. Если совершеннолетний гражданин, являющийся нетрудоспособным, не имеет возможности для приобретения минимума необходимых продуктов питания, других товаров, нужных каждому для поддержания жизнедеятельности, а также лекарств для обеспечения сохранения здоровья, то возникает необходимость признания такого гражданина лицом, нуждающимся в помощи.

Установить пределы степени нуждаемости человека в материальной поддержке помогает величина прожиточного минимума.

Размер алиментов на нетрудоспособных детей определяется по соглашению сторон или судом в твердой денежной сумме, взыскиваемой ежемесячно с обязанного к уплате лица. Так же как и в случаях взыскания алиментов на несовершеннолетних детей, суд учитывает при определении размера семейное и материальное положении всех участников процесса.

В п. 1 ст. 87 СК РФ закреплена обязанность трудоспособных совершеннолетних детей по содержанию нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей, а также необходимость заботы о них, причем при обращении в суд с иском о взыскании алиментов на свое содержание основания нетрудоспособности и нуждаемости родители должны документально подтвердить. Помимо того, что при определении размера алиментов суд учитывает материальное и семейное положение родителей и детей и другие заслуживающие внимания интересы сторон (п. 3 ст. 87 СК РФ), он вправе учесть и всех трудоспособных совершеннолетних детей данного родителя, независимо от того, предъявлено требование к одному из детей нуждающегося родителя, ко всем детям или к нескольким из них (п. 4 ст. 87 СК РФ). Дети могут быть освобождены от данной обязанности в том случае, если судом будет установлено, что родители в прошлом уклонялись от выполнения ими родительских обязанностей (п. 5 ст. 87 СК РФ).

Исходя из положений ст. 80 СК РФ следует, что обязанность по содержанию несовершеннолетних детей является безусловной и превалирует над обязанностью по содержанию родителей, следовательно, удовлетворение иска в полном объеме может повлечь нанесение ущерба интересам несовершеннолетнего ребенка.

Обязанность супругов по взаимной материальной поддержке (ст. 89 СК РФ) основана на принципе равноправия супругов в семье и на более общей обязанности, предусмотренной п. 2 ст. 31 СК РФ, согласно которой супруги обязаны решать совместно вопросы ведения домашнего хозяйства, планирования семьи, воспитания и образования детей. Супруги должны в добровольном порядке договариваться о материальной поддержке друг друга [10].

Требования супруга о взыскании алиментов подлежат удовлетворению, если они основаны на действующем законодательстве: супруги состоят в зарегистрированном браке; отсутствует между супругами соглашение об уплате алиментов или соответствующих условий в брачном договоре; нетрудоспособность или нуждаемость супруга, требующего уплаты алиментов, или супруг указан в законе как имеющий право требовать уплаты алиментов; наличие у супруга-ответчика необходимых средств для оказания материальной помощи другому супругу. Алиментная обязанность возлагается на трудоспособного и на нетрудоспособного, на совершеннолетнего и на несовершеннолетнего супруга. Такие обстоятельства как нетрудоспособность и несовершеннолетие обязанного супруга могут быть учтены только при определении размера алиментов, но никак не являются основаниями для полного освобождения от их уплаты.

Когда речь идет о семейном положении плательщика алиментов, принимаются в расчет лишь лица, которым он по закону обязан предоставлять содержание. Лицо, обязанное платить алименты, признается обладающим достаточными средствами, если у него остаются доходы не ниже прожиточного минимума после выплаты алиментов не только супругу, но и всем иным лицам, которых он содержит на законных основаниях (иждивенцев, несовершеннолетних детей); после трат на крайне важные жизненно потребности. В противном случае такое лицо должно признаваться не имеющим необходимых средств для уплаты алиментов.

Супруг – получатель алиментов (кроме жен, беременных или имеющих общих детей в возрасте до трех лет) должен нуждаться в получении этих алиментов, в связи с чем, суды должны внимательно изучать материальное положение сторон. Право на получение алиментов от супруга не зависит от наличия других алиментообязанных лиц. Вместе с тем, если у

получателя алиментов есть родители или совершеннолетние дети, обязанные предоставлять ему содержание, это обстоятельство влияет на размер алиментов, требуемых им с супруга.

Круг лиц, имеющих право на взыскание алиментов в судебном порядке, достаточно обширен. Глава 15 СК РФ предусматривает перечень как близких родственников, так и лиц, совершенно не связанных кровным родством, но которые обязаны материально поддерживать друг друга. К таким лицам относятся несовершеннолетние и совершеннолетние нетрудоспособные братья и сестры (ст. 93 СК РФ), дедушки, бабушки и их внуки (ст. 94-95 СК РФ), воспитанники и фактические воспитатели (ст. 96 СК РФ), пасынки и падчерицы, отчим и мачеха (ст. 97 СК РФ). Во всех этих случаях право на обращение за алиментами к перечисленным лицам допускается только в случае невозможности получения содержания от алиментообязанных лиц первой очереди таких, как родители, дети или супруги.

Поскольку между плательщиком и получателем алиментов возникает меньшая степень близости, то это обстоятельство влияет на характер возникающих между ними обязательств. Так, возложение алиментных обязательств на братьев и сестер, дедушек и бабушек, внуков, пасынков и падчериц возможно только при наличии у них необходимых для уплаты алиментов средств. Еще одним условием наступления обязательства является трудоспособность плательщика алиментов. Исключение составляют дедушки и бабушки, предоставляющие содержание внукам независимо от своей трудоспособности.

Несмотря на то, что в судебной практике дела о взыскании алиментов фактических воспитателей со своих воспитанников встречаются достаточно редко, при их рассмотрении необходимо иметь в виду, что такие требования будут удовлетворены при условии, что истцы являются нетрудоспособными, нуждаются в материальной помощи, не могут получить ее от своих совершеннолетних трудоспособных детей, супругов или бывших супругов, содержали и воспитывали надлежащим образом ответчиков не менее пяти лет. Ответчик же должен достичь совершеннолетия и являться трудоспособным.

Подводя итог сказанному выше, необходимо отметить, что перечень лиц, имеющих право на взыскание алиментов, в том числе и в принудительном порядке, установлен Семейным кодексом РФ, а возможность взыскания алиментов обусловлена определенными обстоятельствами, которые относятся как плательщикам алиментов, так и к получателям.

Примечание

[1] Гарант.Ру. Информационно-правовой портал // URL: https://www.garant.ru/news/545371.

Библиографические ссылки

1. Романова И.Н. Актуальные вопросы новеллизации правовой регламентации сферы нотариальной деятельности в Российской Федерации // Нотариус. 2012. № 4. С. 13-15.
2. Гришаев С.П. Алиментные обязательства [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Низамиева О.Н. Семейное право на рубеже XX-XXI веков // Семейное и жилищное право : обзор выступлений на международной научно-практической конференции. 2011. № 4 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Антокольская М.А. Семейное право : учебник. М. : Юрист, 2010.
5. Чашкова С.Ю. Система договорных обязательств в российском семейном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
6. Усачева Е.А. Проблемы определения предмета и субъектного состава соглашения об уплате алиментов // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8. С. 1650-1656.

7. Конституция Российской Федерации: (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: по состоянию на 01 апреля 2018 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Алименты на ребенка в возрасте до 23 лет [Электронный ресурс] // Национальный правовой портал. URL: https://viplawyer.ru/alimenty-na-rebenka-do-23-let/#__23__2019.
9. Закон Украины «Об исполнительном производстве» с изменениями и дополнениями, внесенными Законами Украины от 7 июля 2010 года № 2453-VI (ст.ст. 70,74) [Электронный ресурс]. URL: http://zakon.rada.gov.ua/egi-bin/laws/main egi?nreg=2947-14.
10. Чефранова Е.А. Правовое регулирование имущественных отношений супругов // Российская юстиция. 1996. № 7. С. 35-36.

References

1. Romanova I.N. Aktual'nyye voprosy novellizatsii pravovoy reglamentatsii sfery notarial'noy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii (Topical issues of the novelization of legal regulation of the scope of notarial activities in the Russian Federation). *Notarius*, 2012, No. 4, pp. 13-15.
2. Grishayev S.P. Alimentnyye obyazatel'stva (Alimony obligations). Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus».
3. Nizamiyeva O.N. Semeynoye pravo na rubezhe XX-XXI vekov (Family law at the turn of the XX-XXI centuries). *Semeynoye i zhilishchnoye pravo*, obzor vystupleniy na mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 2011, No. 4. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus».
4. Antokol'skaya M.A. Semeynoye pravo (Family Law), uchebnik. Moscow, Yurist, 2010.
5. Chashkova S.Yu. Sistema dogovornykh obyazatel'stv v rossiyskom semeynom prave (The system of contractual obligations in Russian family law), dis. ... kand. yurid. nauk. Moscow, 2004.
6. Usacheva Ye.A. Problemy opredeleniya predmeta i sub"yektnogo sostava soglasheniya ob uplate alimentov (Problems of determining the object and subject composition of the agreement on the payment of alimony). *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava*, 2014, No. 8, pp. 1650-1656.
7. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: (prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12 dekabrya 1993 g.: po sostoyaniyu na 01 aprelya 2018 g.) (The Constitution of the Russian Federation: (adopted by popular vote on December 12, 1993: as of April 1, 2018). Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus».
8. Alimenty na rebenka v vozraste do 23 let (Alimony for a child under the age of 23). *Natsional'nyy pravovoy portal*. URL: https://viplawyer.ru/alimenty-na-rebenka-do-23-let/#__23__2019.
9. Zakon Ukrainy «Ob ispolnitel'nom proizvodstve» s izmeneniyami i dopolneniyami, vnesennymi Zakonami Ukrainy ot 7 iyulya 2010 goda № 2453-VI (st.st. 70,74) (The Law of Ukraine "On Enforcement Proceedings" with amendments and additions introduced by the Laws of Ukraine dated July 7, 2010 No. 2453-VI (Articles 70.74). URL: http://zakon.rada.gov.ua/egi-bin/laws/main egi?nreg=2947-14.
10. Chefranova Ye.A. Pravovoye regulirovaniye imushchestvennykh otnosheniy suprugov (Legal regulation of property relations of spouses). *Rossiyskaya yustitsiya*, 1996, No. 7, pp. 35-36.

Дата поступления: 28.04.2019 *Received: 28.04.2019*

УДК 347+347.61/64

К ВОПРОСУ О ПРИСУЖДЕНИИ И ВЗЫСКАНИИ АЛИМЕНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

СКУЛОВА Ирина Александровна
аспирант кафедры гражданского права, международного частного права и гражданского процесса Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), г. Москва, Россия.
E-mail: rina905@yandex.ru

Актуальными в современной России остаются вопросы, связанные с алиментными обязательствами граждан, которые в соответствии с семейным законодательством обязаны выплачивать содержание детям и супругам, особенно после расторжения брака. Жизненные реалии выявляют в качестве одной из таких проблем нежелание бывшего супруга воспользоваться правом на получение алиментов. Особенно острой эта проблема становится, когда речь идет о содержании общих детей после расторжения брака. Отказываясь от взыскания алиментов на несовершеннолетнего, проживающий с ним родитель нарушает, прежде всего, права и законные интересы собственного ребенка. В качестве мер, способных изменить такое положение, автор предлагает обязывание суда в ходе бракоразводного процесса не только определять в случае отсутствия соглашения о выплате алиментов, с кого из родителей и в каких размерах взыскиваются алименты на их детей, но и назначить алименты в судебном заседании. Кроме того необходимо законодательно обязать родителя, с которым остался ребенок и который отказывается от обращения в суд о взыскании алиментов, обращаться в суд, а за невыполнение данного требования ввести ответственность.

Ключевые слова: семейное право, алиментные обязательства, суд, органы опеки и попечительства, содержание несовершеннолетних детей и бывших супругов.

TO THE ISSUE OF AWARDING AND RECOVERING ALIMONY IN MODERN RUSSIA

SKYLOVA Irina Alexandrovna
Postgraduate Student of the Department of Civil Law, International Private Law and Civil Procedure of the Law Institute of the Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia. E-mail: rina905@yandex.ru

The issues related to alimony obligations of citizens who, according to family law, are obliged to pay maintenance to children and spouses, especially after divorce, remain topical in modern Russia. Life realities reveal the reluctance of the former spouse to use the right to receive alimony as one of such problems. This problem becomes especially acute when this refers to the maintenance of common children after divorce. Refusing to recover alimony for a minor, the parent living with him violates primarily the rights and legitimate interests of his own child. As measures that can change this situation, the author proposes to oblige the court during divorce proceedings not only to determine if there is no agreement on alimony payment, from which parent and in what amounts alimony is recovered on their children, but also to award alimony in court. In addition, the author shares the point of view according to which it is necessary to legally oblige the parent, with whom the child remains and who refuses to apply to court for alimony, to go to court, and for failing to comply with this requirement, to introduce responsibility.

Key words: family law, alimony obligations, court, guardianship and custody, maintenance of minor children and former spouses.

В Семейном кодексе РФ (далее – СК РФ) закреплена обязанность родителей содержать своих несовершеннолетних детей. В условиях полноценной семьи в целом эта норма семейного законодательства выполняется. Однако ситуация меняется, когда один из родителей, обычно из-за развода, перестает предоставлять предусмотренное законом материальное содержание своему ребенку. Нередко родитель (как правило, мать), на иждивении которого остался ребенок после расторжения брака, в силу психологических причин или в надежде на заключение соглашения об уплате алиментов в будущем не требует в суде присуждения алиментов. При этом права и законные интересы несовершеннолетнего ребенка, которому предназначено содержание, безусловно, нарушаются. В данном случае правовое регулирование алиментных правоотношений нормами российского семейного законодательства представляется не безупречным.

Прежде всего, в контексте рассматриваемой проблемы следует сказать о том, что в силу п. 1 ст. 21 СК РФ при наличии у супругов общих несовершеннолетних детей расторжение брака производится в судебном порядке. Однако законодатель не счел необходимым обязать в этом случае суд присуждать алименты в пользу родителя, на иждивении которого остается ребенок. Так, в соответствии с п. 2 ст. 24 СК РФ в случае если отсутствует соглашение между супругами о порядке выплаты средств на содержание детей и (или) нетрудоспособного нуждающегося супруга, о размерах этих средств, а также в случае, если установлено, что данное соглашение нарушает интересы детей или одного из супругов, суд обязан лишь определить, с кого из родителей и в каких размерах взыскиваются алименты на их детей. В то же время ст. 106 СК РФ гласит о том, что при отсутствии соглашения об уплате алиментов члены семьи, определенные в законе, вправе обратиться в суд с требованием о взыскании алиментов, то есть предполагается отдельное обращение с иском о присуждении алиментов.

Согласно п. 3 ст. 80 СК РФ при отсутствии соглашения родителей об уплате алиментов, при непредоставлении содержания несовершеннолетним детям и при непредъявлении иска в суд орган опеки и попечительства вправе предъявить иск о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей к их родителям (одному из них).

Следует отметить еще одну норму, закрепленную в ст. 90 СК РФ, в силу которой право требовать предоставления алиментов в судебном порядке от бывшего супруга, обладающего необходимыми для этого средствами, в частности, имеют бывшая жена в период беременности и в течение трех лет со дня рождения общего ребенка и нуждающийся бывший супруг, осуществляющий уход за общим ребенком-инвалидом до достижения ребенком возраста 18 лет или за общим ребенком – инвалидом с детства I группы. Как видно из приведенных законодательных положений, в вопросах алиментных отношений не учитывается тот факт, что получатель содержания на несовершеннолетнего ребенка вполне может проигнорировать предоставленную законом возможность, тем самым нарушая не свои интересы, а право собственного ребенка, что нередко и происходит на практике. Действительно, определенное эмоционально-психическое состояние в процессе расторжения брака часто обусловливает не совсем логичные поступки, в ряду которых вполне можно рассматривать нежелание одного из супругов при отсутствии соответствующего соглашения требовать в судебном порядке назначения алиментов на несовершеннолетнего ребенка. В данной ситуации законодательство оставляет право несовершеннолетнего на содержание со стороны родителя незащищенным, ведь даже орган опеки и попечительства не обязан, а вправе предъявить иск о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей к их родителям (одному из них).

Что касается приведенной выше нормы ст. 90 СК РФ о праве требования алиментов бывшей жены в период беременности и до достижения общим ребенком возраста трех лет, а также бывшего супруга, осуществляющего уход за общим ребенком-инвалидом, то представляется необходимым отметить следующее: подобные права в силу ст. 89 СК РФ имеют также супруги, состоящие в браке, поэтому само разграничение прав супругов и бывших супругов

законодателем, на наш взгляд, должно было бы предполагать различие в подходах. Если в первом случае (супруги, состоящие в браке) с учетом специфики семейной жизни вопрос о требовании алиментов в указанных случаях действительно может решаться на уровне предоставления выбора, то есть права, то во втором случае обеспечение матери еще не родившегося ребенка или родителя, воспитывающего несовершеннолетнего инвалида, должно трактоваться как обязанность бывшего супруга, а обращение в суд с указанным требованием – как обязанность родителя, проживающего с ребенком. В то же время очевидно, что на законодательном уровне обязать гражданина обращаться с иском в суд невозможно. В связи с этим представляется целесообразным внести в СК РФ обязанность суда при разводе не только определять, кто и в каком размере платит алименты, но и назначать их во время бракоразводного процесса, если у расторгающих брак супругов отсутствует соответствующее соглашение. Такую же обязанность следует вменить органам опеки и попечительства в случаях, когда бывший супруг не принимает участия в содержании ребенка, а проживающий с последним родитель не обращается с требованием об уплате алиментов в суд. Б.М. Гонгало справедливо пишет о том, что алиментное обязательство не может возникнуть само по себе: его появление возможно лишь тогда, когда существует обязанность предоставлять содержание и эта обязанность либо не исполняется, либо исполняется ненадлежащим образом, либо все или кто-то из участников соответствующего отношения пожелали возникновения алиментного обязательства [1, с. 231]. О.В. Капитова отмечает, что алиментные обязательства составляют субъективное право одной стороны – члена семьи, которому в соответствии с законом предоставлено право требовать предоставления алиментных платежей, и соответствующая юридическая обязанность другой стороны – члена семьи, на которого законом возложена обязанность предоставлять алиментные платежи их получателю [2, с. 12].

Как представляется, данные мнения следует дополнить в рамках рассматриваемой проблемы тем, что когда обязанность предоставлять содержание не исполняется или исполняется ненадлежащим образом и участники данных отношений не желают их надлежащего исполнения, нарушаются права и законные интересы третьих лиц. Когда речь идет о содержании несовершеннолетних детей, законодательство должно устранять возможность ситуации, при которой получатель алиментов на этих детей может де-факто отказаться от того, что положено его ребенку де-юре. Нежелание некоторых граждан реализовать право требовать предоставления алиментов должно законодательно компенсироваться обязанностью суда и органов опеки и попечительства обеспечивать указанные права несовершеннолетних.

Следует обратить внимание на то, что согласно п. 1 ст. 107 СК РФ лицо, имеющее право на получение алиментов, сохраняет право на обращение в суд с заявлением о взыскании алиментов независимо от срока, истекшего с момента возникновения права на алименты, если алименты не выплачивались ранее по соглашению об уплате алиментов. Таким образом, срока давности для обращения в суд с требованием взыскания алиментов семейное законодательство не устанавливает: пока существует законное право на получение алиментов, лицо может им воспользоваться в любой момент. Однако нужно иметь в виду следующее: алименты присуждаются с момента обращения в суд и за прошедший период могут быть взысканы в пределах трехлетнего срока с момента обращения в суд, если последним установлено, что до обращения в суд принимались меры к получению средств на содержание, но алименты не были получены вследствие уклонения лица, обязанного уплачивать алименты, от их уплаты.

Верховный Суд РФ в постановлении Пленума от 26 декабря 2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» пояснил, что о мерах, принятых в целях получения алиментов, могут свидетельствовать, в частности, обращение истца к ответчику (например, посредством направления телеграмм, заказных писем с уведомлением либо посредством электронной почты) с требованием об уплате алиментов либо с предложением заключить соглашение об уплате алиментов, обращение к

мировому судье с заявлением о выдаче судебного приказа о взыскании алиментов на несовершеннолетнего ребенка (если впоследствии судебный приказ был отменен).

Таким образом, несвоевременное решение вопроса о присуждении алиментов приводит к реальным и чаще всего невосполнимым потерям, поскольку отказ от получения законного содержания в форме неиспользования своего права (особенно в случае с бывшими супругами и их детьми) не сопровождается принятием мер, перечисленных в указанном постановлении Пленума Верховного Суда РФ. Иными словами, взыскать алименты за прошедший период и только в пределах трех лет с момента обращения в суд могут лишь те лица, которые пытались различными внесудебными способами отстоять свое право или право своих детей на получение содержания, а другая сторона уклонялась от исполнения своей обязанности. Что касается лиц, отказавшихся от реализации своего законного права или права ребенка на получение алиментов, то для них возмещение потерянного содержания невозможно.

«Внутренним содержанием алиментных обязательств, – совершенно справедливо пишет А.М. Нечаева, – служит извечный закон человеческого общества, предписывающий заботиться о том члене семьи, семейного коллектива, который почему-либо обеспечить себя пищей, одеждой и прочим сам не может. Другими словами, алиментирование есть правовая предпосылка обеспечения жизни особой категории лиц, не способных существовать без посторонней помощи» [4, с. 45]. Отсутствие указанной исследователем заботы как исполнения «извечного закона человеческого общества» может быть присуще не только тому, кто обязан оказывать помощь близкому, но и тому, кто представляет интересы последнего и действует от его имени. Полагаем, что иначе как отсутствием такой заботы трудно назвать, например, нежелание одного из родителей в силу личностных причин использовать право обратиться в суд с требованием о взыскании алиментов на содержание ребенка. Еще раз подчеркнем, что в этом случае с помощью правового регулирования принудить гражданина к реализации его права невозможно, в связи с чем, требуются иные меры, в частности, обязывание суда и органов опеки и попечительства назначать алименты: во время бракоразводного процесса в первом случае и когда обязанный содержать ребенка не делает этого, а проживающий с ребенком родитель не обращается в суд – во втором случае.

В связи со сказанным предлагаем следующие законодательные меры, призванные защитить законные права и интересы лиц, нуждающихся в содержании, и прежде всего несовершеннолетних детей.

1. Внести в п. 2 ст. 24 СК РФ положение об обязанности суда в случае, указанном в п. 1 означенной статьи в части, касающейся несовершеннолетних детей, назначать алименты независимо от наличия (отсутствия) такого требования со стороны супруга, с которым остается ребенок. При этом назначение алиментов не должно связываться с тем, существует спор о детях или нет. Иными словами, назначение алиментов на несовершеннолетних детей должно, по нашему мнению, стать обязательным и для мирового судьи, и для районных судов. Помимо указанных изменений поправки целесообразно внести также и в Гражданский процессуальный кодекс РФ. Кроме того, подобная обязанность суда должна быть закреплена и в отношении супруга, имеющего право на получение содержания от другого супруга, то есть суд должен не только определить размер этого содержания, но и назначить его независимо от наличия (отсутствия) соответствующего требования.

2. В п. 3 ст. 80 СК РФ право органа опеки и попечительства на предъявление иска о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей к их родителям при отсутствии соглашения последних об уплате алиментов и при непредоставлении содержания несовершеннолетним детям заменить обязанностью. Как представляется, данное положение будет являться дополнительным стимулом для органов опеки и попечительства в случаях, когда им становится известно, что несовершеннолетний ребенок из-за нежелания своего родителя подавать иск о взыскании алиментов не получает положенного ему по закону содержания.

В заключение отметим, что нам близка позиция Н.В. Кравчук, которая, в частности, предлагает заменить закрепленное в ст. 106 СК РФ право обратиться в суд с требованием о взыскании алиментов обязанностью, а также установить законодательно ответственность за отказ родителя, проживающего совместно с ребенком, от средств, предназначенных для содержания ребенка, или уклоняющегося от составления соглашения об алиментах или от обращения в суд [3, с. 41-42]. Однако, как указывалось выше, обязать гражданина обращаться в суд даже под угрозой ответственности за нарушение такого требования, сложно, а порой невозможно, поэтому предлагаемые нами меры, как представляется, могут оказаться более эффективными. В то же время не исключаем возможности одновременного законодательного закрепления рассмотренных обязанностей суда, органов опеки и попечительства и граждан.

Библиографические ссылки

1. Гонгало Б.М., Крашенинников П.В., Михеева Л.Ю., Рузакова О.А. Семейное право : учебник / под ред. П.В. Крашенинникова. М. : Статут, 2008.
2. Капитова О.В. Правовая природа механизма алиментирования в семейном праве Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2009.
3. Кравчук Н.В. Обеспечение права детей на получение алиментов: проблемы и пути их решения / АНО «Совет по вопросам управления и развития». М. : ООО «Деловые и юридические услуги “ЛексПраксис”», 2014.
4. Нечаева А.М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М. : Юрайт-Издат, 2007.

References

1. Gongalo B.M., Krasheninnikov P.V., Mikheyeva L.Yu., Ruzakova O.A. Semeynoye pravo (Family Law), uchebnik, pod red. P.V. Krasheninnikova. Moscow, Statut, 2008.
2. Kapitova O.V. Pravovaya priroda mekhanizma alimentirovaniya v semeynom prave Rossiyskoy Federatsii (The legal nature of the alimentation mechanism in the family law of the Russian Federation), avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Moscow, 2009.
3. Kravchuk N.V. Obespecheniye prava detey na polucheniye alimentov: problemy i puti ikh resheniya (Ensuring the right of children to receive alimony: problems and their solutions), ANO «Sovet po voprosam upravleniya i razvitiya». Moscow, OOO «Delovyye i yuridicheskiye uslugi “LeksPraksis”», 2014.
4. Nechayeva A.M. Semeynoye pravo: aktual'nyye problemy teorii i praktika (Family Law: Actual Problems of Theory and Practice). Moscow, Yurayt-Izdat, 2007.

Дата поступления: 30.04.2019 *Received: 30.04.2019*

УДК 347+347.61/64

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ЛЬГОТ НА ТРАНСПОРТЕ

PARTICULARITIES OF PROVIDING SOCIAL BENEFITS IN TRANSPORT

ТИМОНИНА Ирина Владимировна
кандидат юридических наук, доцент кафедры теория права, история права и международное права Российского университета транспорта (МИИТ), Москва, Россия. E-mail:timonina61@yandex.ru

TIMONINA Irina Vladimirovna
Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Department of Theory of Law, History of Law and International Law of the Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia. E-mail:timonina61@yandex.ru

В настоящее время в России сформировалось большое количество форм и видов предоставления социальной помощи незащищенным слоям населения. Стоит отметить и тот факт, что правовой статус социальных льгот значительно вырос. Введение транспортных и иных льгот необходимо для социального выравнивания границ между различными категориями граждан. Основные функции социальных льгот отражают цели законодательного их закрепления и преимущества, правовую природу и социальную значимость. Практика показывает, что льготы, предоставляемые на пользование транспортом, как и иные виды льгот, регулируются как федеральным, так и региональным законодательством, а важной отличительной чертой нормативно-правовой базы социальных льгот по системе социального обеспечения является подразделение их по категориям граждан, а не по их содержанию. Следует отметить, что условия и способы предоставления социальных транспортных льгот для разных категорий граждан могут иметь существенные различия. Необходимо обратить внимание на тот факт, что федеральные льготники, а также ветераны труда, инвалиды и неработающие пенсионеры Российской Федерации имеют больше привилегий и льгот, в отличие от работающих граждан пенсионного возраста. Несомненно, важна роль государства, направленная на социальную защиту ветеранов, молодёжи, инвалидов и иных категорий граждан.

Ключевые слова: социальные льготы, социальная защита, транспорт, правовое регулирование, категории и льготников, система транспортных льгот, пенсионеры, инвалиды, ветераны.

Currently, Russia has formed a large number of forms and types of social assistance to disadvantaged groups. It is worth noting the fact that the legal status of social benefits has increased significantly. The introduction of transport and other benefits is necessary to even out social differences between categories of citizens. The main functions of social benefits reflect the objectives of their legislative consolidation and advantages, legal nature and social significance. Practice shows that the benefits provided for using transport, as well as other types of benefits are regulated by both federal and regional legislation; an important distinctive feature of the regulatory framework of social benefits under the social security system is their division according to categories of citizens and not according to their content. It should be noted that the conditions and methods of providing social transport benefits for different categories of citizens may have significant differences. It is necessary to pay attention to the fact that federal benefit holders, as well as labor veterans, disabled people and non-working pensioners of the Russian Federation have more privileges and benefits, than working people of retirement age. Undoubtedly, the role of the state, aimed at social protection of veterans, youth, disabled and other categories of citizens, is important.

Key words: social benefits, social protection, transport, legal regulation, categories of benefit holders, system of transport benefits, pensioners, disabled, veterans.

Статья 7 Конституции РФ даёт правовую регламентацию Российской Федерации, как социального государства, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [1]. В настоящее время, в России сформировалось большое количество форм и видов предоставления социальной помощи незащищенным слоям населения. Стоит отметить и тот факт, что в последнее время правовой статус социальных льгот значительно вырос. Их введение необходимо для социального выравнивания границ между различными категориями граждан.

Одной из форм социальной защиты граждан является обеспечение социальными льготами и пособиями особо нуждающихся категорий населения Российской Федерации. При предоставлении подобных льгот ведется индивидуальный учет ситуаций и конкретных обстоятельств [2]. Основные функции социальных льгот отражают цели законодательного их закрепления и преимущества, правовую природу и социальную значимость. Социальные транспортные льготы предполагают бесплатный или частично оплачиваемый гражданином проезд на конкретных видах общественного городского транспорта, а также на электропоездах пригородного сообщения, авиационном и водном транспорте. Льготы, предоставляемы на пользование транспортом, как и иные виды льгот, регулируются как федеральным, так и региональным законодательством, а важной отличительной чертой нормативно-правовой базы социальных льгот по системе социального обеспечения является подразделение их по категориям граждан, а не по их содержанию. То есть, в большинстве ситуаций социальные льготы по системе социального обеспечения регулируются и предоставляются Российским законодательством в зависимости от категории незащищенных граждан Российской Федерации, которым они полагаются [7]. Транспортные социальные льготы предоставляются по следующим категориям граждан: пенсионерам; ветеранам различных категорий; инвалидам; детям-сиротам; многодетным семьям и семьям, имеющие детей-инвалидов; жертвам политических репрессий и другим категориям. Льготы на транспорте могут предоставляться на наземном транспорте общего пользования, подземном транспорте, воздушном и водном видах транспортных средств, на пригородных электропоездах и поездах дальнего следования, а также на отдельных видах маршрутных транспортных средствах (например, служба такси) [3].

Несмотря на идентичность, условия и способы предоставления социальных льгот для разных категорий граждан могут иметь существенные различия. Стоит начать с рассмотрения условий предоставления социальных льгот на транспорте такой категории граждан, как пенсионеры, так как данная категория является самой многочисленной в Российской Федерации. Льготы на муниципальном транспорте общего пользования полагаются всем гражданам, достигшим пенсионного возраста. Но региональные льготы могут существенно отличаться в способах их предоставление на разных территориях их предоставления (например, в одном субъекте Российской Федерации в качестве льготы на общественный транспорт будет выдаваться социальная транспортная карта, а в ином субъекте Российской Федерации будет предоставляться 50% скидка). В пригородных поездах правом на бесплатный проезд пользуются инвалиды войны, ветераны Великой Отечественной Войны, ветераны боевых действий, члены экипажей кораблей транспортного флота, находившиеся во время начала ВОВ в портах зарубежных стран [4].

Необходимо отметить, что федеральные льготники, а также ветераны труда, инвалиды и неработающие пенсионеры Российской Федерации имеют больше привилегий и льгот, в отличие от работающих граждан пенсионного возраста. Федеральным льготникам и неработающим гражданам пенсионного возраста, например, предоставляются социальные льготы на проезд не только на городском транспорте общего пользования, поездах пригородного сообщения, но водном, и воздушном транспорте и так далее. Социальные льготы на транспорте предоставляются также такой многочисленной категории из наименее социально защищённых слоёв населения, как школьники и студенты образовательных учебных заведений Российской Федерации.

Обязательным условием для предоставления льготного проезда для граждан, учащихся в школах является наличие статуса школьника или студента, для получения которого необходимо быть зачисленным в образовательное учреждение, а также обязательное посещение того или иного образовательного учреждение и прохождение периодической аттестации обучающегося. Гражданам, обучающихся в школах, для получения социальных льгот на проезд необходимо предоставить ученический билет или ученическую справку по месту обучения, которая в обязательном порядке должна содержать фотографию ученика. Для получения ученического билета детям, обучающимся в общеобразовательных школах в возрасте от 10 до 14 лет необходимо представить справку ученика по месту учебы; школьникам от 14 лет, кроме справки, необходимо представить документы, подтверждающие право на получение льготного проезда. Кроме того, школьники имеют право оформить социальную карту, которая также предполагает льготный проезд на общественном транспорте. Данные карты оформляются в многофункциональных центрах, вне зависимости от места регистрации [5]. Немаловажно то, что школьники, достигшие 14-лет, имеют право самостоятельно оформить социальную карту в МФЦ; родителям, в подобной ситуации, необходимо предъявить паспорт. Обязательным условием для получения социальных льгот на транспорте студентам высших и средних учебных заведений, является их статус студента по приказу зачисления в высшее или среднее специальное учебное заведение и обучающихся на очной форме обучения. Но необходимо обратить внимание на то, что предоставление социальных льгот на транспорте студентам и учащимся общеобразовательных учреждений предоставляется только в учебный период с сентября по июнь месяц.

Правом на льготный проезд в общественном транспорте и электропоездах пригородного сообщения пользуется и такая категория граждан, как лица с ограниченными возможностями (инвалиды), вне зависимости от их категории. Для получения ими права на льготный проезд данная категория граждан должна предъявить документ, подтверждающий наличие инвалидности и документ, удостоверяющий личность. Кроме того, по Федеральному Закону № 181, правом на льготный проезд будет обладать не только гражданин, имеющий статус инвалида, но и гражданин его сопровождающий. [6] Граждане, имеющие инвалидность I и II категории по зрению, не имеющие двух конечностей или с параличом двух конечностей обеспечиваются бесплатным проездом на всех видах городского транспорта общего пользования (исключение составляет служба такси). Кроме права на бесплатный проезд на городском транспорте, инвалидам также предоставляется право на бесплатный проезд на электропоездах пригородного сообщения. Льготный проезд в общественном городском транспорте предоставляется по предъявлению социального проездного билета. Социальным проездным билетом является именной проездной документ, который дает право предъявителю на проезд на транспорте общего пользования (за исключением такси) городского и пригородного сообщения. Льготный проезд инвалидам на междугородних линиях железнодорожного, воздушного, водного транспорта в период с 1 октября по 15 мая и один раз (туда – обратно) в иное время года, выражается в 50-процентной скидке со стоимости проезда. Также вышерассмотренные льготы предоставляются на лицо, сопровождающее инвалида I группы [5].

Следующей льготной категорией являются ветераны боевых действий, которые также обладают правом на льготный проезд на транспорте общего пользования и поездах пригородного сообщения. К данной льготной категории граждан относятся все военнослужащие срочной службы, службы по контакту, военнослужащие офицерского состава, принимавшие участие в боевых действиях и служившие в горячих точках. Льготное право на проезд на все виды наземного транспорта общего пользования (кроме такси и маршрутного такси), а также метро имеют и военные пенсионеры, которые также имеют право один раз в год бесплатно осуществлять поездки по путёвкам на санаторно-курортное лечение туда и обратно. Ветераны боевых действий, которые относятся к офицерскому составу, регулярно пользующиеся

городским наземным транспортом и метро, имеют право на приобретение проездного билета вне очереди. Для получения льготного (бесплатного) билета в городском транспорте общего пользования и метро ветераны боевых действий при приобретении проездного документа обязаны предъявить Удостоверение ветерана боевых действий установленного образца. Проезд на поездах пригородного сообщения для данной категории лиц действует скидка 50% от стоимости проездного билета.

Правом на льготный проезд на транспорте общего пользования обладают ветераны Великой отечественной войны, Герои труда, лица, пострадавшие в результате техногенных аварий. Бесплатным и льготным проездом на городском транспорте и транспорте пригородного сообщения пользуются граждане, подвергшиеся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС (ликвидаторы аварии, проживающие в зонах отселения отчуждения и другие категории граждан). Данная категория граждан обязана предъявлять для получения социальных льгот удостоверение чернобыльца.

Необходимо отметить, что дети, возрастом до 3 лет, не занимающие отдельные места в общественном транспорте или пригородных электропоездах, также имеют право на бесплатный льготный проезд всех видах общественного транспорта.

На пригородных электропоездах ОАО РЖД правом бесплатного проезда пользуются и следующие категории лиц: дети-инвалиды; сироты и несовершеннолетние, оставшиеся без попечения родителей; ветераны труда; труженики тыла Великой отечественной войны; многодетные семьи с детьми до 16-летнего возраста; ветераны войны.

Законодательство Российской Федерации предусматривает транспортные льготы, не входящие в систему социального обеспечения и для таких категорий граждан как: военнослужащие, судьи, государственные служащие, сотрудники Министерства Внутренних Дел Российской Федерации, и иных категорий граждан. То есть Российское законодательство предусматривает социальные транспортные льготы широкому кругу граждан. Но вместе с этим сохраняется необходимость дальнейшего совершенствования законодательства и расширения категорий граждан, нуждающихся в социальной поддержке, (например, работающих пенсионеров, лиц предпенсионного возраста; лиц, из числа молодых специалистов).

Подводя итог, следует отметить, что в данном направлении не слишком активно работают власти в регионах. Местные органы власти, в большинстве своём, стараются получить поддержку из центра и недостаточно выделяют средств на социальную поддержку граждан. Все вышеперечисленное негативно отражается на решении имеющихся социальных проблем в России в целом, и особенно в регионах. Думается, что проблема социальной защиты отдельных категорий граждан в части предоставления транспортных льгот может быть решена только с помощью различных механизмов: с помощью подъёма экономики, дальнейшего совершенствования законодательства в социальной сфере, исследования имеющихся проблем в данной сфере.

Библиографические ссылки

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014. № 11-ФКЗ).
2. Антипьева Н.В. Классификация критериев дифференциации правового регулирования в праве социального обеспечения // Актуальные проблемы Российского права. 2016. № 10. С.111-123
3. Лушникова, А.М. Курс права социального обеспечения. М. : Юстицинформ, 2013.
4. Крылов К.Д. Вопросы реализации прав и свобод личности в сфере труда и социального обеспечения // Актуальные проблемы Российского права. 2017. № 1. С. 20-27.
5. Агешкина Н.А. Справочник по льготам, выплатам, пособиям и компенсации. М. : Феникс, 2015.
6. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 24 ноября 1995 № 181-ФЗ (редакция 29.07.2018): принят Государственной Думой 20 июля

1995 г.: одобрен Советом Федерации 15 ноября 1995 г. » (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

References

1. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (The Constitution of the Russian Federation) (prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennykh Zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014. № 11-FKZ). Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsul'tant plyus».
2. Antip'yeva N.V. Klassifikatsiya kriteriyev differentsiatsii pravovogo regulirovaniya v prave sotsial'nogo obespecheniya (Classification of criteria for differentiation of legal regulation in law of social security). *Aktual'nyye problemy Rossiyskogo prava*, 2016, No. 10, pp.111-123.
3. Lushnikova A.M. Kurs prava sotsial'nogo obespecheniya (The course of social security law). Moscow : Yustitsinform, 2013.
4. Krylov K.D. Voprosy realizatsii prav i svobod lichnosti v sfere truda i sotsial'nogo obespecheniya (Issues of the realization of the rights and freedoms of the individual in the sphere of labor and social security). *Aktual'nyye problemy Rossiyskogo prava*, 2017, No. 1, pp. 20-27.
5. Ageshkina N.A. Spravochnik po l'gotam, vyplatam, posobiyam i kompensatsii (Handbook of benefits, payments, assistance and compensation). Moscow, Feniks, 2015.
6. O sotsial'noy zashchite invalidov v Rossiyskoy Federatsii: feder. zakon Ros. Federatsii ot 24 noyabrya 1995 № 181-FZ (On social protection of disabled persons in the Russian Federation: Federal law of the Russian Federation from 24 November, 1995 No. 181-FZ) (redaktsiya ot 29.07.2018) : prinyat Gosudarstvennoy Dumoy 20 iyulya 1995 g. : odobren Sovetom Federatsii 15 noyabrya 1995 g. (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2019.). Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsul'tant plyus».

Дата поступления: 14.05.2019 *Received: 14.05.2019*

УДК 347.1

СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ ФАКТОРЫ ДОГОВОРОВ ПЕРЕВОЗКИ ПАССАЖИРОВ

ФЕДОТОВА Диана Сергеевна
аспирант кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Ульяновского государственного университета, г. Ульяновск, Россия.
E-mail: fedotova_d_s@mail.ru

BACKBONE FACTORS OF PASSENGER TRANSPORT CONTRACTS

FEDOTOVA Diana Sergeevna
Postgraduate Student of the Department of Civil Law and Procedure of the Faculty of Law of the Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia. E-mail: fedotova_d_s@mail.ru

Существующие концепции построения системы гражданско-правовых договоров строятся с использованием в качестве системообразующих признаков такие, как признаки направленности результата, субъектного состава, возмездности и т.п. Вместе с тем, почти не уделяется внимание такому системообразующему фактору, как системная связь. Процесс системообразования связан с поиском факто-

The existing concepts of creating a system of civil contracts are formed with such backbone signs as signs of result orientation, subject structure, compensatory nature, etc. At the same time, little attention is paid to such a backbone factor as system linking. The process of forming a backbone system is connected with searching the factors uniting elements in an expedient unity. Now researchers' efforts

ров, объединяющих элементы в целесообразное единство. В настоящее время усилия исследователей чаще всего направлены на поиск критериев деления системы на части, а не на объединение. Система договоров перевозки пассажиров должна учитывать не только ее производность от системы общественных отношений, складывающихся в рамках перевозочного процесса, но и от существа связей функционирования и взаимодействия между элементами системы. Автор приходит к выводу о необходимости исследования взаимовлияний связи в системе, а также проблеме управления совокупностью системных связей.

Ключевые слова: система договоров, методология, договор перевозки пассажира, системообразующие факторы.

are most often aimed at finding criteria of dividing the system into parts, but not at uniting. The system of passenger transport contracts has to consider not only its derivativeness from the system of the public relations developing within transportation process but also from the essence of functioning and interaction links between system elements. The author concludes that it is necessary to study mutual link interferences within the system as well as the problem of administrating a set of system links.

Key words: contract system, methodology, passenger transport contract, backbone factors.

В настоящее время наблюдается перманентное усложнение общественных отношений между участниками транспортного процесса, связанного с доставкой людей в пункт назначения. Такие отношения представляют собой саморазвивающуюся систему, которая обусловливает системность договоров, направленных на перевозку пассажиров и багажа. В данной договорной системе появляются все новые элементы, которые могут служить как развитию системы, так и тормозить ее функционирование. К числу таких новейших договорных конструкций следует отнести договоры между владельцами транспортных инфраструктур: договор о предоставлении транспортной инфраструктуры в пользование; договор оказания услуг по предоставлению железнодорожного подвижного пассажирского состава в пользование; договор на оказание услуг оперативного управления пассажирскими перевозками. При определении роли и места каждого из названных элементов в системе необходимо исходить из того, что существуют силы, которые позволяют объединить разрозненные нормы права о договорах перевозки пассажиров и багажа в целесообразное единство.

При построении любой системы, в том числе и системы договоров перевозки пассажиров и багажа, должны учитываться системообразующие факторы. При их отсутствии система превращается во множество разрозненных компонентов, не способных согласованно функционировать. Выявление системообразующих факторов для исследователя является решением одновременно экспертной и конструктивной задач. Экспертная задача заключается в выяснении того, каким интегративным свойством будет обладать та или иная совокупность объектов, в качестве которых выступают договоры, обеспечивающие перевозку пассажиров и багажа. Конструктивная задача заключается в создании и сохранении такой взаимосвязанной совокупности объектов, чтобы получить или сохранить то или иное интегративное свойство.

Следует отметить, что системообразующие факторы играют инструментальную роль в процессе исследования уже существующей совокупности договоров на предмет возможности признания их системой. В этом аспекте проявляется субъективное значение системообразующих факторов, поскольку напрямую связано с человеческим восприятием существующей материи. Однако такие факторы также имеют объективную характеристику, поскольку проявляются в реальном мире при системной организации материи.

Системообразующие факторы следует отличать от критериев, лежащих в основе дифференциации системы. Благодаря первым вся совокупность элементов образует целостность,

обладающую интегративным свойством. Вторые относятся не ко всей системе, а к отдельным ее уровням. Причем, они нужны не столько для образования системы из отдельных элементов, сколько для их разграничения на отдельные группы. Как справедливо утверждает Д.А. Керимов, исследователи в сфере права в большей степени уделяют внимание дифференциации компонентов системы, «и явно недостаточно изучаются пути укрепления их системного единства» [5, с. 249].

Проиллюстрируем данные утверждения на примере соотношения направленности системы договоров пассажирских перевозок и багажа, и направленности интересов сторон этих договоров. Направленность системы связано непосредственно с интегративным свойством и объясняет факторы, лежащие в основании построения системы в целом, взаимосвязи всех ее компонентов. Направленность интересов сторон гражданско-правовых договоров может объяснить сходные свойства элементов внутри отдельных компонентов системы, но не всей системы в целом. Данный критерий нужен не для объединения договоров, а для их дифференциации на две группы (двусторонние и многосторонние договоры).

По той же причине не может рассматриваться в качестве системообразующего признака и регулярность пассажирских перевозок. Между тем, она служит критерием разграничения отдельных видов договоров по различным подсистемам. Различия в субъектном составе позволяют отграничить договоры в прямом смешанном сообщение, договоры между владельцами транспортных инфраструктур, договоры об оказании услуг по использованию транспортной инфраструктуры. Однако они не способны объяснить то, за счет чего образуются взаимозависимости перечисленных элементов системы. Между тем, Ю.В. Романец относит субъектные особенности к числу системообразующих признаков системы договоров [8, с. 39]. Наверное, поэтому автор видит смысл систематизации договоров в их разделении на группы [8, с. 40]. Используя критерии дифференциации, можно частично объяснить внутрисистемную иерархию. Так, исследуемая нами система договоров перевозки пассажиров и багажа имеет два уровня системной иерархии. На первом уровне происходит дифференциация на две подсистемы. Первая подсистема данного уровня включает в себя договоры, регулирующие отношения по непосредственному перемещению пассажиров и багажа в пространстве (договор перевозки пассажиров и багажа, договор фрахтования, договор перевозки пассажиров в прямом смешанном сообщении и т.п.). Вторая подсистема первого уровня включает договоры, которые не направлены на оказание услуг по перевозке, но без них доставка в пункт назначения невозможна. Эта подсистема обеспечивающих договоров, но уже на втором уровне системной организации дифференцируется на подсистему многосторонних (организационных) договоров и двусторонних договоров.

Однако при этом остается не ясным, почему одна подсистема взаимосвязана с другой, и почему компоненты расположены именно так, а не иначе. Ведь можно классифицировать элементы совершенно по иным критериям и тогда должна получиться абсолютно иная система гражданско-правовых договоров с другой структурой. На самом деле этого не произойдет. В этой связи полагаем сомнительным вывод Ю.В. Романца о том, что системообразующий признак не только разделяет по разным группам договоры, но и объединяет внутри одной группы [8, с. 11-12]. Действительно критерии дифференциации системы могут выполнять роль системообразующего признака внутри одной группы. Однако системообразование, т.е. объединение в единую целостность всех элементов системы, и разделение по разным группам это два противоположных по своей сути действия.

Исследование уже существующей системы всегда начинается с определения его интегративного свойства, «то есть свойством не являющимся суммой или средним объектов совокупности» [4, с. 48]. Интегративное свойство определяет предназначение системы, а потому всегда связано с ее целью, и даже формально ее определяет. В этой связи одним из важных системообразующих признаков следует признать целевую **направленность системы дого-**

воров перевозки пассажиров (выделено мной. – Д.Ф.) на результат [2, с. 320; 6, с. 42-43; 7, с. 73]. Следовательно, необходимо опираться на закономерности целеобразования систем. В частности, необходимо учитывать, что цель всегда взаимосвязана с конкретной стадией исследования объекта, внешней средой и внутренними системными факторами. Кроме того, сами цели также структурируются в зависимости от системной иерархии. Отмечается, что «задача формулирования обобщающей цели в сложных системах не только может, но и должна сводиться к задаче структуризации или декомпозиции цели» [3, с. 68].

Система договоров перевозки пассажиров и багажа направлена на регулирование общественных отношений по доставке пассажиров и багажа в пункт назначения. Это является ее интегративным свойством. Система преобразует общественные отношения между участниками перевозочного процесса в договорные правоотношения.

Системные связи как системообразующий фактор (выделено мной. – Д.Ф.)**.** Структура любой системы характеризуется наличием связи между элементами, «когда исключение или изменение одного из них может вызвать изменение других или даже повлечь разрушение всего системного целого» [5, с. 235]. Для системы договоров перевозки пассажиров связи (совокупность связей между элементами) являются системообразующим фактором, поскольку без связей между договорами нет системы [10, с. 133]. Чем больше связей в системе, тем она является более сложной. Степень системной организации напрямую зависит от числа связей системы. На сегодняшний день, к сожалению, отсутствует единство мнений по поводу структуры связи. Акцент в исследованиях ученых сделан на дифференциации связей и построении их матрицы [9]. При этом комплексного научного представления о сущности самой связи не сформулировано. Среди робких попыток, сделанных на этом пути, следует выделить утверждение о том, что структура связи включает в себя основание, носители, механизм, результат, законы [1, с. 129].

Что касается классификации связей, то здесь наблюдается следующая картина. Связи между элементами системы классифицируются по различным признакам. В одном из учебников по теории систем указывается: «Связи можно охарактеризовать направлением, силой, характером (или видом). По первому признаку связи делят на направленные и ненаправленные. По второму – на сильные и слабые (иногда пытаются ввести «шкалу» силы связей для конкретной задачи)» [3, с. 25]. Можно выделить, например, причинно-следственные связи, связи функционирования, взаимодействия, порождения, развития, строения, управления и преобразования. Среди данного спектра видов связей для системы гражданско-правовых договоров особую роль играют связи взаимодействия. В данном конкретном случае речь идет о взаимодействии между такими субъектами права, как физические и юридические лица. Когда у вступающих во взаимоотношения по перевозке лиц существуют противоположные цели и налицо синналагма, то такие связи взаимодействия являются конфликтными. При совпадении целей образуются кооперативные связи, в большей степени свойственные открытым самоорганизующимся системам.

При исследовании системы договоров перевозки пассажиров можно обнаружить и связи порождения (генетические связи), когда один договор направлен на организацию возникновения другого договора. К числу организационных договоров анализируемой системы следует отнести договор об организации пассажирских перевозок. Данный договор порождает неличные неимущественные правоотношения, которые направлены на организацию заключения и исполнения договоров перевозки пассажиров и багажа. Структурные связи или связи строения представляют собой некую часть пространства между компонентами, заполненную энергией субъектов или информацией, которые, в свою очередь не могут перемещаться или видоизменяться независимо от компонентов. Такие связи могут быть как динамическими, так и статичными. При наличии статичной связи, информация, заполняющая связь, не перемещается от одного компонента к другому. Динамическая связь, напротив, характеризуется перемещением энергии и информации от одного элемента к другому. Система договоров перевозки пассажиров характеризуется тем, что в ней статические связи могут перехо-

дить в динамические при приложении волевой энергии субъектов перевозочных правоотношений. Как отмечает Д.М. Жилин: «Именно за счет динамизма связей и происходит сохранение структуры при внешних воздействиях» [4, с. 52]. Для реализации интегративного свойства системы связи должны быть динамическими. Как утверждает Д.А. Керимов, в правовых системах «нет и быть не может бездействующих компонентов» [5, с. 236]. Для возникновения статистической связи необходимы совместимость выхода одного элемента со входом другого, и расположение элементов друг относительно друга определенным образом.

Применительно к исследуемой системе договоров перевозок пассажиров и багажа интерес представляют связи управления. Это один из наименее исследованных, и в то же время самых важных, видов связей, являющихся системообразующими для иных видов связи системы. Они представляют собой средства, необходимые для реализации обобщенной схемы процесса функционирования всей системы. Такая схема (программа) является некоей своеобразной надстройкой над функционирующей системой. Управление необходимо для того, чтобы система повысила свою эффективность за счет снижения затрат ресурсов на реализацию интегративного свойства. Специалисты в области теории систем утверждают, что «распределение ресурсов – есть управление» [4, с. 73].

Для каждого уровня системной иерархии вышестоящий уровень является управляющим, и проявляется это по линии системных связей. Так, в системе договоров перевозки пассажиров и багажа можно выделить договоры, которые направлены на управление перевозкой. К числу таковых можно отнести договор на оказание услуг оперативного управления пассажирскими перевозками в прямом смешанном сообщении. Услуги, являющиеся предметом данного договора, оказывает оператор смешанной перевозки грузов. Все это и делает связи управления специфическими для систем и, следовательно, системообразующими.

В системе взаимодействуют не только элементы посредством связей между ними, но и связи между собой. Одна связь неизбежно влияет на другую. Если одна связь выходит из строя или работает не в полную силу, то поток базового ресурса стремится пробить себе дорогу через другие связи, перегружая их, и тормозит либо вовсе останавливает функционирование системы. Скажем, разрыв взаимосвязи между договором перевозки пассажиров и багажа и договором об организации перевозок пассажиров означает, что система будет адаптироваться к сложившейся ситуации одним из двух способов:

1) Организация систематических перевозок будет осуществляться без использования разовых договоров перевозки с применением других инструментов, например, императивных правовых норм;

2) Систематичность перевозок будет достигаться путем многократного согласования одних и тех же условий в разовых договорах перевозок пассажиров и багажа в течение длительного периода времени.

В рамках данной статьи мы лишь поставили некоторые правовые проблемы систематизации гражданско-правовых договоров в сфере перевозок пассажиров и багажа. Представляется, что дальнейшее выявление системообразующих факторов, сущностей связей между договорами, закономерностей управления системой связей является важной и актуальной задачей.

Библиографические ссылки

1. Белоусов В.А. Проблема определения сущности связи // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2007. №1 (6). С. 129-134.
2. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право (общие положения). М. : Статут, 1997.
3. Волкова В.Н., Денисов А.А. Основы теории систем и системного анализа : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «системный анализ и управление». 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Изд-во СПбГТУ, 2001.

4. Жилин Д.М. Теория систем: Опыт построения курса. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016.
5. Керимов Д.А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. 4-е изд. М. : Изд-во СГУ, 2008.
6. Красавчиков О.А. Система отдельных видов обязательств // Советская юстиция. 1960. № 5. С. 42-43.
7. Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. М., 1950.
8. Романец Ю.В. Система договоров в гражданском праве России : монография. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, Инфра-М, 2013.
9. Спицнадель В.Н. Основы системного анализа : учеб. пос. СПб. : Бизнес-пресса, 2000.
10. Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. М. : Мысль, 1978.

References

1. Belousov V.A. Problema opredeleniya sushchnosti svyazi (The problem of determining the nature of linking). *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2007, No. 1 (6), pp. 129-134.
2. Braginskiy M.I., Vitryanskiy V.V. Dogovornoye pravo (obshchiye polozheniya) (Contract law (general provisions). Moscow, Statut, 1997.
3. Volkova V.N., Denisov A.A. Osnovy teorii sistem i sistemnogo analiza (Fundamentals of the theory of systems and systems analysis), Uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti «sistemnyy analiz i upravleniye». 2-ye izd., pererab. i dop. St. Petersburg, Izd-vo SPbGTU, 2001.
4. Zhilin D.M. Teoriya sistem: Opyt postroyeniya kursa (Theory of systems: Experience in creating a course). Moscow, Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2016.
5. Kerimov D.A. Metodologiya prava: predmet, funktsii, problemy filosofii prava (Methodology of law: subject, functions, problems of philosophy of law). 4-ye izd. Moscow, Izd-vo SGU, 2008.
6. Krasavchikov O.A. Sistema otdel'nykh vidov obyazatel'stv (The system of certain types of obligations). *Sovetskaya yustitsiya*, 1960, No. 5, pp. 42-43.
7. Novitskiy I.B., Lunts L.A. Obshcheye ucheniye ob obyazatel'stve (General doctrine of obligations). Moscow, 1950.
8. Romanets Yu.V. Sistema dogovorov v grazhdanskom prave Rossii (The system of contracts in civil law of Russia), monografiya. 2-ye izd., pererab. i dop. Moscow, Norma, Infra-M, 2013.
9. Spitsnadel' V.N. Osnovy sistemnogo analiza (Fundamentals of system analysis), ucheb. pos. St. Petersburg, Biznes-pressa, 2000.
10. Uyemov A.I. Sistemnyy podkhod i obshchaya teoriya system (Systems approach and general theory of systems). Moscow, Mysl', 1978.

Дата поступления: 10.05.2019 *Received: 10.05.2019*

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.2/7+343.9

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫХ МЕР СОТРУДНИКАМИ ФСИН РОССИИ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УИС

ГРИШИН Дмитрий Александрович
кандидат юридических наук, доцент, начальник юридического факультета Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, г. Рязань, Россия.
E-mail: dagr1979@rambler.ru
ГРИШИНА Евгения Владиславовна
преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, г. Рязань, Россия.
E-mail: evs2709@yandex.ru

В статье рассматривается система правовых оснований для установления «особого» режима функционирования учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, подразделяемых на внешние, связанные с явлениями природного (техногенного) характера, а также установлением на территории учреждения иных предусмотренных законодательством административно-правовых режимов (чрезвычайного или военного положения) и внутренние, вызванные противоправными процессами и явлениями, складывающимися в среде осужденных (подозреваемых, обвиняемых). Проводится анализ административно-предупредительных мер, реализуемых сотрудниками ФСИН России в условиях чрезвычайного и военного положения, а также в режиме особых условий.

Ключевые слова: государственное принуждение, меры административного предупреждения, уголовно-исполнительная система, пенитенциарная безопасность.

LEGAL AND ORGANIZATIONAL ASPECTS OF IMPLEMENTING ADMINISTRATIVE AND PREVENTIVE MEASURES BY OFFICERS OF THE FEDERAL PENAL SERVICE OF RUSSIA IN SPECIAL CONDITIONS OF FUNCTIONING OF INSTITUTIONS AND BODIES OF THE PENAL SYSTEM

GRISHIN Dmitry Aleksandrovich
Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Law Faculty of the Academy of Law Management of the Federal Penal Service of Russia, Ryazan, Russia.
E-mail: dagr1979@rambler.ru
GRISHINA Evgenia Vladislavovna
Instructor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Ryazan Branch of the Moscow University of the MIA of Russia named after V.Ya. Kikot, Ryazan, Russia. E-mail: evs2709@yandex.ru

The article discusses legal grounds for establishing a “special” regime of functioning of institutions and bodies of the penal system. These legal grounds are divided into external ones, associated with natural (man-made) phenomena, as well as with establishing other administrative-legal regimes (state of emergency or martial law) on institution territory which are provided for by the legislation; and internal grounds caused by illegal processes and phenomena developing among convicts (suspects, accused). The authors review administrative preventive measures implemented by officers of the Penal system of Russia in conditions of emergency and martial law, as well as in the regime of special conditions.

Key words: public enforcement, administrative prevention measures, penal system, penitentiary security.

Возникновение реальных угроз личной, общественной и государственной безопасности, вызванных негативными процессами и явлениями различного рода требуют от органов публичной власти принятия и реализации ответных защитных мер, направленных на минимизацию соответствующих угроз и нормализацию обстановки. В таких условиях могут существенно меняться организация работы государственных органов, ограничиваться определенные гражданские права и свободы, меняться система публичного управления посредством установления особого правового режима на соответствующей территории (объекте). В административно-правовой науке данные режимы получили название «особые» или «специальные» административно-правовые режимы. Так, Д.Н. Бахрах и С.Д. Хазанов выделяют три типа особых режимов: военного, чрезвычайного и «особого» положений. К последнему типу они относят режимы, устанавливаемые федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления в связи с возникновением чрезвычайных ситуаций криминогенного, природного, экологического и техногенного характера, эпидемий и т.д. [1, с. 428]. А.Ф. Майдыков и А.В. Мелехин в качестве оснований введения «особых» режимов указывают чрезвычайные ситуации особого вида [2, с. 100]. Под особыми условиями М.А. Громов понимает специальный режим функционирования государственных и иных органов управления [3, с. 3]. С.М. Зырянов предлагает рассматривать такие режимы как разновидность специальных административно-правовых режимов, вводимых при возникновении чрезвычайных ситуаций, на время, пока такие ситуации не будут ликвидированы или не прекратятся естественным путем либо до устранения последствий данных чрезвычайных ситуаций [4, с. 80].

Нам представляется, что основанием для введения того или иного особого административно-правового режима должны служить особые (экстраординарные) условиях, сложившиеся на соответствующей территории либо объекте вследствие негативных природных, техногенных явлений и процессов, а также процессов социального характера.

В деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы возможность установления «особого» режима функционирования предусмотрена следующими нормативно-правовыми актами:

- Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации, в соответствии с которым, в случаях стихийного бедствия, введения в районе расположения исправительного учреждения чрезвычайного или военного положения, при массовых беспорядках, а также при групповых неповиновениях осужденных в исправительном учреждении может быть введен режим особых условий;

- Законом Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» [5, ст. 14]: нормы которого, закрепляют право учреждения, исполняющего наказания на введение режима особых условий, а также предусматривают возможность, основания и правила применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия;

- Федеральным законом от 15.07.2001 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [6] нормы которого закрепляют основания введения режим особых условий в местах содержания под стражей.

Как видно из содержания представленных нормативно-правовых актов выделяется две самостоятельные группы оснований введения в исправительном учреждении (СИЗО) особого режима функционирования: внешние, связанные с явлениями природного (техногенного) характера, а также установлением на территории учреждения иных предусмотренных законодательством административно-правовых режимов (чрезвычайного или военного положения); внутренние – противоправные процессы и явления, складывающиеся в среде осужденных (подозреваемых, обвиняемых).

Регламентируемые соответствующими Федеральными конституционными законами [7, 8] институты режима чрезвычайного и военного положения становились предметом значительного числа самостоятельных исследований [9, 10, 11, 12] в связи с чем, считаем целесообразным остановиться лишь на обозначении административно-предупредительных мер, реализуемых при введении режима военного положения и режима чрезвычайного положения на территориях исправительных учреждений.

В случае введения военного положения учреждения и органы УИС совместно с другими государственными органами и органами военного управления будут реализовывать следующие административно-предупредительные меры, как на объектах УИС, так и за их пределами: 1) усиление охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, охраны военных, важных государственных и специальных объектов, объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения, функционирование транспорта, коммуникаций и связи, объектов энергетики, а также объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей и для окружающей природной среды; 2) введение особого режима работы объектов, обеспечивающих функционирование транспорта, коммуникаций и связи, объектов энергетики, а также объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей и для окружающей природной среды; 3) эвакуация объектов хозяйственного, социального и культурного назначения, а также временное отселение жителей в безопасные районы с обязательным предоставлением таким жителям стационарных или временных жилых помещений; 4) введение и обеспечение особого режима въезда на территорию, на которой введено военное положение, и выезда с нее, а также ограничение свободы передвижения по ней; 5) запрещение или ограничение проведения собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования, а также иных массовых мероприятий; 6) ограничение движения транспортных средств и осуществление их досмотра; 7) запрещение нахождения граждан на улицах и в иных общественных местах в определенное время суток и предоставление федеральным органам исполнительной власти, органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органам военного управления права при необходимости осуществлять проверку документов, удостоверяющих личность граждан, личный досмотр, досмотр их вещей, жилища и транспортных средств, а по основаниям, установленным федеральным законом, - задержание граждан и транспортных средств. При этом срок задержания граждан не может превышать 30 суток; 8) введение дополнительных мер, направленных на усиление режима секретности [7, ст. 7].

В условиях чрезвычайного положения учреждения и органы УИС совместно с другими государственными органами реализуют следующие меры административного предупреждения: 1) обеспечивают ограничения на свободу передвижения по территории, на которой введено чрезвычайное положение, а также введение особого режима въезда на указанную территорию и выезда с нее, включая установление ограничений на въезд на указанную территорию и пребывание на ней иностранных граждан и лиц без гражданства; 2) организуют усиление охраны общественного порядка, объектов, подлежащих государственной охране, и объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения и функционирование транспорта; 3) обеспечивают запрещение или ограничение проведения собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования, а также иных массовых мероприятий; запрещение забастовок и иных способов приостановления или прекращения деятельности организаций; 4) ограничивают движения транспортных средств и осуществляют их досмотр; 5) обеспечивают приостановление деятельности опасных производств и организаций, в которых используются взрывчатые, радиоактивные, а также химически и биологически опасные вещества; 6) организуют эвакуацию материальных и культурных ценностей в безопасные районы в случае, если существует реальная угроза их уничтожения, похищения или повреждения в связи с чрезвычайными обстоятельствами; 7) обеспечивают режим комендантского часа, то есть запрета в

установленное время суток находиться на улицах и в иных общественных местах без специально выданных пропусков и документов, удостоверяющих личность граждан; 8) организуют проверка документов, удостоверяющих личность граждан, личный досмотр, досмотр их вещей, жилища и транспортных средств; 9) обеспечивают продление срока содержания под стражей лиц, задержанных в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации по подозрению в совершении актов терроризма и других особо тяжких преступлений, на весь период действия чрезвычайного положения, но не более чем на три месяца; 10) осуществляют временное отселение жителей в безопасные районы с обязательным предоставлением таким жителям стационарных или временных жилых помещений; 11) организуют введение карантина, проведение санитарно-противоэпидемических, ветеринарных и других мероприятий; 12) организуют переориентация производственных мощностей УИС на производство необходимой в условиях чрезвычайного положения продукции и иные необходимые в условиях чрезвычайного положения изменения производственно-хозяйственной деятельности [8, гл. 3].

Представленные учреждениям и органам УИС полномочия являются весьма условными и должны быть детализированы конкретных документах по линии гражданской обороны и мобилизационного планирования для каждого исправительного учреждения и территориального органа ФСИН России.

Что касается иных оснований введения на территории исправительного учреждения режима особых условий, то следует согласиться с мнением А.Г. Упорова, считающего, что введение в соответствии с нормами Федерального закона от 06.03.1996 № 35 «О противодействии терроризму» [13] режима контртеррористической операции в районе расположения исправительного учреждения должно являться основанием введения в исправительном учреждении режима особых условий [14, с. 37].

Наиболее часто в практической деятельности исправительных учреждений основанием для введения режима особых условий являются массовые беспорядки, захваты заложников и групповые неповиновения осужденных.

Так, по итогам 2016 года в УИС зарегистрировано 3 преступления по ст. 212 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) (массовые беспорядки), в 2017 году преступлений, предусмотренных ст. 212 УК РФ допущено не было. Также, в 2017 году в учреждениях УИС совершено одно преступление, предусмотренное ст. 206 УК Российской Федерации (захват заложника), возбуждено 224 уголовных дела по фактам неправомерных действий в отношении персонала учреждения со стороны обвиняемых, подозреваемых и осужденных (2016 г. – 269), зарегистрировано 10 групповых случаев применения насилия 27 осужденными в отношении 8 сотрудников.

Режим особых условий при возникновении обозначенных нами оснований устанавливается строго определенными лицами и на строго определенный срок. Такими должностными лицами выступают Директор ФСИН России либо начальник территориального органа уголовно-исполнительной системы. В случае возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью осужденных, персонала или иных лиц начальник учреждения может вводить меры, связанные с режимом особых условий, самостоятельно с немедленным уведомлением должностного лица, правомочного принимать такое решение. До введения режима особых условий, уполномоченные на то руководители должны обратиться к осужденным с требованием в течение определенного срока не допускать или прекратить противоправные действия. Свое решение о введении режима особых условий указанные должностные лица обязаны согласовать с Генеральным прокурором РФ либо соответствующим прокурором. Получив известие о введении начальником учреждения режима особых условий, указанные должностные лица в течение трех суток должны принять решение о введении режима особых условий или об отмене

введенных мер. Режим особых условий вводится на срок до 30 суток, при необходимости он может быть продлен на тот же срок.

В документе о введении режима особых условий указываются:

- обстоятельства, послужившие основанием для его введения;
- обоснование применения в соответствии с законом этой меры;
- перечень и пределы введения мер, предусмотренных ч. 2 ст. 85 УИК;
- органы, учреждения и должностные лица, ответственные за осуществление режима особых условий;
- территориальные границы учреждения, в котором вводится этот режим;
- время вступления в силу принятого решения, а также точный срок, на который устанавливается режим.

Данный правовой режим характеризуется применением сотрудниками ФСИН России комплекса взаимосвязанных административно-предупредительных мер посредством временного ограничения или запрещения движения транспорта, не допущение граждан на режимную территорию или запрещение ее оставления в целях обеспечения безопасности и правопорядка на режимной территории учреждения; межотраслевых административно-предупредительных мер в форме ограничений (запретов) предусмотренных законодательством связей спецконтенгента с внешними субъектами; предупредительных мер уголовно-исполнительного принуждения, в форме усиленной обысково-досмотровой деятельности.

При этом в отличие от повседневных условий функционирования исправительного учреждения интенсивность применения обозначенных мер возрастает, что обусловливается рядом причин:

1. Необходимостью ограничения правосубъектности осужденных и иных лиц, находящихся на территории учреждения.

Среди всей совокупности прав и законных интересов в период действия режима особых условий могут быть ограничены следующие:

- право на приобретение осужденными продуктов питания и предметов первой необходимости;
- право на свидания;
- право на получение посылок, передач и бандеролей;
- право на переписку, переводы денежных средств;
- право на осуществление телефонных разговоров
- право на прогулки, просмотр кинофильмов и телепередач, прослушивание радиопередач;
- право на приобретение и хранение литературы и письменных принадлежностей;
- право на выезды за пределы исправительных учреждений [15, ст. 88-97].

2. Введением усиленного варианта охраны и надзора.
3. Организацией особого порядка доступа на объекты исправительного учреждения (СИЗО).
4. Изменением распорядка дня учреждения.
5. Ограничением деятельности производственных, коммунально-бытовых, культурно-просветительских и иных служб.

В заключение хочется отметить, что установление особого административно-правового режима деятельности учреждения (органа) УИС: т.е. режима особых условий, режима контртеррористической операции, военного и чрезвычайного положения является, по-нашему, комплексной мерой административного предупреждения, в совокупности ограничивающей права и свободы граждан, организаций и осужденных и делегирующей широкий спектр прав органам и учреждениям ФСИН России по обеспечению данного режима.

Библиографические ссылки

1. Бахрах Д.Н. Административное право России : учебник для вузов. М., 2000.
2. Майдыков А.Ф., Мелехин А.В. Проблемы формирования законодательства об особых правовых режимах в Российской Федерации // Журнал российского права. 2005. № 10. С. 99-101.
3. Громов М.А. Правовые основы обеспечения деятельности органов внутренних дел в особых условиях. М., 1988.
4. Зырянов С.М. Экстраординарные (специальные) административно-правовые режимы: понятие и обоснование необходимости введения // Журнал российского права. 2016. № 4. С. 72-81.
5. Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: Закон РФ от 21.07.1993 № 5473-1 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».
6. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ (ред. от 22.12.2014) // Российская газета. 1995. 20 июля.
7. О военном положении: Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 5, ст. 375.
8. О чрезвычайном положении: Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23, ст. 2277.
9. Ухов В.Ю. Институт чрезвычайного положения в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2007.
10. Аникиенко С.А. Административно-правовой режим чрезвычайного положения, вводимого в связи с социальными конфликтами (по материалам межнациональных конфликтов) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1994.
11. Федоров В.А. Правовой институт исключительного (военного и чрезвычайного) положения в Российской Федерации : автореф. дис. … на канд. юрид. наук. М., 2003.
12. Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения : монография / под общ. ред А.А. Крымова. Рязань : Академия ФСИН Росссии, 2017.
13. О противодействии терроризму: Федеральный закон от 06.03.1996 № 35 // Российская газета. 2006. 6 марта.
14. Упоров А.Г. Сущность режима особых условий и основания его введения в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики : материалы научно-практической конференции /отв. ред. А.Г. Антонов. Новокузнецк : ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, 2015.
15. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 16.10.2017) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

References

1. Bakhrakh D.N. Administrativnoye pravo Rossii (Administrative Law of Russia), uchebnik dlya vuzov. Moscow, 2000.
2. Maydykov A.F., Melekhin A.V. Problemy formirovaniya zakonodatel'stva ob osobykh pravovykh rezhimakh v Rossiyskoy Federatsii (Problems of formation of legislation on special legal regimes in the Russian Federation). *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2005, No. 10, pp. 99-101.
3. Gromov M.A. Pravovyye osnovy obespecheniya deyatel'nosti organov vnutrennikh del v osobykh usloviyakh (The legal framework for ensuring the activities of internal affairs bodies in particular conditions). Moscow, 1988.

4. Zyryanov S.M. Ekstraordinarnyye (spetsial'nyye) administrativno-pravovyye rezhimy: po-nyatiye i obosnovaniye neobkhodimosti vvedeniya (Extraordinary (special) administrative-legal regimes: concept and grounds for the introduction). *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2016, No. 4, pp. 72-81.
5. Ob uchrezhdeniyakh i organakh, ispolnyayushchikh ugolovnyye nakazaniya v vide lisheniya svobody: Zakon RF ot 21.07.1993 № 5473-1 (On institutions and bodies that execute criminal penalties in the form of deprivation of liberty: RF Law of 21.07.1993 No. 5473-1). Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsul'tant plyus».
6. O soderzhanii pod strazhey podozrevayemykh i obvinyayemykh v sovershenii prestupleniy: Federal'nyy zakon ot 15.07.1995 № 103-FZ (red. ot 22.12.2014) (On the custody of suspects and accused of committing crimes: Federal Law dated 07.15.1995 No. 103-FZ (as amended on 12.22.2014). *Rossiyskaya gazeta*, 1995, 20 iyulya.
7. O voyennom polozhenii: Federal'nyy konstitutsionnyy zakon ot 30.01.2002 № 1-FKZ (red. ot 01.07.2017) (On martial law: Federal Constitutional Law of January 30, 2002 No. 1-FKZ (as amended on July 01, 2017). *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 2002, No. 5, st. 375.
8. O chrezvychaynom polozhenii: Federal'nyy konstitutsionnyy zakon ot 30.05.2001 № 3-FKZ (red. ot 03.07.2016) (On the state of emergency: Federal Constitutional Law of 30.05.2001 No. 3-FKZ (as amended on 03.07.2016). *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 2001, No. 23, st. 2277.
9. Ukhov V.Yu. Institut chrezvychaynogo polozheniya v sisteme obespecheniya natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii (The Institute of Emergency in the System of Ensuring the National Security of the Russian Federation), dis. … d-ra yurid. nauk. Moscow, 2007.
10. Anikiyenko S.A. Administrativno-pravovoy rezhim chrezvychaynogo polozheniya, vvodimogo v svyazi s sotsial'nymi konfliktami (po materialam mezhnatsional'nykh konfliktov) (Administrative legal regime of the state of emergency introduced in connection with social conflicts (based on materials of international conflicts), avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Moscow, 1994.
11. Fedorov V.A. Pravovoy institut isklyuchitel'nogo (voyennogo i chrezvychaynogo) polozheniya v Rossiyskoy Federatsii (Legal Institute of exceptional (military and emergency) state in the Russian Federation), avtoref. dis. … na kand. yurid. nauk. Moscow, 2003.
12. Ugolovno-ispolnitel'noye zakonodatel'stvo v usloviyakh stikhiynogo bedstviya, vvedeniya chrezvychaynogo ili voyennogo polozheniya (Penal legislation in the conditions of a natural disaster, introducing the state of emergency or martial law), monografiya, pod obsh. red A.A. Krymova. Ryazan', Akademiya FSIN Rossii, 2017.
13. O protivodeystvii terrorizmu: Federal'nyy zakon ot 06.03.1996 № 35 (On Countering Terrorism: Federal Law of 06.03.1996 No. 35). *Rossiyskaya gazeta*, 2006, 6 marta.
14. Uporov A.G. Sushchnost' rezhima osobykh usloviy i osnovaniya yego vvedeniya v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh (The essence of the regime of special conditions and the basis for its introduction in penal correctional institutions). *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema segodnya: vzaimodeystviye nauki i praktiki* : materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii, otv. red. A.G. Antonov. Novokuznetsk, FKOU VO Kuzbasskiy institut FSIN Rossii, 2015.
15. Ugolovno-ispolnitel'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 08.01.1997 № 1-FZ (red. ot 16.10.2017) (The Penal Code of the Russian Federation of January 8, 1997, No. 1-FZ (as amended on 10.16.2017). Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsul'tant plyus».

Дата поступления: 21.04.2019 *Received: 21.04.2019*

УДК 343.13

ГРАЖДАНСКИЙ ИСК В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ КАК ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ, ИМЕЮЩИЙ ДВОЙСТВЕННУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПРИРОДУ

НОВИКОВА Юлия Геннадьевна
кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права и процесса Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, Рязань, Россия.
E-mail: flyowl@rambler.ru

Исследование юридической природы гражданского иска в уголовном процессе позволяет обозначить особенности содержания и совокупность проблем совершенствования нормативной регламентации данного правового института по вопросам исключения возмещения вреда в двойном размере, целесообразности заявления регрессного иска по уголовному делу, уточнения пределов правового регулирования рассматриваемого правового института в его взаимосвязи с вопросами обеспечения исков о возмещении вреда, причиненного лицом, подвергнутым уголовному преследованию, в случае прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям.

Ключевые слова: гражданский иск в уголовном процессе, правовой институт, взыскание в двойном размере, регрессный иск, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик.

CIVIL CLAIM IN CRIMINAL PROCEEDINGS AS A LEGAL INSTITUTION HAVING A DUAL LEGAL NATURE

NOVIKOVA Yuliya Gennadievna
Candidate of Sciences (Law), Instructor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Ryazan State University named for S.A. Yesenin, Ryazan, Russia.
E-mail: flyowl@rambler.ru

The study of the legal nature of a civil claim in criminal proceedings allows us to identify the features of the content and the set of problems of improving normative regulation of this legal institution. This regulation concerns the issues of excluding double damages, the expediency of bringing a regressive action in a criminal case, the clarification of the limits of legal regulation of the legal institution in relation to the issues of ensuring actions for damages caused by a person subjected to criminal prosecution, in the event of termination of a criminal case on non-rehabilitative grounds.

Key words: civil claim in criminal proceedings, legal institution, double damages, regressive action victim, civil plaintiff, civil defendant.

Согласно нормам подраздела II ГПК РФ, исковое производство как процессуальная форма разрешения спора о нарушенном праве в сфере имущественных и связанных с ними личных неимущественных отношений вытекает из предмета гражданско-правового регулирования, в силу чего регламентируется гражданским процессуальным законодательством и предполагает применение отдельных понятий, норм гражданского права. В то же время, по смыслу ст. 6, 44, 54 УПК РФ, к правам лиц и организаций, их законным интересам, нарушенным в результате преступлений, применяется особая форма искового производства, которая охватывается совокупностью норм уголовно-процессуального института гражданского иска и распространяется на охраняемые законом общественные отношения, возникающие в рамках производства по уголовному делу.

Вопросам определения гражданского иска в уголовном процессе как комплексного правового института посвящены научные исследования различных этапов развития отечественного и зарубежного уголовно-процессуального права [10; 12, с. 79; 1, с. 5; 2, с. 44-46]. В рамках продолжения обозначенной дискуссии, можно отметить следующие специфические особенности, указывающие на сложное содержание и двойственность юридической природы рассматриваемого правового института.

По смыслу п. 1 ч. 1 ст. 6, ч. 1 ст. 44 УПК РФ данный правовой институт характеризуется собирательным предметом правового регулирования в виде совокупности общественных отношений, возникающих в рамках уголовного дела по поводу реализации права потерпевшего (гражданского истца) на возмещение вреда, причиненного в результате преступления. Нормативная основа рассматриваемого правового института имеет сложносоставной характер, включает в себя нормы отраслей гражданского, уголовного, уголовно-процессуального права, может содержать нормы гражданского процессуального права, нормы (источники) различных межотраслевых институтов (например, Федеральный закон «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» от 29.11.2010 № 326-ФЗ, Федеральный закон «О погребении и похоронном деле» от 12.01.1996 № 8-ФЗ, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ). Институту гражданского иска в уголовном процессе присущ смешанный императивно-диспозитивный метод правового регулирования, при котором нормативно закрепленная обязательность решений компетентных органов уголовного судопроизводства, должностных лиц обусловлена необходимостью обеспечить реализацию прав и законных интересов участников процесса, заинтересованных в исходе дела, что предполагает установление баланса публично-правовых и частно-правовых интересов на нормативном и правоприменительном уровнях.

Неслучайно в научной литературе наряду с высказываниями о теоретической разработанности вопросов возмещения вреда в уголовном процессе, продолжается обсуждение проблем несбалансированности публичных правовых и частных правовых начал, несовершенства механизма возмещения вреда, некоторой некомпетентности лиц, осуществляющих уголовное преследование, в сфере гражданско-правового профиля обращения потерпевших с исковыми заявлениями без учета требований, предъявляемых к гражданскому иску в уголовном судопроизводстве [9, с. 142; 5, с. 36]. Как представляется, двойственность юридической природы правового института гражданского иска в уголовном процессе во многом обусловила некоторую фрагментарность, недостаточность полноты и систематизации образующих его норм, что в практической деятельности восполняется компетентными органами и должностными лицами посредством обращения к актам толкования, однако зачастую приводит к непониманию способов реализации своих прав лицами, заинтересованными в исходе дела, в том числе, потерпевшими (гражданскими истцами), подозреваемыми, обвиняемыми, подсудимыми (гражданскими ответчиками).

Обращение к нормативной основе показывает, что уголовно-процессуальное законодательство России содержит несколько ключевых норм, образующих современный правовой институт гражданского иска в уголовном процессе, и закрепленных в ст. 44, 45 и 54, 55 115, 116, ч. 1 ст.234, ч. 1 ст. 268 УПК РФ и некоторые другие.

Чтобы оценить наличие пробелов в праве, необходимо проанализировать потребность правоприменителя в обращении к актам толкования, использование правил аналогии закона, аналогии права в рамках применения норм конкретного правового института. В юридической практике возникают ситуации, при которых институт гражданского иска по уголовному делу такую необходимость обуславливает. В частности, вопросы материально-правового характера при обеспечении гражданского иска регламентированы гражданским законодательством, и в соответствии с п. 1 ст. 1064 ГК РФ вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в пол-

ном объеме лицом, причинившим вред. Законом обязанность возмещения вреда может быть возложена на лицо, не являющееся причинителем вреда, в том числе, согласно п. 1 ст. 1068 ГК РФ – на юридическое лицо, если вред был причинен его работником при исполнении трудовых (служебных, должностных) обязанностей. Однако законодатель не регламентирует, каким образом разрешать спор в рамках гражданского иска, если вред в результате совершения преступления причинен потерпевшему (гражданскому истцу) лицом, входящим в состав органов юридического лица, и возмещен юридическим лицом до разрешения уголовного дела по существу, а рассматриваемый гражданский иск адресован непосредственному причинителю вреда – подсудимому (гражданскому ответчику).

Детальное разъяснение по данному вопросу содержится в п. 8 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.07.2013 года № 62, о том что, если юридическое лицо уже получило возмещение своих имущественных потерь посредством иных мер защиты, в том числе путем взыскания убытков с непосредственного причинителя вреда (например, контрагента), в удовлетворении требования о возмещении убытков к лицам, входящим в состав органов юридического лица, должно быть отказано [8].

Аналогичные ситуации могут возникать в случаях возмещения вреда, причиненного в результате преступления как юридическому, так и физическому лицам (потерпевшим), субъектами правоотношений, несущими ответственность за действия непосредственного причинителя вреда, и имеющими право регрессного иска, к которым по смыслу ст. 1081 ГК РФ относятся, в том числе, работодатель, возместивший вред, причиненный работником, в результате совершенного преступления; территориальные фонды обязательного медицинского страхования, возместившие расходы на оказание медицинской помощи лицам, пострадавшим от преступления; страховые организации, возместившие вред, причиненный лицами, управлявшими транспортными средствами, привлеченными к уголовной ответственности; причинитель вреда, возместивший вред, наступивший в результате преступления, совершенного совместно с другими причинителями; Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование в случае возмещения ими вреда, причиненного судьей при осуществлении им правосудия, если его вина установлена приговором суда, вступившим в законную силу; Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование в случае возмещения ими вреда по основаниям, предусмотренным ст. 1069 и ст. 1070 ГК РФ, и по решениям Европейского Суда по правам человека – к лицу, в связи с незаконными действиями (бездействием) которого произведено указанное возмещение.

По вопросу о недопустимости взыскания ущерба в двойном размере, противоречащего положениям ст. 8, ч. 1 ст. 34, ч. 1 ст. 35 Конституции РФ, имеется изложенная в Постановлении Конституционного Суда РФ от 08.12.2017 № 39-П, правовая позиция, согласно которой, в частности, возмещение физическим лицом вреда, причиненного неуплатой организацией налога в бюджет или сокрытием денежных средств организации, в случае привлечения его к уголовной ответственности, может иметь место только при соблюдении установленных законом условий привлечения к гражданско-правовой ответственности и только при подтверждении окончательной невозможности исполнения налоговых обязанностей организацией-налогоплательщиком [6]. В противном случае имело бы место взыскание ущерба в двойном размере, а значит, неосновательное обогащение бюджета, чем нарушался бы баланс частных и публичных интересов.

Как представляется, нормативное закрепление правила о недопустимости взыскания ущерба в двойном размере, могло бы способствовать снижению трудоемкости рассмотрения уголовных дел соответствующей категории, исключению случаев неоднозначного понимания и применения норм права.

Отдельного внимания заслуживает обсуждаемая в научной литературе проблема возможности рассмотрения в рамках уголовного дела регрессного иска, под которым, в соответ-

ствии со ст. 1081 ГК РФ, понимается требование лица, возместившего причиненный другим лицом вред, о возмещении понесенных в связи с этим расходов, предъявляемое причинителю вреда [4; 3, с. 7; 13, с. 121-122; 9, с. 143]. Как следует из разъяснений в п.п. 9-11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 года № 17 (ред. от 16.05.2017), рассмотрение регрессных требований в рамках гражданского иска по уголовному делу, соотносится с нормами п. 1 ст. 1068, п. 5 ст. 113, п. 7 ст. 114 ГК РФ ГК РФ ГК РФ и не противоречит УПК РФ в части ответственности гражданина или юридического лица (в зависимости от формы хозяйствующего субъекта), в случаях разрешения спора, связанного с возложением обязанности по возмещению вреда, причиненного лицами, выполнявшими работу на основании гражданско-правового договора, действовавшими по заданию данного юридического лица или гражданина, под его контролем за безопасным ведением работ [7].

Исходя из отсутствия законодательного запрета, целесообразность рассмотрения регрессных требований в рамках гражданского иска по уголовному делу может определяться с учетом норм ст. 6, 6.1 УПК РФ о назначении и разумном сроке уголовного судопроизводства, пределов судебного разбирательства, предусмотренных ст. 252 УПК РФ, а также порядка, в котором уголовное дело рассматривается, и возможных юридических последствий пересмотра приговора, в том числе, в части, касающейся гражданского иска по делу.

Вызывают дискуссию в научных кругах и вопросы иска, в случае прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, например, вследствие истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности (п. 3 ч.1 ст. 24 УПК РФ), вследствие акта об амнистии (п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ). Из правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Постановлении от 08.12.2017 № 39-П, следует, что право на защиту прав и законных интересов лиц, пострадавших в результате преступления, в гражданском судопроизводстве при прекращении уголовного дела вследствие акта об амнистии сохраняется во всяком случае, а при прекращении дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, в силу ч. 1 ст. 67 и ч. 1 ст.71 ГПК РФ, реализуется с учетом оценки судом данных предварительного расследования, содержащихся в решении о прекращении уголовного дела, в качестве письменных доказательств, наравне с другими имеющимися в деле [6].

Исходя из указанной правовой позиции, последующее обращение потерпевшего (гражданского истца) с иском о возмещении вреда, причиненного лицом, подвергнутым уголовному преследованию, в случае прекращения уголовного дела по нереабилитирующим обстоятельствам, осуществляется вне рамок производства по уголовному делу, в связи с чем, хотя и вытекает из уголовно-процессуальных правоотношений, не отнесено к предмету правового регулирования института гражданского иска в уголовном процессе, и согласно ч. 3 ст. 31 ГПК РФ, образует основания для защиты, восстановления нарушенного права в гражданско-процессуальном порядке.

В то же время, в порядке постановки вопроса о систематизации норм рассматриваемого правового института можно провести аналогию с правоотношениями, возникающими при реабилитации, которые также осуществляются вне рамок уголовного дела, но оставлены в пределах правового регулирования уголовно-процессуального права, в целях обеспечения интересов лиц, подвергшихся уголовному преследованию, и имеющих в соответствии со ст. 133 УПК РФ право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах.

В рамках историко-правового сравнения можно привести ст. 17 Устава уголовного судопроизводства 1864 г., согласно которой при прекращении судебного преследования вследствие означенных в ст. 16 причин (в том числе, за истечением скора давности, за высочайшим указом или общим милостивым манифестом, дарующим прощение), начатые в судах уголовные иски о вознаграждении за вред и убытки, причиненные преступлением или проступком, разрешались теми же уголовными судами [11]. Отмеченное позволяет обратить внимание на

проблему возможного упорядочивания в рамках единого правового института всех норм, регламентирующих основные и производные правоотношения, связанные с возмещением вреда и вытекающие из назначения уголовного судопроизводства.

Таким образом, изучение источников научной литературы и судебной практики позволяет придти к выводу о влиянии двойственной юридической природы гражданского иска в уголовном процессе на содержание и пределы данного правового института, нормативная основа которого нуждается в дальнейшем исследовании и совершенствовании, в том числе, относительно недопустимости двойного возмещения вреда, причиненного в результате преступления, законодательного закрепления оснований рассмотрения регрессных требований и систематизации норм, регламентирующих правоотношения в сфере возмещения вреда, причиненного преступлением, непосредственно вытекающие из производства по уголовному делу.

Библиографические ссылки

1. Даев В.Г. Применение исковой формы защиты права в советском уголовном процессе : автореф. дис. …канд. юрид. наук. Л., 1967.
2. Денисова Т.Ю. Целесообразность гражданского иска в уголовном судопроизводстве // Вестник ОГУ. 2005. № 3.
3. Зорин А.И. Гражданский иск в уголовном процессе : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005.
4. Курмакаева С.М. Регрессный иск в уголовном деле : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Л., 1989.
5. Николаев Е.М. К вопросу о предъявлении гражданского иска в уголовном процессе // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2017. № 1. С. 35-37.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2017 № 39-П «По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Г. Ахмадеевой, С.И. Лысяка и А.Н. Сергеева» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_284733/ (дата обращения: 11.03.2019).
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 (ред. от 16.05.2017) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96790/ (дата обращения: 11.03.2019).
8. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // URL: https://www.sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-vas-rf-ot-30072013-n_5/ (дата обращения: 11.03.2019).
9. Сушина Т.Е. Гражданский иск в уголовном деле: от теории к практике // Журнал Российского права. 2016. № 3.
10. Тальберг Д.Г. Гражданский иск в уголовном суде или соединительный процесс. Киев : Унив. тип., 1888. URL: http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=349#sub_1003 (дата обращения: 06.03.2019).
11. Устав уголовного судопроизводства от 20.11.1864 // Информационно-правовой портал Гарант. URL: https://base.garant.ru/57791498/#friends (дата обращения: 17.03.2019).
12. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. Т 2. / под ред. А.В. Смирнова. СПб. : Альфа. 1996. URL: http://kalinovsky-k.narod.ru/b/foinitsky/t-2/glava3/192.htm (дата обращения: 06.03.2019).

13. Шхагапсоев З.Л. Допустимость регрессных исков в уголовном процессе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 4 (28). С. 121-122.

References

1. Dayev V.G. Primeneniye iskovoy formy zashchity prava v sovetskom ugolovnom protses-se (Application of the claim form of protection of the right in Soviet criminal proceedings), avtoref. dis. …kand. yurid. nauk. Leningrad, 1967.
2. Denisova T.YU. Tselesoobraznost' grazhdanskogo iska v ugolovnom sudoproizvodstve (The expediency of a civil action in criminal proceedings). Vestnik OGU. 2005. № 3.
3. Zorin A.I. Grazhdanskiy isk v ugolovnom protsesse (A civil action in criminal proceedings), avtoref. dis. …kand. yurid. nauk. Yekaterinburg, 2005.
4. Kurmakayeva S.M. Regressnyy isk v ugolovnom dele (Regressive action in a criminal case), avtoref. dis. …kand. yurid. nauk. Leningrad, 1989.
5. Nikolayev Ye.M. K voprosu o pred"yavlenii grazhdanskogo iska v ugolovnom protsesse (On the issue of bringing a civil action in criminal proceedings). *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii,* 2017, No. 1, pp. 35-37.
6. Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 08.12.2017 № 39-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy statey 15, 1064 i 1068 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii, podpunkta 14 punkta 1 stat'i 31 Nalogovogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii, stat'i 199.2 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii i chasti pervoy stat'i 54 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhalobami grazhdan G.G. Akhmadeyevoy, S.I. Lysyaka i A.N. Sergeyeva» (Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 39-P dated December 8, 2017 “On the case of checking the constitutionality of the provisions of Articles 15, 1064 and 1068 of the Civil Code of the Russian Federation, subparagraph 14 of paragraph 1 of Article 31 of the Tax Code of the Russian Federation, Article 199.2 of the Criminal Code of the Russian Federation and Part 1 of Article 54 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with complaints of citizens G.G. Akhmadeeva, S.I. Lysyaka and A.N. Sergeeva”). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_284733/ (accessed date: 11.03.2019).
7. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 29.06.2010 № 17 (red. ot 16.05.2017) «O praktike primeneniya sudami norm, reglamentiruyushchikh uchastiye poterpevshego v ugolovnom sudoproizvodstve» (Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 29.06.2010 No. 17 (ed. Of 16.05.2017) “On the practice of application of the rules governing the participation of the victim in criminal proceedings by courts”). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96790/ (accessed date: 11.03.2019).
8. Postanovleniye Plenuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 30.07.2013 № 62 «O nekotorykh voprosakh vozmeshcheniya ubytkov litsami, vkhodyashchimi v sostav organov yuridicheskogo litsa» (Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of July 30, 2013 No. 62 “On some issues of compensation for damages by persons belonging to the bodies of a legal entity”). URL: https://www.sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-vas-rf-ot-30072013-n_5/ (accessed date: 11.03.2019).
9. Sushina T.Ye. Grazhdanskiy isk v ugolovnom dele: ot teorii k praktike (A civil action in a criminal case: from theory to practice). *Zhurnal Rossiyskogo prava*. 2016. № 3.
10. Tal'berg D.G. Grazhdanskiy isk v ugolovnom sude ili soyedinitel'nyy protsess (A civil lawsuit in criminal court or a connecting procedure). Kiyev : Univ. tip., 1888. URL: http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=349#sub_1003 (accessed date: 06.03.2019).
11. Ustav ugolovnogo sudoproizvodstva ot 20.11.1864 (The charter of criminal proceedings of 11/20/1864). *Informatsionno-pravovoy portal Garant.* URL: https://base.garant.ru/57791498/# friends (accessed date: 17.03.2019).

12. Foynitskiy I.YA. Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva (The course of criminal proceedings). V 2 t. T 2. / pod red. A.V. Smirnova. SPb.: Al'fa. 1996. URL: http://kalinovsky-k.narod.ru/b/foinitsky/t-2/glava3/192.htm (accessed date: 06.03.2019).
13. Shkhagapsoyev Z.L. Dopustimost' regressnykh iskov v ugolovnom protsesse (The admissibility of regressive actions in criminal proceedings). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2005, No. 4 (28), pp. 121-122.

Дата поступления: 21.04.2019 *Received: 21.04.2019*

УДК 343.8

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДМИНИСТРАЦИИ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ ОСУЖДЕННОГО К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

РЕМИЗОВА Лейла Сарваровна
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Академии ФСИН России, Рязань, Россия. E-mail: leila.remizova@gmail.com

Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года предусматриваются основные направления развития учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, среди которых автором выделяется стимулирующая функция мер поощрений содержат в изменившееся себе активное такие происходит морально-нравственные формированию категории участвующих как строжайшего одобрение, воспитательная доверие, ведущим признание, функции справедливость и взысканий при формировании правомерного поведения осужденного к лишению свободы и роли сотрудника исправительного учреждения в указанном вопросе. Поощрение и взыскание для осужденного является способом воздействия на повышение активности выполнения им своих обязанностей через моральный интерес. Происходит стимулирование осужденных к исполнению своих обязанностей и строгому соблюдению правил внутреннего распорядка, и как следствие способствует укреплению режима.

ORGANIZING THE ACTIVITIES OF CORRECTIONAL INSTITUTION AUTHORITIES ON FORMING LEGITIMATE BEHAVIOR OF THE PERSON SENTENCED TO IMPRISONMENT

REMIZOVA Leila Sarvarovna
Candidate of Sciences (Law), Senior Instructor of the Department of Civil Law and Procedure of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, Ryazan, Россия.
E-mail: leila.remizova@gmail.com

The concept of the development of the penal system of the Russian Federation until 2020 provides for the main directions of the development of institutions and bodies executing criminal punishments, among which the author highlights the incentive function of encouragement measures; it contains such moral and ethical categories as approval, trust, recognition, fairness of penalties when shaping lawful behavior of the person sentenced to imprisonment and the role of the correctional officer in the specified issue. Encouragement and penalty for a convict is a way of influencing the effectiveness of performing his duties through moral interest. Thus, there is a stimulation of convicts to perform their duties and strictly observe internal regulations, and as a result it contributes to the strengthening of the regime.

Ключевые слова: осужденный, закон, правопослушное поведение, поощрение, взыскание, стимул, строжайшего одобрение, воспитательная доверие, ведущим признание, функции справедливость.

Key words: convict, law, law-abiding behavior, encouragement, penalty, incentive, approval, trust, recognition, justice.

В настоящее время при работе с осужденными в различных сферах жизнедеятельности автор считает необходимым:

- создание справедливой и эффективной системы стимулов осужденных к законопослушному поведению;
- разработки комплекса мер дисциплинарного воздействия за малозначительные правонарушения, которые позволят более эффективно воздействовать на исправление личности;
- возможности введения запрета на занятия спортом и на участие в культурных мероприятиях, запрет на пользование телевизором, радиоприемником и прессой, литературой, в том числе развлекательного характера и т.п. и новых мер поощрения, применяемых к осужденным, а также к подозреваемым и обвиняемым, содержащимся в следственных изоляторах.

Применение мер поощрения и взыскания играет немаловажную роль в деле исправления осужденных к лишению свободы. Указанные меры необходимы для более полного социального восстановления личности осужденного, его ориентации и адаптации в жизни, предупреждения противоправных действий, выстраиванию правильных ориентиров и принципов не только в местах лишения свободы, но и за стенами исправительного учреждения в обычной жизни. Это объясняется тем, что, являясь стимулом, поощрения рассчитаны на способность осужденных избрать верную линию поведения, найти для себя такие дела, которые привели бы к формированию требуемых черт характера и других полезных качеств личности. В этом смысле поощрение и взыскание для осужденного является способом воздействия на повышение активности выполнения им своих обязанностей через моральный интерес. Своевременные поощрения хорошо работающих, дисциплинированных, проявляющих активную полезность, участвующих в общественной, спортивной, культурной жизни исправительного учреждения положительно влияют на их поведение, отношение к труду, желание получать образование и другое. Тем самым происходит стимулирование осужденных к исполнению своих обязанностей и строгому соблюдению правил внутреннего распорядка, и как следствие, способствует укреплению режима. Необходимо иметь в виду, что поощрения содержат в себе такие морально-нравственные категории, как одобрение, доверие, признание, справедливость.

Наряду с мерами поощрения, играющих самую непосредственную роль в стимулировании правомерного поведения осужденных можно назвать и меры взыскания [1]. При реализации уголовно-исполнительных отношений случаи наложения взысканий на осужденных за совершение различного рода правонарушений нередки. В силу неправомерного поведения налагаются наказания, предусмотренные действующим законодательством, которые значительно усложняют пребывание в исправительном учреждении и ухудшают правовой статус данного заключенного. В данном случае нельзя не согласиться с мнением Н.А. Стручкова, который полагал: «Меры обеспечения дисциплины и порядка слагаются из мер поощрения, призванных стимулировать требуемое от осужденных поведение, и мер взыскания, которые должны быть негативной реакцией на ненадлежащее поведение осужденных и удерживать их в будущем от нарушений» [2]. Для нас не является удивительным то, что меры взыскания, как метод ответственности за ненадлежащее поведение, способны стимулировать позитивное поведение. Как раз именно то, что предупреждает и удерживает в будущем от совершения правонарушений и является стимулом, ведущим к желаемому результату.

При рассмотрении данной тематики автор хотел проанализировать также всю процедуру в комплексе. Согласно ст.117 УИК РФ взыскание налагается не позднее 10 суток со дня

обнаружения нарушения, а если в связи с нарушением проводилась проверка – со дня ее окончания, но не позднее трех месяцев со дня совершения нарушения. Очевидно, что для наложения на осужденного взыскания, если нет сомнения в его совершении, не требует длительного временного промежутка. Взыскание может быть наложено незамедлительно. Для документального оформления нарушения и применения соответствующей меры дополнительного временного промежутка не требуется и можно уложиться в несколько дней. Все это применяется на практике, если осужденный не оспаривает нарушение, если же спор и противоречия присутствуют, то для дополнительных проверочных мероприятий и установления фактических обстоятельств по делу необходимы более длительные сроки [3].

На сегодняшний день можно выделить три этапа применения, как положительных, так и отрицательных мер.

Этап первый, – уполномоченное лицо должно зафиксировать основания для наложения взыскания, либо поощрения. Согласно действующего уголовно-исполнительного законодательства к осужденному могут применяться следующие меры поощрения:

- благодарность;
- награждение подарком;
- предоставление дополнительного краткосрочного или длительного свидания;
- увеличение времени прогулки;
- досрочное снятие ранее наложенного взыскания и др.

Таким образом, за положительное поведение осужденный может получить определенные блага, и тем самым у него вырабатывается стимул к правильному поведению. Уполномоченное должностное лицо правомочно соотносить хорошее поведение и меру поощрения. Действующим уголовно-исполнительным законодательством также предусмотрены и меры взыскания, которые могут применятся к осужденным (ст.115 УИК РФ) [4].

Второй этап, – принятие решения компетентным лицом о применении нормы взыскания или поощрения. Необходимо отметить, что уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации предусматривает именно право сотрудника учреждения применения необходимой нормы законодательства в той или иной ситуации, а не его обязанность. Автор отмечает, что сотрудники учреждения должны отмечать, выделять и поощрять правомерное поведение, в противном случае стимул и интерес у соответствующего контингента пропадет. Аналогичная ситуация касается применения мер взысканий за противоправное поведение, при игнорировании указанного поведения внутри учреждения может возникнуть угроза установленного порядка.

Третий этап, – законодатель исходит из того, что уполномоченное должностное лицо за положительное или отрицательное поведение правомочно применить любого рода поощрение или взыскание, что может порождать коррупцию, либо злоупотребление должностным положением. В этой связи, при применении взыскания, например, учитываются обстоятельства, поведение до совершения противоправного деяния, личность осужденного, а также характер и тяжесть нарушения (ст.117 УИК РФ). Все в комплексе должно определить заслуженную меру взыскания, наложенную на осужденного.

Схожую ситуацию можно наблюдать и при применении мер поощрений [5]. Применение мер поощрения и взыскания для осужденных может зависеть от общественных и экономических условий развития государства и общества. Комплексная, преимущественно воспитательная работа по рациональному применению мер поощрений и взысканий, а также в соответствии с этим должным образом урегулированная, логично и структурно построенная система отбывания наказания в каждом исправительном учреждении, и вместе с этим комплексный характер проведения необходимых мероприятий, направленных на совершенствование личности осужденного и формирование у него должного уровня морального сознания будет способствовать решению основных задач уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Библиографические ссылки

1. Хорошко И.В. К вопросу о необходимости внесения изменений в ч. 1 ст. 116 Уголовно-исполнительного Кодекса Российской Федерации // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2018. № 12. С. 192-196.
2. Стручков Н.А., Шупилов В.П. Исполнение уголовных наказаний в капиталистических странах (США, Япония) : учебное пособие. Вып. 3. М. : Академия МВД СССР, 1979.
3. Оводкова Л.С. К вопросу о правах человека в условиях изолятора временного содержания // Человек: преступление и наказание. 2013. № 4 (83). С. 132-134.
4. Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений :приказ Минюста России от 03.11.2005 № 205 // Бюллетень нормативных актовфедеральных органов исполнительной власти. 2005. № 47.
5. Антонов А.Г. О пределах усмотрения администрации учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, при применении мер поощрения и взыскания к осужденным // Вестник Кузбасского института ФСИН России. 2016. № 2 (27). С. 9-13.

References

1. Khoroshko I.V. K voprosu o neobkhodimosti vneseniya izmeneniy v ch. 1 st. 116 Ugolovno-ispolnitel'nogo Kodeksa Rossiyskoy Federatsii (On the need for changes in Part 1 of Art. 116 of the Penal Code of the Russian Federation). *Vestnik obshchestvennoy nauchno-issledovatel'skoy laboratorii «Vzaimodeystviye ugolovno-ispolnitel'noy sistemy s institutami grazhdanskogo obshchestva: istoriko-pravovyye i teoretiko-metodologicheskiye aspekty»*, 2018, No. 12, pp. 192-196.
2. Struchkov N.A., Shupilov V.P. Ispolneniye ugolovnykh nakazaniy v kapitalisticheskikh stranakh (SSHA, Yaponiya) (Execution of criminal sentences in capitalist countries (USA, Japan), uchebnoye posobiye. Vyp. 3. Moscow, Akademiya MVD SSSR, 1979.
3. Ovodkova L.S. K voprosu o pravakh cheloveka v usloviyakh izolyatora vremennogo soderzhaniya (To the issue of human rights in a temporary detention facility). *Chelovek: prestupleniye i nakazaniye*, 2013, No. 4 (83), pp. 132-134.
4. Ob utverzhdenii Pravil vnutrennego rasporyadka ispravitel'nykh uchrezhdeniy : prikaz Minyusta Rossii ot 03.11.2005 № 205 (On the approval of the Internal Regulations of Correctional Institutions: Order of the Ministry of Justice of Russia of 03.11.2005 No. 205). *Byulleten' normativnykh aktovfederal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti*, 2005, No. 47.
5. Antonov A.G. O predelakh usmotreniya administratsii uchrezhdeniy, ispolnyayushchikh nakazaniye v vide lisheniya svobody, pri primenenii mer pooshchreniya i vzyskaniya k osuzhden-nym (On the limits of the discretion of the administration of institutions that execute punishment in the form of deprivation of liberty, when applying incentives and penalties to convicted persons). *Vestnik Kuzbasskogo instituta FSIN Rossii*, 2016, No. 2 (27), pp. 9-13.

Дата поступления: 16.05.2019 *Received: 16.05.2019*

УДК 343.13

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ПОТЕРПЕВШИЙ» И «ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ»

ТРЕТЬЯКОВ Иван Львович
доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: mail@tretyakov.su
ЖАБИН Илья Юрьевич
старший преподаватель кафедры транспортного права Санкт-Петербургском университете гражданской авиации, г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: odsi@mail.ru

Существует множество мнений по вопросу соотношения признаков потерпевшего и объекта преступления. В основном они сводятся к отождествлению потерпевшего с предметом, отождествлению потерпевшего с объектом и отнесению потерпевшего к признакам объекта. Правильное решение этого вопроса зависит, прежде всего, от подхода к пониманию объекта. Потерпевший присутствует в объекте преступления в качестве субъектного элемента общественных отношений при любой направленности преступного посягательства. При этом понятия «потерпевший от преступления» и «предмет преступления» не совпадают.

Ключевые слова: потерпевший, объект преступления, признаки объекта преступления, преступление, уголовный закон.

ON THE ISSUE OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS “VICTIM” AND “OBJECT OF CRIME”

TRETYAKOV Ivan Lvovich
Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the St. Petersburg State Polytechnic University, St. Petersburg, Russia. E-mail: mail@tretyakov.su

ZHABIN Iliya Yuriyevich
Senior Instructor of the Department of Transport Law of the St. Petersburg University of Civil Aviation, St. Petersburg, Russia. E-mail: odsi@mail.ru

There are many opinions on the issue of the relationship between the attributes of victim and object of crime. Basically they come to equating the victim with the subject, equating the victim with the object and classifying the victim as the object attributes. The correct solution of this issue depends, first of all, on the approach to understand the object. The victim is present in the object of crime as a subjective element of social relations in any criminal infringements. At the same time, the concepts “victim of crime” and “subject of crime” do not coincide.

Key words: victim, object of crime, attributes of crime, crime, criminal law.

В науке уголовного права существуют различные мнения по вопросу соотношения признаков потерпевшего и объекта преступления. Основные из них сводятся к отождествлению потерпевшего с предметом, отождествлению потерпевшего с объектом и отнесению потерпевшего к признакам объекта. Правильное решение этого вопроса зависит, прежде всего, от подхода к пониманию объекта. В науке уголовного права по данному поводу нет единого мнения. Не вдаваясь в анализ имеющихся позиций и приводимых аргументов в их защиту по этому вопросу, отметим, что наиболее распространенной на сегодняшний день является теория понимания объекта преступления как общественных отношений, которой мы придерживаемся. В соответствии с названной теорией, объект любого преступления – общественные отношения, находящиеся под охраной уголовного закона. При этом законодатель весьма редко указывает на сам объект преступления, описывая лишь отдельные его стороны. Так, в

частности, в статьях называются материальные и нематериальные блага, которым причиняется вред (в ст. 111 УК РФ – здоровье, ст. 167 – имущество и др.); обязанности, невыполнение которых влечет причинение определенного вреда (ст. 124 УК РФ – обязанность оказать помощь больному, ст. 156 УК РФ – обязанности родителей по воспитанию детей и др.); субъективные права, нарушая которые совершается преступление (ст. 141 УК РФ – избирательные права, ст. 146 УК РФ – авторские и смежные права и др.); нормы, нарушение которых причиняет вред (ст. 219 УК РФ – требования пожарной безопасности, ст. 255 УК РФ – правила охраны и использования недр и др.); интересы, которым причиняется вред (ст. 285 УК РФ – интересы государственной и муниципальной службы и др.); субъекты, которым причиняется вред – пострадавшие (ст. 126 УК РФ – человек, ст. 144 УК РФ – журналист и др.). Следовательно, в законодательстве объект отражается путем указания на различные его признаки, которые в определенной связи. Поэтому, если в диспозиции существует указание только на один или несколько названных признаков, то это дает возможность установить и другие, не названные в диспозиции, а через них и объект преступления в целом. При этом, указывая на признаки объекта, законодатель характеризует как основные, так и дополнительные объекты (например, указывая в ст. 317 УК РФ потерпевшего, законодатель определяет основной объект, а называя благо (жизнь) – дополнительный).

Таким образом, потерпевший является одним из признаков объекта. Потерпевший позволяет установить те общественные отношения, на которые преступление посягает, то есть, указывая потерпевшего наряду с иными признаками, законодатель определяет объекты преступления (как основные, так и дополнительные). Например, в ст. 299 УК РФ указан признак потерпевшего – заведомая невиновность. Проанализировав положения закона с учетом этого признака, можно определить объект – общественные отношения, складывающиеся по поводу осуществления правосудия. В двуобъектных преступлениях потерпевшие выступают признаками основного непосредственного и (или) дополнительного непосредственного объекта преступления. Так, в ст. 317 УК РФ имеется указание на потерпевшего – сотрудника правоохранительного органа. При этом основным непосредственным объектом будут отношения, складывающиеся по поводу осуществления законной деятельности сотрудниками правоохранительных органов по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. В случае их нарушения пострадавшим будет выступать государство. Дополнительным непосредственным объектом выступает жизнь человека (сотрудника правоохранительного органа), а значит, пострадавшим будет конкретная личность. Во многих случаях раскрыть содержание объекта преступления невозможно без описания соответствующих признаков потерпевшего.

Кроме того, потерпевший и объект преступления имеют и обратную связь. Выяснение иных признаков объекта преступления, определение общественного отношения, которое понесет ущерб в случае совершения преступления, позволяет установить и потерпевшего. Например, в ст. 167 УК РФ указано на материальное благо, которому причиняется вред – чужое имущество. Анализ данного преступления позволяет установить его объект – общественные отношения, складывающиеся по поводу собственности, а, следовательно, пострадавшим будет являться собственник имущества. Указывая социальные ценности, на которые посягают преступления, законодатель в некоторых случаях обозначает их носителей. Так, из разд. VII «Преступления против личности» УК РФ, очевидно, что пострадавшим от данных преступлений является личность, т.е. физическое лицо. Коммерческая и иная организация как пострадавшие от преступлений обозначены в гл. 23 УК РФ «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях».

Признаки потерпевшего, включенные в состав преступлений, связаны с характером объектов, поставленных под защиту уголовного закона. Виновный, посягая на потерпевшего или ущемляя его права, нарушает охраняемые общественные отношения. «Причинение вреда по-

страдавшему является способом причинения вреда обществу. Следовательно, указанные в законе признаки потерпевшего в значительной степени влияют на характер и степень общественной опасности и квалификацию преступлений» [17]. «Потерпевший через свои сущностные характеристики определяет значимость охраняемых уголовным законом интересов, и, в свою очередь, опосредованно влияет на степень тяжести совершенного преступления» [3].

Необходимо отметить, что объект могут характеризовать признаки личности потерпевшего, признаки состояния потерпевшего и признаки, характеризующие вред, так как именно они существенно влияют на характер и степень общественной опасности, указывают на общественные отношения, подвергшиеся преступному воздействию. На это указывает и П.С. Дагель [6, с. 26-27]. Традиционно в науке уголовного права объект преступления исследуется сквозь призму его структуры. Необходимо установить место потерпевшего в этой структуре. Согласно доминирующему в литературе мнению, структура объекта преступления содержит три элемента: участники общественных отношений; социальная связь между ними; предмет, по поводу которого возникают отношения. Вместе с тем, в теории уголовного права имеются и другие точки зрения [9, с. 58-59]. Однако, несмотря на разногласия по определению структуры общественного отношения, все авторы признают, что обязательным элементом являются субъекты (участники) отношений.

Участники любых общественных отношений являются носителями охраняемых законом прав, обязанностей и интересов, существующих по поводу тех или иных благ (предметов отношений). Большинство охраняемых уголовным законом общественных отношений по своей природе являются абсолютными, то есть одному участнику отношений принадлежит определенное благо, право или интерес, а на всех остальных возложена обязанность не нарушать ту или иную социальную ценность. Субъекты общественных отношений, находящихся под охраной уголовного закона, которые имеют определенные блага, права и интересы, в случае совершения преступлений становятся пострадавшими. Потерпевший как субъект, которому принадлежали охраняемые уголовным законом блага, является структурным элементом объекта преступления, который наряду с другими факторами определяет характер общественной опасности преступления. Совершая преступление, виновный причиняет вред либо самому субъекту, либо благу, которое ему принадлежит. До совершения преступления потерпевший – субъект, носитель охраняемых уголовным законом благ, после того, как оно совершено, – участник охранительных уголовных правоотношений. Потерпевшего, как одного из участников охраняемого общественного отношения, рассматривали Б.С. Никифоров [11, с. 49], Э.Л. Сидоренко [13], В.Е. Батюкова [1, с. 2], И.А. Фаргиев [18, с. 12], Б.В. Сидоров [14, с. 61-75], А.А. Гаджиева и Д.Г. Гаджиева [3] др. Далеко не всегда признаки потерпевшего указываются в УК РФ. Однако нет такого преступления, которое не причиняло бы вред интересам какого-либо субъекта, не нарушало чьи-то права. Даже без указания признаков в законе можно определить потерпевшего. Действительно, вне зависимости от того, указывается потерпевший в статье Особенной части или нет, всегда можно определить, какому субъекту общественных отношений причиняется вред: личности, организации обществу, государству или человечеству. Так, А.Н. Красиков справедливо отметил: «чтобы определить, кто является потерпевшим в каждом определенном случае, необходимо проанализировать конкретный состав преступления, и, прежде всего, объект этого преступления» [8, с. 46].

Таким образом, в любом случае, при любой направленности посягательства потерпевший присутствует в объекте преступления в качестве субъектного элемента общественных отношений, охраняемых уголовным законом. Следовательно, потерпевший будет в каждом преступлении. Это означает, что потерпевший как структурный элемент объекта преступления присутствует в любом преступлении, то есть является обязательным для объекта. Однако для квалификации содеянного признаки потерпевшего не всегда имеют значение (являются факультативными).

Итак, потерпевший от преступления – это всегда один из субъектов охраняемых уголовным законом общественных отношений, на которые посягает преступление, благу, праву или интересу которого преступлением причиняется вред или создается угроза его причинения. В юридической литературе существует мнение, что потерпевший от преступления является разновидностью предмета преступления [7, с. 125; 10, с. 210-211]. Такие позиции ставят под сомнение утверждение о том, что признаки потерпевшего следует рассматривать как самостоятельные признаки состава преступления. Решение вопроса о соотношении данных понятий будет зависеть от определения сущности предмета преступления, по поводу которой в уголовно-правовой литературе не имеется единого позиции [4, с. 84; 5, с. 44; 7, с. 99, 103; 10, с. 210-211; 11, с. 130; 16]. Представляется, что наиболее верной следует считать позицию Б.С. Никифорова, В.К. Глистина и др., в соответствии с которой предмет преступления отождествляется с предметом охраняемых уголовным законом общественных отношений. При этом следует согласиться с В.К. Глистиным, который отмечал, что предметом общественных отношений могут признаваться не только материальные, но и идеальные блага [5, с. 48]. Предмет преступления является признаком объекта преступления, а, значит, и признаком состава.

Предмет преступления и потерпевший не являются тождественными понятиями. И потерпевший, и предмет являются элементами общественного отношения, охраняемого уголовным законом, то есть признаками объекта преступления. Но потерпевший – это социальный субъект, участник общественных отношений, а предмет – это материальное или идеальное благо, по поводу которого существуют общественные отношения между субъектами. На наш взгляд, не существует ни одного охраняемого уголовным законом отношения, в котором социальный субъект выступал бы предметом такого отношения.

В теории уголовного права существуют другие позиции по данному вопросу. В.К. Глистин, например, утверждал, что «В УК РСФСР содержится ряд норм, регламентирующих охрану общественных отношений, в которые лицо включено как предмет. В таких составах, как похищение или подмена, незаконное лишение свободы, оставление в опасности, неоказание помощи больному, неоказание капитаном судна помощи лицам, терпящим бедствие (ст. 125-129 УК РФ) и ряд других, охраняются отношения между участниками по поводу личности» [5, с. 41]. С нашей точки зрения, общественные отношения, на которые указывал В.К. Глистин, складываются по поводу определенных идеальных благ, а не социальных субъектов. Например, предметом общественных отношений, охраняемых ст. 127 УК РФ, а, значит, и предметом данного преступления, является личная свобода; предметом преступления, предусмотренного ст. 124 УК РФ, – безопасность жизни и здоровья и др. Те же субъекты, которых автор рассматривает как предметы общественных отношений (больной, лицо, лишенное свободы и т.д.), на самом деле являются участниками этих отношений, владельцами соответствующих благ, пострадавшими от преступления. Следует также согласиться с точкой зрения Д.Б. Булгакова, согласно которой отличие потерпевшего и предмета преступления заключается и в том, что первому преступление всегда причиняет вред, а второй при совершении преступления может и не испытывать никаких негативных изменений [2, с. 54]. Например, в результате совершения хищения потерпевший, несомненно, претерпевает вредные последствия, а предмет преступления (имущество), как правило, не подвергается каким-либо изменениям.

Таким образом, изложенное позволяет сделать вывод, что понятия «потерпевший от преступления» и «предмет преступления» не совпадают. Данной позиции придерживаются и многие авторы [12, с. 60, 66; 15, с. 15].

Библиографические ссылки

1. Батюкова В.Е. Потерпевший в уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. : Юрид. ин-т МВД РФ, 1995.
2. Булгаков Д.Б. Потерпевший в уголовном праве и его криминологическая характеристика : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000.
3. Гаджиева А.А., Гаджиева Д.Г. Потерпевший в системе объективных признаков состава преступления // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 1. С. 141-143.
4. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М. : Центр ЮрИнфоР, 2001.
5. Глистин В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений). Л. : ЛГУ, 1979.
6. Дагель П.С. Потерпевший в советском уголовном праве // Потерпевший от преступления : тематический сборник. Владивосток : Дальневосточный ун-т, 1974. С. 16-37.
7. Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М. : Академия МВД СССР, 1980.
8. Красиков А.Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве / под ред. И.С. Ноя. Саратов : Саратовский ун-т, 1976.
9. Кудрявцев В.Н. К вопросу о соотношении объекта и предмета преступления // Советское государство и право. 1951. № 8. С. 51-60.
10. Курс уголовного права в пяти томах. Том 1. Общая часть: Учение о преступлении / авт. кол. Г.Н. Борзенкови др.; под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М. : Зерцало, 2002.
11. Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М. : Госюриздат, 1960.
12. Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М. : Норма, 2001.
13. Сидоренко Э.Л. О статусе потерпевшего в уголовном праве // Журнал российского права. 2011. № 4. С. 77-84.
14. Сидоров Б.В. Поведение потерпевших от преступления и уголовная ответственность : дис. ... д-ра юрид. наук. Казань : Казанский государственный университет, 1998.
15. Сидоров Б.В. Поведение потерпевших от преступления и уголовная ответственность : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань : Казанский государственный университет, 1998.
16. Таций В.Я. Предмет преступления // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1984. № 4. С. 51-57.
17. Фаргиев И.А. Значение признаков состава преступления характеризующих потерпевшего // Законность. 1998. № 5. С. 31-33.
18. Фаргиев И.А. Учение о потерпевшем в уголовном праве России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. : Московская гос. юрид. академия, 2005.

References

1. Batyukova V.Ye. Poterpevshiy v ugolovnom prave (The victim in criminal law), avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Moscow, Yurid. in-t MVD RF, 1995.
2. Bulgakov D.B. Poterpevshiy v ugolovnom prave i yego kriminologicheskaya kharakteristika (The victim in criminal law and his criminological characteristics), dis. ... kand. yurid. nauk. Stavropol', 2000.
3. Gadzhiyeva A.A., Gadzhiyeva D.G. Poterpevshiy v sisteme ob"yektivnykh priznakov sostava prestupleniya (The victim in the system of objective elements of crime). *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve*, 2010, No. 1, pp. 141-143.
4. Gaukhman L. D. Kvalifikatsiya prestupleniy: zakon, teoriya, praktika (Qualification of crimes: law, theory, practice). Moscow, Tsentr YurInfoR, 2001.

5. Glistin V.K. Problema ugolovno-pravovoy okhrany obshchestvennykh otnosheniy (ob"yekt i kvalifikatsiya prestupleniy) (The problem of criminal law protection of public relations (object and qualification of crimes). Leningrad, LGU, 1979.
6. Dagel' P.S. Poterpevshiy v sovetskom ugolovnom prave (The victim in the Soviet criminal law). *Poterpevshiy ot prestupleniya* : tematicheskiy sbornik. Vladivostok, Dal'nevostochnyy un-t, 1974. pp. 16-37.
7. Korzhanskiy N.I. Ob"yekt i predmet ugolovno-pravovoy okhrany (The object and subject of criminal law protection). Moscow, Akademiya MVD SSSR, 1980.
8. Krasikov A.N. Sushchnost' i znacheniye soglasiya poterpevshego v sovetskom ugolovnom prave (The essence and significance of the consent of the victim in Soviet criminal law), pod red. I.S. Noya. Saratov, Saratovskiy un-t, 1976.
9. Kudryavtsev V.N. K voprosu o sootnoshenii ob"yekta i predmeta prestupleniya (On the question of the relationship between the object and the subject of crime). *Sovetskoye gosudarstvo i pravo*, 1951, No. 8, pp. 51-60.
10. Kurs ugolovnogo prava v pyati tomakh (The course of criminal law in five volumes). Tom 1. Obshchaya chast': Ucheniye o prestupleniy, avt. kol. G.N. Borzenkovi dr.; pod red. N.F. Kuznetsovoy, I.M. Tyazhkovoy. Moscow, Zertsalo, 2002.
11. Nikiforov B.S. Ob"yekt prestupleniya po sovetskomu ugolovnomu pravu (The object of crime under Soviet criminal law). Moscow, Gosyurizdat, 1960.
12. Novoselov G.P. Ucheniye ob ob"yekte prestupleniya. Metodologicheskiye aspekty (The doctrine of the object of crime. Methodological aspects). Moscow, Norma, 2001.
13. Sidorenko E.L. O statuse poterpevshego v ugolovnom prave (On the status of the victim in criminal law). *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2011, No. 4, pp. 77-84.
14. Sidorov B.V. Povedeniye poterpevshikh ot prestupleniya i ugolovnaya otvetstvennost' (The behavior of the victims of crime and criminal liability), dis. ... d-ra yurid. nauk. Kazan', Kazanskiy gosudarstvennyy universitet, 1998.
15. Sidorov B.V. Povedeniye poterpevshikh ot prestupleniya i ugolovnaya otvetstvennost' (Crime victim behavior and criminal liability), avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Kazan', Kazanskiy gosudarstvennyy universitet, 1998.
16. Tatsiy V.Ya. Predmet prestupleniya (The subject of crime). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye*, 1984, No. 4, pp. 51-57.
17. Fargiyev I.A. Znacheniye priznakov sostava prestupleniya kharakterizuyushchikh poterpevshego (The value of the elements of crime characterizing the victim). *Zakonnost'*, 1998, No. 5, pp. 31-33.
18. Fargiyev I.A. Ucheniye o poterpevshem v ugolovnom prave Rossii (The doctrine of the victim in criminal law of Russia), avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Moscow, Moskovskaya gos. yurid. akademiya, 2005.

Дата поступления: 19.05.2019 *Received: 19.05.2019*

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.98

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО С УЧАСТИЕМ ЗАЩИТНИКА

ГАЛИМХАНОВ Азат Булатович
кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: alflaw@mail.ru

В соответствии с изменениями в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации, направленными на расширение права обвиняемого на защиту, защитнику предоставлена возможность активного участия на предварительном следствии, в том числе и при проведении допросов обвиняемого. В связи с этим, в настоящей статье рассматриваются вопросы о возможности применения «классических» тактических приемов допроса обвиняемого с участием адвоката-защитника. Решая вопрос о возможности использования того или иного тактического приема при проведении допроса обвиняемого, следователю необходимо учитывать, что интересы обвиняемого представляет профессиональный юрист (адвокат), который хорошо знает криминалистическую тактику, имеет юридический опыт и стаж работы по профессии. В этой связи, следователь должен оценить не только какой эффект могут оказать тактические приемы на обвиняемого, но и предусмотреть, какие ответные тактические приемы может применить защитник с тем, чтобы помешать намерениям следователя изобличить обвиняемого в совершении преступления. В статье рассматриваются тактические приемы допроса обвиняемого и возможные действия защитника, направленные на их нейтрализацию.

Ключевые слова: тактические приемы допроса, обвиняемый, защитник, противодействие защитника тактике следователя, подготовка к допросу обвиняемого.

TACTICAL FEATURES OF THE INTERROGATION OF THE ACCUSED IN THE PRESENCE OF THE DEFENDER

GALIMKHANOV Azat Bulatovich
Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Forensics of the Institute of Law of the Bashkir state University, Ufa, Russia. E-mail: alflaw@mail.ru

In accordance with the changes in the criminal procedure legislation of the Russian Federation aimed at expanding the accused's right to protection, the defender is given the opportunity to actively participate in preliminary investigation, including during interrogation of the accused. In this regard, this paper discusses the possibility of using "classical" tactical methods of interrogation of the accused in the presence of a defense lawyer. When deciding on the possibility of using a particular tactic during the interrogation of the accused, the investigator must take into account that the accused's interests are represented by a professional lawyer (advocate), who is well aware of forensic tactics, has legal experience and work experience in the profession. In this regard, the investigator must assess not only the effect that tactical techniques can have on the accused, but also to provide for what retaliatory tactics the defender can use in order to prevent the investigator's intentions to catch the accused in crime. The paper deals with tactical methods of interrogation of the accused and possible actions of the defender aimed at their neutralization.

Key words: interrogation tactics, accused, defender, defender's counteraction to the investigator's tactics, preparation for the interrogation of the accused.

С момента внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство, расширяющих возможность участия защитника на предварительном следствии, прошло почти тридцать лет. В ст. 14 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судоустройстве, принятых 13 ноября 1989 г., было предусмотрено, что право подозреваемого и обвиняемого на защиту обеспечивается путем участия защитника с момента задержания, ареста или предъявления обвинения [1]. В связи с принятием Конституционным Судом Российской Федерации постановления № 11–П от 27 июня 2000 г. «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» [2], федеральным законом от 20 марта 2001 г. в статью 47 УПК РСФСР были внесены изменения, предусматривающие, что в случае задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, или применения к нему меры пресечения в виде заключения под стражу до предъявления обвинения, защитник допускается к участию в деле с момента его фактического задержания [3]. Аналогичные положения содержатся и в действующем УПК Российской Федерации. Кроме того, в соответствии с п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ защитник может участвовать в деле с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьей 144 УПК РФ. Таким образом, следует признать, что законодателем практически сняты ограничения по допуску защитника к участию в деле на предварительном следствии.

Данные изменения в уголовно-процессуальном законодательстве направлены на предоставление более широких прав на защиту подозреваемых и обвиняемых. Вместе с тем, несомненно, что возможность активного участия защитника на предварительном следствии обуславливает за собой необходимость разработки новых организационно-тактических приемов, методических рекомендаций, направленных на повышение эффективности деятельности следователя в современных условиях.

При проведении отдельных следственных действий с участием адвоката-защитника, следователю необходимо учитывать, что ему противостоит профессиональный юрист, который также знает какие тактические приемы могут быть использованы стороной обвинения. В программу подготовки юриста в высших учебных заведениях включена учебная дисциплина криминалистика, студенты уголовно-правового профиля (ранее – уголовно-правовой специализации) дополнительно изучают дисциплины по выбору, в том числе и такие как «Методика расследования отдельных категорий преступлений», «Тактика отдельных следственных действий». Соответственно, выпускник юридического факультета получает знания, приобретает умения и навыки выявления, раскрытия и расследования преступлений. В процессе своей работы, профессиональный адвокат-защитник продолжает заниматься самообразованием, знакомится с судебно-следственной практикой, изучает труды ученых-криминалистов, разрабатывающих тактику проведения отдельных следственных действий. Следовательно, зачастую адвокат-защитник не хуже следователя (а иногда и лучше) знает криминалистическую методику и тактику.

Учеными-криминалистами ранее были разработаны тактические приемы допроса, которые успешно применялись в практической деятельности следователя. Однако, необходимо учесть, что данные тактические приемы в основном были разработаны в тот исторический период, когда следователь допрашивал обвиняемого «один на один», без участия третьих лиц при производстве допроса. В этой связи возникает вопрос, насколько эффективно могут быть применены «классические» тактические приемы допроса в современных условиях с участием адвоката-защитника.

Так, например, в целях поддержания темпа допроса, предлагается использовать такой тактический прием, как форсированный (ускоренный) темп допроса. При использовании дан-

ного тактического приема следователь старается максимально ограничить обвиняемого во времени для обдумывания ответа на вопросы следователя с тем, чтобы обвиняемый не успел придумать новые ложные показания, какие-то новые уловки, создать ситуацию, когда обвиняемый начнет проговариваться. Полагаем, что когда допрос ведется без участия адвоката-защитника, этот тактический прием может быть активно и успешно использован, так как следователь не дает возможность обвиняемому «опомниться» (обращаем внимание, что в данном случае мы ведем речь исключительно о правомерном психологическом воздействии). В тех же случаях, когда интересы обвиняемого защищает адвокат и он принимает участие при допросе обвиняемого, необходимо оценить насколько высока вероятность того, что данный тактический прием принесет результат, более того, возможно ли его применение в принципе. Одной-двумя фразами умелый адвокат может полностью воспрепятствовать данной тактике следователя. Например, остановить следователя, попросив его не торопиться и дать допрашиваемому время обдумать заданный вопрос. Тоже самое адвокат может сказать своему подзащитному. Таким образом, темп допроса будет сбит, и следователь может не достичь поставленной задачи.

Тактический прием предъявления доказательств считается одним из самых эффективных тактических приемов при проведении допроса. В криминалистической литературе имеется большое количество публикаций, в которых объясняется, в каких случаях лучше предъявлять доказательства с настающей силой, а в каких случаях лучше сначала предъявить главное доказательство. Несомненно, что такой тактический прием (а иногда вместе с применением такого тактического приема как ускоренный темп допроса) может привести к желаемому результату с тем, чтобы убедить обвиняемого дать правдивые показания. Однако, в тех случаях, когда при проведении допроса участвует адвокат, этот тактический прием может не сработать. Одной из рекомендаций адвокатов своим подзащитным является не спешить давать показания на каждое предъявленное доказательство. Например, в беседе, один из адвокатов пояснил, что перед допросом он рекомендует подзащитному выслушать все предъявляемые доказательства, после этого попросить перерыв в допросе и спокойно обсудить в конфиденциальной беседе с адвокатом сложившуюся ситуацию. Если следователь откажет в перерыве допроса, то обвиняемый, ссылаясь, на ст. 51 Конституции РФ, может просто отказаться от дачи показаний. Соответственно, следователь может не добиться нужного результата.

Примерно так же может противодействовать защитник при применении следователем такого тактического приема как создание представления об определенной (преимущественно большей) осведомленности следователя. В практикумах по криминалистике приводится задача, когда следователь, как будто случайно показывает наручные часы, аналогичные тем, что были похищены и затем реализованы обвиняемым, при этом следователь никак не комментирует свои действия. Соответственно, обвиняемый может подумать, что следователь нашел похищенные часы, и начнет давать правдивые показания. Теперь представим, что рядом с обвиняемым находится адвокат-защитник, который также наблюдает данные действия следователя. Предполагаем, что адвокат может сразу же сказать подзащитному не реагировать. Либо, например, спросит у следователя, что это за часы, которые он показал. Что в этой ситуации отвечать следователю? Говорить, что это те самые часы, которые похитил обвиняемый недопустимо, это обман. Говорить, что это аналогичные часы, значит признать провал своей тактики, а это укрепит обвиняемого в его позиции не давать правдивые оказания. Молчание следователя тоже будет расценено адвокатом-защитником и обвиняемым как проявление слабости в позиции обвинения. Полагаем, что адвокат-защитник, с учетом своего опыта профессиональной защиты и знаний криминалистической тактики, может догадаться о намерениях следователя создать ошибочное представление у обвиняемого об определенной осведомленности следователя и тем самым сорвать намеченную тактику допроса. В отдельных случаях, это может привести к возникновению конфликтной ситуации, когда адвокат обвинит следо-

вателя в применении недопустимых тактических приемов, в обмане, в введении заблуждения обвиняемого. Эта ситуация может привести к тому, что обвиняемые начнет чувствовать себя уверенно, давая ложные показания, полагая, что у следователя нет никаких доказательств.

Кроме того, тактика следователя, направленная на то, чтобы побудить обвиняемого дать правдивые показания, вряд ли применима в тех случаях, когда обвиняемый по совету адвоката отказывается от дачи показаний. Как поясняют адвокаты, они дают данную рекомендацию с тем, чтобы понять какие доказательства есть у следователя, какую позицию в дальнейшем будет занимать сторона защиты, стремлением не ухудшить своими показаниями положение обвиняемого, т.е. тактика выжидания. Конечно же, мы не призываем отказаться от использования этих и других тактических приемов допроса. Несомненно, что применение «классических» тактических приемов допроса может привести и приводит к положительному результату при проведении допроса обвиняемого. Однако, считаем, что в современных условиях, возможность применения данных тактических приемов допроса необходимо оценивать не только с точки зрения, какой эффект они окажут на обвиняемого, но и предусмотреть, какие ответные тактические приемы может применить защитник с тем, чтобы помешать намерениям следователя изобличить обвиняемого в совершении преступления.

Библиографические ссылки

1. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о судоустройстве: приняты Верховным Советом ССР 13 нояб.1989 г. // Вед. СНД СССР. 1989. № 23. ст. 441.
2. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова: пост. Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11–П // Российская газета. 2000. 4 июля.
3. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод: федер. закон Рос. Федерации от 20 марта 2001 г. № 26-ФЗ // Российская газета. 2001. 23 марта.

References

1. Osnovy zakonodatel'stva Soyuza SSR i soyuznykh respublik o sudoustroystve: prinyaty Verkhovnym Sovetom SSR 13 noyab.1989 g. (Fundamentals of the legislation of the USSR and the Union of republics on the judicial system: adopted by the Supreme Soviet of the Soviet Socialist Republic on November 13, 1989). *Ved. SND SSSR*. 1989. № 23. st. 441.
2. Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy chasti pervoy stat'i 47 i chasti vtoroy stat'i 51 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa RSFSR v svyazi s zhaloboy grazhdanina V.I. Maslova: post. Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 27 iyunya 2000 g. № 11–P (In the case of verification of the constitutionality of the provisions of the first part of Article 47 and the second part of Article 51 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR in connection with the complaint of citizen V.I. Maslov: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 27, 2000 No. 11 – P). *Rossiyskaya gazeta*. 2000. 4 iyulya.
3. O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v nekotoryye zakonodatel'nyye akty Rossiyskoy Federatsii v svyazi s ratifikatsiyey Konventsii o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod: feder. zakon Ros. Federatsii ot 20 marta 2001 g. № 26-FZ (On amending and supplementing some legislative acts of the Russian Federation in connection with the ratification of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms: Federal Law of the Russian Federation of March 20, 2001 No. 26-ФЗ). *Rossiyskaya gazeta*. 2001. 23 marta.

Дата поступления: 03.06.2019 *Received: 03.06.2019*

УДК 340.6

О ЗНАЧЕНИИ СВОЙСТВ ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

ЖАБИН Илья Юрьевич
старший преподаватель кафедры транспортного права Санкт-Петербургском университете гражданской авиации, г. Санкт-Петербург, Россия. Email: odsi@mail.ru

При исследовании объективной стороны преступления особое значение приобретают такие признаки, которые характеризуют обстановку, способ и последствия совершения преступления. Эти признаки обязательны для установления, потому что их отсутствие усложняет определение состава преступления. Однако признаки потерпевшего никогда не рассматривались как отдельный признак объективной стороны. Вместе с тем, анализ уголовного закона показал, что признаки потерпевшего (личности, поведения, состояния, взаимоотношений с виновным, вреда) довольно часто фигурируют в связи с другими признаками объективной стороны. При всем этом признаки потерпевшего характеризуют такие признаки объективной стороны, как обстановка (поведение, состояние, взаимоотношения), способ (использование состояния и взаимоотношений) и последствия (признаки вреда).

Ключевые слова: потерпевший, объективная сторона преступления, признаки потерпевшего, виновный, взаимоотношения потерпевшего и виновного.

ON THE SIGNIFICANCE OF THE VICTIM'S TRAITS WHILE CHARACTERIZING THE OBJECTIVE SIDE OF CRIME

ZHABIN Ilya Yuriyevich
Senior Instructor of the Department of Transport Law of the Saint Petersburg State University of Civil Aviation, St. Petersburg, Russia. Email: odsi@mail.ru

In the study of the objective side of crime, such essential elements that characterize the situation, modus operandi and consequences of committing a crime take on particular significance. These essential elements are required to be established, because their absence complicates the definition of components of crime. However, the victim's characteristics have never been considered as an independent element of the objective side. At the same time, the analysis of criminal law shows that the victim's characteristics (personality, behavior, condition, relationships with the guilty person, damages) often appear in connection with other essential elements of the objective side. With all this, the victim's traits characterize such signs of the objective side as the situation (behavior, condition, mutual relations), modus operandi (use of the state and relationships) and consequences (essential elements of damages).

Key words: victim, objective side of crime, victim's characteristics, guilty, relationships between the victim and the guilty person.

Объективная сторона преступления включает в себя ряд признаков (обязательных и факультативных) которые традиционно выделяются в науке уголовного права. Признаки потерпевшего при этом никогда отдельный признак объективной стороны не составляли. Вместе с тем, анализом уголовного закона показал, что признаки потерпевшего (личности, поведение, состояние, взаимоотношения с виновным, вред) довольно часто фигурирует в связи с другими признаками объективной стороны. П.С. Дагель признаки потерпевшего относит к таким признакам объективной стороны, как обстановка и преступные последствия [2, с. 23]. Аналогичной позиции придерживается и И.А. Фаргие [6, с. 26]. С.В. Анощенкова, анализируя признаки потерпевшего, приходит к выводу, что они характеризуют деяние, обстановку и

способ совершения преступления [1, с. 206]. И.Ф. Дедюхина также указывает, что «Поведение и состояние потерпевшего входят составной частью в содержание объективной стороны ряда составов, так как они характеризуют обстановку совершения преступления» [3, с. 18]. М.С. Сирик тоже относит поведение потерпевшего к объективной стороне преступления, однако не конкретизирует, к какому признаку элемента оно относится [4, с. 17]. Поэтому необходимо определить, к каким признакам объективной стороны относятся признаки потерпевшего. Поведение потерпевшего тесно взаимосвязано с поведением виновного и часто характеризует обстановку совершения преступления. Признаки поведения потерпевшего можно классифицировать на виды по различным основаниям, но вне зависимости от вида ОНО (поведение) создает специфическую обстановку совершения преступления. Следовательно, поведение потерпевшего соотносится с факультативным признаком объективной стороны – "обстановка совершения преступления". Будучи зафиксированным в диспозиции статьи Особенной части УК РФ, поведение потерпевшего становится обязательным признаком состава преступления. Состояние потерпевшего характеризует, прежде всего, объект преступления. Однако оно может также использоваться виновным и для совершения преступления, а, значит, оно может относиться и к обстановке совершения преступления.

Это обстоятельство признается П.С. Дагель [2, с. 27], И.А. Фаргиевым [5]. Однако с данной позицией С.В. Анощенкова не соглашается, указывая, что обстановка в основном связывается с определенными событиями, а не свойствами потерпевшего. По ее мнению "с особым состоянием потерпевшего законодатель связывает бездействие субъекта преступления, не выполняющего обязанности по отношению к потерпевшему" [1, с. 201], поэтому она относит такое состояние к признакам деяния (бездействия). Разберем данную позицию на одном из примеров, которые она приводит. Пострадавшим в ст.124 УК РФ указан больной, а виновным – лицо, обязанное оказывать больному помощь. С.В. Анощенкова указывает: «Виновный, имея обязанность и реальную возможность оказывать помощь потерпевшему, бездействует. Если бы лицо, оставляемого без помощи, не обладал указанными признаками, то состав преступления отсутствовало бы «[1, с. 200]. Действительно, указанные в законе признаки потерпевшего обязательны для установления, их отсутствие влечет отсутствие в действиях лица состава преступления. Однако это совсем не значит, что эти признаки характеризуют деяние. Представляется, что содержание бездействия является неоказание помощи, а признаки состояния потерпевшего в данном случае характеризует объект преступления (общественная опасность деяние), а также обстановка деяние (бездействия).

Признаки, определяющие взаимоотношения потерпевшего и виновного, также относятся к объективной стороне. Наличие отношений зависимости, родственные взаимоотношения характеризует обстановку совершение преступления. А вот их использование (так же, как и использование состояние) будет характеризовать способ.

Признаки, характеризующие вред, причиненный пострадавшему, относятся как к характеристике объекта, так и к преступным последствиям. Общественно опасные последствия – это тот результат, который свидетельствует о нарушении прав потерпевшего, о причинении вреда его правоохраняемые интересы. Принимая во внимание наш подход к определению потерпевшего, считаем, что последствия могут существовать не только как вред, но и в виде угрозы его причинения (например, при неоконченном преступлении). Суждение о том, что вред является последствием преступления и относится к объективной стороне, не вызывает споров. Данный вопрос детально изучен и освещен в рамках учения об объективной стороне преступления. С.В. Анощенкова указывает также на связь объективной стороны, а именно способа преступления, и субъективного восприятия его пострадавшим. Эта связь проявляется в составах преступлений, способом совершения которых является угроза, которая должна восприниматься виновным как реальная, а также в иных, когда требуется осознание способа (например, использование ору-

жия) [1, с. 205-206]. Действительно, такая связь существует, однако при этом непосредственно признаках потерпевшего в способе не проявляется.

Таким образом, признаки потерпевшего характеризуют такие признаки объективной стороны, как обстановка (поведение, состояние, взаимоотношения) способ (использование состояния и взаимоотношений) и последствия (признаки вреда).

Библиографические ссылки

1. Анощенкова С.В. Уголовно-правовое учение о потерпевшем : монография / отв. ред. Н.А. Лопашенко. М. : Волтерс Клувер, 2006.
2. Дагель П.С. Потерпевший в советском уголовном праве // Потерпевший от преступления : тематический сборник. Владивосток: Дальневосточный ун-т., 1974. С. 16-37.
3. Дедюхина И.Ф. Проблемы установления и реализации уголовной ответственности с учетом признаков потерпевшего : дис. ... канд. юрид. наук. М. : Российская академия правосудия, 2008.
4. Сирик М.С. Институт потерпевшего: уголовно-правовые и криминологические аспекты : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону : Ростовский юридический ин-т МВД России, 2006.
5. Фаргиев И.А. Значение признаков состава преступления характеризующих потерпевшего // Законность. 1998. № 5. С. 31-33.
6. Фаргиев И.А. Учение о потерпевшем в уголовном праве России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. : Московская гос. юрид. академия, 2005.

References

1. Anoshchenkova S.V. Ugolovno-pravovoye ucheniye o poterpevshem (Criminal law doctrine of the victim), monografiya, otv. red. N.A. Lopashenko. Moscow, Volters Kluver, 2006.
2. Dagel' P.S. Poterpevshiy v sovetskom ugolovnom prave (The victim in the Soviet criminal law). *Poterpevshiy ot prestupleniya,* tematicheskiy sbornik. Vladivostok, Dal'nevostochnyy un-t., 1974, pp. 16-37.
3. Dedyukhina I.F. Problemy ustanovleniya i realizatsii ugolovnoy otvetstvennosti s uchetom priznakov poterpevshego (Problems of establishing and implementing criminal responsibility with regard to the victim's characteristics), dis. ... kand. yurid. nauk. Moscow, Rossiyskaya akademiya pravosudiya, 2008.
4. Sirik M.S. Institut poterpevshego: ugolovno-pravovyye i kriminologicheskiye aspekty (Institute of the victim: criminal law and criminological aspects), avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Rostov-na-Donu : Rostovskiy yuridicheskiy in-t MVD Rossii, 2006.
5. Fargiyev I.A. Znacheniye priznakov sostava prestupleniya kharakterizuyushchikh poterpevshego (The value of essential elements of crime characterizing the victim). *Zakonnost',* 1998, No. 5, pp. 31-33.
6. Fargiyev I.A. Ucheniye o poterpevshem v ugolovnom prave Rossii (The doctrine of the victim in criminal law of Russia), avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Moscow, Moskovskaya gos. yurid. akademiya, 2005.

Дата поступления: 11.04.2019 *Received: 11.04.2019*

УДК 343.9

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ГОСЗАКУПКАХ

СОШНИКОВА Ирина Владимировна
кандидат социологических наук, доцент кафедры публичного права Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: i.v.soshnikova@yandex.ru
ШЕРПАЕВ Владимир Иванович
доктор политических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: sherpaev@list.ru

Актуальность обусловлена необходимостью повышения антикоррупционной устойчивости системы государственных и муниципальных закупок, что требует формирования эффективных механизмов управления процессом противодействия коррупции. Тематика противодействия коррупции в нашей стране привлекает пристальное внимание. В результате рыночных преобразований сформировались новые организационно-правовые условия хозяйствования, сложился дисбаланс в социально-экономических отношениях, что повлекло за собой обогащение должностных лиц и предпринимателей. Коррупция принимает различные виды и формы, однако едва ли не самая опасная среди них – массовый характер преступлений в сфере государственных закупок. Высокая опасность этого явления обусловлена целым рядом обстоятельств. Традиционные способы борьбы с коррупцией в сфере государственных закупок показали свою недостаточность, необходим комплексный анализ негативного воздействия коррупции в сфере государственных закупок.

Ключевые слова: коррупция, хищение, бюджетные средства, злоупотребление полномочиями, мошенничество, незаконное присвоение, преступная деятельность.

FORENSIC CHARACTERISTICS OF CRIMINAL ACTIVITIES IN THE SPHERE OF STATE PROCUREMENT

SOSHNIKOVA Irina Vladimirovna
Candidate of Sciences (Sociology), Assistant Professor of the Chair of Public Law of the Ural State Economic University, Yekaterinburg, Russia.
E-mail: i.v.soshnikova@yandex.ru
SHERPAYEV Vladimir Ivanovich
Doctor of Political Sciences, Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia.
E-mail: sherpaev@list.ru

The relevance is due to the need to improve the anti-corruption sustainability of the system of state and municipal procurement, which requires the formation of effective mechanisms to manage the anti-corruption process. The topic of anti-corruption in our country attracts close attention. As a result of market transformations, new organizational and legal conditions for business were formed, imbalance in social and economic relations emerged, which resulted in the enrichment of officials and entrepreneurs. Corruption takes various forms and forms, but perhaps the most dangerous among them is the massive nature of crimes in the field of public procurement. The high danger of this phenomenon is due to a number of circumstances. Traditional ways to combat corruption in public procurement have shown their inadequacy; a comprehensive analysis of the negative impact of corruption in public procurement is needed.

Key words: corruption, embezzlement, budget resources, abuse of power, fraud, misappropriation, criminal activities.

На сегодняшний день в России доля государственных закупок составляет около 40% расходной части бюджета. Эти значимые объемы государственных закупок делают задачу обеспечения их эффективности первостепенной. Перед российским бизнесом сейчас открываются интересные ниши по развитию и позиционированию себя на рынке, что связано с некоторыми новыми мощнейшими импульсами, которые бизнес видит, понимает и правильно на них реагирует. Во-первых, введение санкций сформировало большой рынок импортозамещения, на который можно войти. Второй момент: это решение Правительства о том, что не менее 18% всех госзакупок со стороны как государственных и муниципальных органов, так и крупных государственных компаний должны идти через малый и средний бизнес. Это означает, что рынок открывают более чем на триллион рублей. Это колоссальные возможности [5, с. 4]. И, в-третьих, нельзя забывать и о том, что сегодня Россия (Российская Федерация) в соответствии со своей Конституцией 1993 г., где официально закреплен правовой характер ее государства (ст. 1), все же развивается в сторону, именно, правового государства, под которым и в нашей стране начали понимать государство, «формируемое свободными гражданами на основании общественного договора» [10, с. 11]. Но тем, кто формирует всю эту политику по госзакупкам, необходимо организовать конкретные действия: нужно сектору отдать эту часть рынка и соответственно менять всю нормативно-правовую базу. Вторая проблема возникает из-за того, что сектор МСП по многим требованиям госзакупок по качеству услуг и продуктов зачастую не готов конкурировать.

Для ответа на объективный вызов для сектора нужны решения по повышению качества продукции и услуг, по внедрению международных стандартов в части менеджмента снижению издержек, формировани. благоприятной среды и финансовых ресурсов: без денег такую модернизацию не произведешь, когда нужно брать новое оборудование, новые технологии готовить кадры и т.д. И здесь возникает проблема, влияющая на настроения сектора. Коррупция, которая имеет более глубокие последствия, отложенный эффект, а упущенная выгода от использования коррупционных механизмов, или косвенные эффекты, значительно превышают прямые нарушения антикоррупционного законодательства. Самой важной движущей силой в рамках преступлений, связанных с хищением средств бюджета, выступает коррупция, которая присущая большому количеству преступных действий в сфере экономики. Выделяемые бюджетные средства на муниципальные и государственные нужды практически невозможно похитить без участия чиновников. Объясняется это тем, что хищения такого рода осуществляются, как правило, либо под видом, либо в процессе вполне законных хозяйственных операций. При этом очевидно, что выполнять подобные операции или давать указания на их выполнение могут только те лица, которые обладают соответствующими полномочиями. Также в подавляющем большинстве случаев хищение бюджетных денежных средств неразрывно связано с коррупционными действиями [1, с. 104-112].

Наиболее уязвимыми для коррупции секторами экономики являются: сфера недвижимости, получение строительных подрядов, отрасли тяжелой промышленности, добыча полезных ископаемых, нефтегазовая промышленность. Однако на первом месте – сфера государственных и муниципальных закупок, прежде всего в таких отраслях народного хозяйства, как образование, здравоохранение, ЖКХ, национальная оборона. Важнейшими составными элементами криминалистической характеристики преступной деятельности в сфере государственных и муниципальных закупок являются:

1. Субъект преступной деятельности. Здесь отметим несколько важных обстоятельств. Элементы, характеризующие субъект, во-первых, не работают в отрыве от других факторов; во-вторых, они не универсальны. Скажем, в ходе расследования так называемых должностных преступлений нетипичным фактором будет розыск субъектов, а в нашем случае данный вид преступлений совершают именно должностные лица. Представляет интерес связка должностного положения и способа совершения определенными лицами преступных действий.

2. Обстановка (ситуация, условия) совершения преступной деятельности, которая определяется несколькими объективными факторами: во-первых, экономическими условиями конкретного субъекта Федерации, населенного пункта, предприятия; во-вторых, конъюнктурными характеристиками (спрос, предложение, острота социального вопроса, на разрешение которого выделяются средства); в-третьих, спецификой документооборота; в-четвертых, уровнем развития контрольно-ревизионных служб.

3. Способ совершения преступных действий, который позволяет установить, какова задача совершенного действия; какова форма выражения данного действия (внешняя сторона «движения мысли»); с помощью каких средств действие совершено.

4. Следы преступной деятельности. Поскольку субъект деятельности не только изменяет объекты, но и запечатлевает, материализует в этих измененных состояниях свою сущность, в результате формируются следы преступной деятельности. Речь при этом идет не просто об изменениях материальной обстановки как будущих вещественных доказательствах (или их образцах), не только о документах (или их копиях), но и о психическом отражении в форме устных или письменных сообщений наиболее вероятных свидетелей.

Можно выделить несколько способов хищения средств на производство закупок для государственных и муниципальных нужд и сгруппировать их следующим образом.

1. Нецелевое расходование. Под ним понимается использование бюджетных средств на цели, «не соответствующие условиям их получения, определенных утвержденным бюджетом, сметой доходов и расходов либо иным правовым основанием их получения» [3]. Например, выделенные бюджетные средства могут направляться напрямую на банковские депозиты, на приобретение разных активов с целью дальнейшей продажи. Случаи расходования средств в отсутствие оправдательных документов; при наличии неоформленных или неправильно оформленных первичных документов; расходование не по коду бюджетной классификации (КБК), по которому было выделено финансирование, также считаются нецелевым расходованием. Ранее чиновники, имеющие доступ к бюджетным средствам, имели участие в проведении и организации тендеров (конкурсов) и в свою очередь создавали так называемые фирмы-однодневки, на счета которым перечислялись, обналичивались и похищались бюджетные средства. Сегодня чиновники (должностные лица) используют более сложные схемы хищения денежных средств, в которых используются коммерческие структуры, причем по формальным признакам они не являются фирмами-однодневками.

2. Хищения денежных средств, связанные с проведением конкурсов (тендеров). Хищение бюджетных денежных средств, выделенных для производства закупок товаров и производства работ для государственных и муниципальных нужд, связанное с проведением конкурсов в первую очередь проявляется в наличии преступных сговоров, которые носят противоправный, противозаконный характер и ущемляют интересы государства либо третьей стороны. Типичными способами совершения большинства хищений денежных средств при проведении тендеров являются: а) мошеннические действия, выражающиеся в противоправном завладении денежными средствами, предназначенных для государственных и муниципальных закупок, с представлением подложных документов и т.д. Этот способ может быть осуществлен с помощью отдельных механизмов, ведущих к выигрышу в тендере определенной организации: изменение написания слов в объявлении о необходимости предоставления товаров или услуг, написание части букв латиницей, использование лишних пробелов и других знаков, в результате найти такой тендер при поиске становится невозможно; неправильная классификация закупки (изменение кода товара или услуги); подделка документов поставщиками; б) присвоение и растрата средств для государственных и муниципальных закупок, совершаемые посредством сговора с должностным лицом, при этом составляются подложные документы о приобретенной продукции; в) мошенничество с предоставлением поддельных документов на получение субсидий по кредитам, выделяемым государством в рамках реали-

зации национальных проектов; г) получение взятки и иные должностные злоупотребления в ходе проведения конкурсов (тендеров).

В сфере проведения конкурсов также заметны коррупционные проявления, как правило, они напрямую связаны с поставкой товаров. В этом случае заключают изначально невыгодные договоры без проведения каких-либо торгов. Есть необходимость уделить внимание так называемым откатам. Это форма хищения бюджетных средств, совершаемая посредством уплаты организацией, где работает должностное лицо, средств за товары по явно завышенной цене, при этом часть средств получает должностное лицо в виде вознаграждения (отката) в качестве помощи за заключение подобного договора.

В случае откатов возникает вопрос о том, можно ли расценивать такие действия как преступные, предусмотренные ст. 285 или ст. 290 Уголовного кодекса РФ [13]. Впрочем, иногда вменяется совокупность преступлений без учета источника отката. «При решении вопроса о наличии в действиях (бездействии) подсудимого состава преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, под признаками субъективной стороны данного преступления, кроме умысла, следует понимать корыстную заинтересованность, т.е. стремление должностного лица путем совершения неправомерных действий получить для себя или других лиц выгоду имущественного характера, не связанную с незаконным безвозмездным обращением имущества в свою пользу или пользу других лиц» [7].

В отличие от хищения чужого имущества с использованием служебного положения злоупотребление должностными полномочиями из корыстной заинтересованности образуют такие деяния должностного лица, которые либо не связаны с изъятием чужого имущества или связаны с временным/возмездным изъятием. Если злоупотребление служебными полномочиями выразилось в хищении (фактическом изъятии) чужого имущества, то содеянное квалифицируется по ч. 3 ст. 159 или ч. 3 ст. 160 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 285 УК РФ не требует [7].

Центральное значение при квалификации действий должностного лица по ст. 159 (ст. 160) или ст. 290 УК РФ имеет источник этого вознаграждения – доля (фиксированный размер) от суммы сделки, рассматриваемая как откат, или собственные средства взяткодателя [9]. Необходимо анализировать монополистические действия должностных лиц при проведении конкурсов. Все дело в том, что при этом запрещаются действия, способные ограничить, не допустить или устранить конкуренцию, такие как нарушение порядка определения победителя; создание преимущественных условий некоторым участникам; противозаконное ограничение доступа к торгам; участие в торгах самих организаторов и др. [9]. В этой связи практикуются такие приемы, как закупка товаров по заранее оговоренным (как правило, завышенным) ценам; победителями становятся заранее определенные подставные компании; приобретение товаров для государственных и муниципальных учреждений реализуется посредством манипулирования объемом и качеством закупок; и др.

Кроме названных способов хищения государственных средств, необходимо рассматривать еще ряд распространенных способов: мошеннические действия с кредитами и займами, предоставленными международными финансовыми организациями и иностранными государствами, путем фальсифицированных финансовых отчетностей документов; покрытие бюджетными средствами расходов сторонних юридических и физических лиц; незаконный возврат из бюджета НДС. Один из самых распространенных способов, при котором разворовываются государственные средства (инвестиционные или целевые кредиты), которые кладутся на депозитные счета в банке, под процент гораздо ниже рыночного. За размещение в банке денежных средств руководитель государственной организации получает от банка «откат» в виде наличных денег. Одной из особенностей хищений бюджетных денежных средств, выделенных для государственных и муниципальных закупок, является то, что эти данные преступные деяния в своем большинстве случаев совершаются группами. Они классифици-

руются так: с предварительным сговором (ситуационная группа); случайная группа; блок расхитителей (состоящий из нескольких групп); организованная группа.

Своеобразие совершаемых преступлений в сфере государственных и муниципальных закупок определяется: иерархической структурой группы; большой латентностью совершения хищений; устойчивой связью всех членов группы; функциональностью каждого участника группы; кроме того, второстепенные участники, как правило, знают о действиях лишь ближайших соучастников, и не осведомлены о деятельности организаторов; напротив, организаторы преступной группы знают о всей деятельности ее членов.

Данные признаки можно разделить: во-первых, на признаки сокрытия хищения; во-вторых, на признаки осуществления хищений. Что касается признаков совершения хищений, совершаемых должностными лицами: излишки или недостача денежных средств и материальных ценностей; непосредственное задержание должностного лица с похищенным имуществом; обнаружение на производстве или на складе товарно-материальных ценностей, которые не отражаются в документах; выплата денежных средств предприятия за изготовление продукции, которая не отражается в учете; выявление фактов неправомерного приобретения или реализации имущества, а также готовых изделий и др.; отпуск или приемка имущества по указанию должностных лиц без соответствующего оформления документов; безосновательное начисление и выплата заработной платы лицам, не работавшим в данной организации, и работникам, не выполнявшим работы; неоднократные выплаты работнику за одну и ту же работу и др.; несоответствующее определение качественных и количественных характеристик отпускаемого или принимаемого имущества; наличие большого количества рекламаций, свидетельствующих о замене дорогостоящего сырья малоценным или о систематическом недовложении сырья в изготовляемую продукцию; транспортировка имущества без сопроводительных документов или в количестве, превышающем указанное в документах, если таковые имеются; незаконная закупка должностными лицами сырья с оплатой его из личных средств; подложные документы строгой бухгалтерской отчетности; незаконное списание денежных средств на фиктивно закупленное оприходованное имущество, которое не поступало.

С помощью этих признаков можно выдвинуть версии о самом факте хищения определенных ценностей, о способах данного хищения, конкретных фактах преступной деятельности в сфере государственных и муниципальных закупок и об участниках преступной группы. Это можно сделать и на самой начальной стадии процесса хищения и тем самым своевременно пресечь преступные действия должностных лиц. Что касается мест, где могут выявляться данные признаки хищений в сфере государственных и муниципальных закупок, то это: на предприятиях и организациях, которые осуществляют перевозки грузов; в торгово-сбытовых предприятиях и организациях; по месту жительства должностного лица (лиц). По итогам 2015 г. аудиторы Счетной палаты РФ выявили в сфере госзакупок около 500 нарушений более чем на 125 млрд р. (годом ранее – 276 нарушений и 39,6 млрд р.).

На региональном и муниципальном уровнях таких нарушений было 18 тыс., но на 17,5 млрд р. (а 2014 – 2 тыс. и 7,4 млрд р.). Закупки госкомпаний прошли с нарушением на 620 млн р., а в регионах – ещё на 3,8 млрд р. Увеличение количества нарушений отмечает и ФАС России – почти на 30% по сравнению с 2014 г. Другая негативная тенденция – рост объема закупок у единственного поставщика, что не приводит к экономии бюджетных средств. Так, если на региональном уровне такие закупки составляют 6,4%, а на муниципальном 14,3%, то на федеральном – уже 35,2%, а в госкомпаниях – 40,4%. Как правило, такой поставщик маскируется в «прочих» способах закупки, разрешенных госкомпаниям (55,3%). Причем некоторые из них находятся в стадии банкротства или близки к этому. Не внушает оптимизма и отчетность Генпрокуратуры РФ, согласно которой в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд было выявлено 54 тыс.

коррупционных правонарушений, что на 14% превосходит показатель 2014 года, а также 6,5 тыс. незаконных правовых актов.

Несмотря на галопирующий рост правонарушений в сфере госзакупок, стоящие за ними коррупционеры сохраняют не только свои посты, но и свободу. Опять-таки по данным Генпрокуратуры, за прошлый год в дисциплинарном и административном порядке наказали всего 35,8 тыс. лиц, а по материалам проверок возбудили лишь 730 уголовных дел (!). Что же касается оборонно-промышленного комплекса, то там было наказано около 3,3 тыс. виновных лиц и возбуждено всего 244 уголовных дела.

Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России выявило 362 преступления данной категории, а к уголовной ответственности привлечено 133 лица. Причем далеко не все из них впоследствии получат реальный срок лишения свободы, не говоря уже о конфискации. В результате прокурорских проверок, прошедших по всей стране, к дисциплинарной ответственности привлечено более 30 тыс. чиновников, 477 уволены в связи с утратой доверия. Возбуждено почти 2 тыс. уголовных дел, 3,8 тыс. чел. привлечены к административной ответственности [4, с. 3]. Хочется заметить, что количество уголовных дел, возбуждаемых по фактам хищения бюджетных денежных средств, выделенных для государственных и муниципальных закупок, неумолимо растет. К сожалению, в ряде случаев, по различным основаниям уголовное преследование виновных лиц прекращается. Причина кроется в большой сложности расследования таких хищений, отсутствии у субъектов производящие расследование, комплексных знаний в области финансовых отношений, бюджетного, банковского и налогового законодательства, компьютерных технологий.

Отрицательные последствия использования коррупционных механизмов сложно переоценить. Например, в конце 2017 г. Генпрокуратура РФ привела следующие цифры: за 2015, 2016 и три квартала 2017 г. общий ущерб от коррупции составил 148 млрд р. [12]. Однако это, возможно, только верхушка айсберга. Пристальное внимание в докладе «Мировой опыт борьбы с коррупцией и российские реалии», по понятным причинам, уделено российским практикам и моделям антикоррупционной борьбы [11].

Правительство России внесло в Госдуму проект закона, который предполагает запрет на проведение антикоррупционной экспертизы правовых документов НКО-иноагентам, а также определенным категориям лиц. Принятие законодательства, призванного защитить граждан от мошенничества строительных компаний, может обернуться ростом числа долгостроев, цен на новое жилье и увеличить в разы армию обманутых граждан, заключили эксперты. Одна из главных проблем в том, что принятые поправки распространяют новые правила на уже начатые до 1 июля 2018 г. проекты строительства: Это может технически остановить финансирование и строительство всех текущих проектов, привести к банкротству или уходу с рынка от 30 до 50 % действующих застройщиков [13].

Поправка в закон о закупках госкомпаний, вступившая в силу 1 января 2018 г., указывает, что лишь с этого момента закон формально запретит конфликт интересов между заказчиком и участником закупки, в том числе выражающийся в наличии родственных связей между ними [6]. В Послании Федеральному Собранию 1 марта 2018 г. Президент России значительное внимание уделил продолжению системной борьбы с коррупцией, несмотря на достигнутые успехи. Он заявил и том, что эта борьба продолжится вне зависимости от политической и экономической конъюнктуры.

СМИ сообщили о том, что в период нового президентского срока В.В. Путина будет проведена масштабная чистка в регионах страны, причем она затронет не только руководство субъектов России, но и членов их команд. За основу будет взять так называемый «дагестанский сценарий» борьбы с коррупцией, в результате которого правосудие настигло многих чиновников и даже премьера региона [2]. Действия федерального центра в Дагестане, санация банковского сектора силами Центробанка, а также усилия по обновлению губернаторского

корпуса и так называемое дело Улюкаева, в целом, дают представление о том, с помощью каких моделей предстоит решать проблему борьбы с коррупцией в ближайшее время.

Российский опыт борьбы с коррупцией в сочетании с иностранным опытом далее будет только нарастать и в ближайшее время сделает эту борьбу максимально интенсивной, ведь постоянно поддерживаемая политической волей системная антикоррупционная борьба – главное условие существования и эффективной работы государственного аппарата в будущем.

Библиографические ссылки

1. Баранов В.М., Журавлев С.Ю. Концептуальные основы формирования современных антикоррупционных технологий // Современные стандарты и технологии противодействия коррупции: материалы Третьего Евразийского антикоррупционного форума / отв. ред. Т.Я. Харбиева. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2015. С. 104-112.
2. Герой России Кириенко затевает большой передел в стране [Электронный ресурс]. URL: http://www.topnews.ru/news_id=119197.html (дата обращения: 10.07.2018).
3. Гольцунов Е.П. Обеспечение экономической безопасности в сфере государственных закупок : дис. … канд. экон. наук. М., 2009.
4. Егоров И. Будут увольнять и сажать // Российская газета. 2018. 10 авг.
5. Интервью с Общественным уполномоченным при Президенте РФ по защите малого и среднего предпринимательства, генеральным директором Российского агентства поддержки малого и среднего бизнеса В.П. Ермаковым // Юрист. 2015. № 21. С. 4.
6. Мониторинг перспективы деятельности некоторых российских компаний № 165. М., 2017.
7. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. О защите конкуренции: федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Полукаров А.В. Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия коррупции в сфере здравоохранения : дис. … канд. юрид. наук. М., 2013.
10. Раянов Ф.М. Сущность правового государства: историко-цивилизационный подход // Правовое государство: теория и практика. 2012. № 4 (30). С. 8-16.
11. Мировой опыт борьбы с коррупцией и российские реалии / Центр политической информации. М., 2018.
12. Чайка Ю.Я. Сколько денег Россия потеряла из-за коррупции [Электронный ресурс]. URL: http://www.the-village.ru/village/city/news-city/294994-dengi (дата обращения: 12.12.2017).
13. Уголовный кодекс РФ: федеральный закон РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References

1. Baranov V.M., Zhuravlev S.YU. Kontseptual'nyye osnovy formirovaniya sovremennykh antikorruptsionnykh tekhnologiy (Conceptual foundations of forming modern anti-corruption technologies). *Sovremennyye standarty i tekhnologii protivodeystviya korruptsii*, materialy Tret'yego Yevraziyskogo antikorruptsionnogo foruma, otv. red. T.Ya. Kharbiyeva. Moscow, Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF, 2015, pp. 104-112.

2. Geroy Rossii Kiriyenko zatevayet bol'shoy peredel v strane (Hero of Russia Kiriyenko starts a big repartition in the country). URL: http://www.topnews.ru/news_id=119197.html (accessed date: 10.07.2018).
3. Gol'tsunov Ye.P. Obespecheniye ekonomicheskoy bezopasnosti v sfere gosudarstvennykh zakupok (Ensuring economic security in public procurement), dis. … kand. ekon. nauk. Moscow, 2009.
4. Yegorov I. Budut uvol'nyat' i sazhat' (They will be dismissed and imprisoned). *Rossiyskaya gazeta*, 2018, 10 avg.
5. Interv'yu s Obshchestvennym upolnomochennym pri Prezidente RF po zashchite malogo i srednego predprinimatel'stva, general'nym direktorom Rossiyskogo agentstva podderzhki malogo i srednego biznesa V.P. Yermakovym (Interviews with the Public Representative under the President of the Russian Federation for the Protection of Small and Medium-Sized Businesses, and General Director of the Russian Agency for Small and Medium Business Support V.P. Ermakov). *Yurist*, 2015, No. 21, pp. 4.
6. Monitoring perspektivy deyatel'nosti nekotorykh rossiyskikh kompaniy № 165 (Monitoring the outlook for the activities of some Russian companies No. 165). Moscow, 2017.
7. O sudebnoy praktike po delam o zloupotreblenii dolzhnostnymi polnomochiyami i o prevyshenii dolzhnostnykh polnomochiy: postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 16 oktyabrya 2009 g. № 19 (On judicial practice in cases of abuse of power and excess of power: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 16, 2009 No. 19). Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus».
8. O zashchite konkurentsii: federal'nyy zakon ot 26 iyulya 2006 g. № 135-FZ (On the Protection of Competition: Federal Law of July 26, 2006 No. 135-ФЗ). Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus».
9. Polukarov A.V. Ugolovno-pravovyye i kriminologicheskiye mery protivodeystviya korruptsii v sfere zdravookhraneniya (Criminal law and forensic measures to combat corruption in the field of health), dis. … kand. yurid. nauk. Moscow, 2013.
10. Rayanov F.M. Sushchnost' pravovogo gosudarstva: istoriko-tsivilizatsionnyy podkhod (The essence of the legal state: the historical-civilizational approach). *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2012, No. 4 (30), pp. 8-16.
11. Mirovoy opyt bor'by s korruptsiyey i rossiyskiye realii (World experience in the fight against corruption and Russian realities), Tsentr politicheskoy informatsii. Moscow, 2018.
12. Chayka Yu.Ya. Skol'ko deneg Rossiya poteryala iz-za korruptsii (How much money Russia has lost due to corruption). URL: http://www.the-village.ru/village/city/news-city/294994-dengi (accessed date: 12.12.2017).
13. Ugolovnyy kodeks RF: federal'nyy zakon RF ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ (Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ). Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus».

Дата поступления: 11.02.2019 *Received: 11.02.2019*

МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

УДК 341

НЕЗАКОННАЯ МИГРАЦИЯ КАК УГРОЗА ИНТЕРЕСАМ НАРОДОВ РОССИИ

НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права и международных отношений Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: nigm2004@mail.ru

Незаконная миграция является общественно опасным, динамично развивающимся явлением, угрожающим интересам национальной безопасности не только России, но и международного сообщества в целом. Она рассматривается как угроза стабильному развитию национальных экономик, серьезный источник социальной напряженности. Зачастую незаконные мигранты становятся членами международных террористических и экстремистских организаций. ООН создала основательную международную правовую базу по противодействию незаконной миграции. Однако это не дало ожидаемых результатов. Российское государство идет по пути комплексного решения проблемы, включая совершенствование законодательства в сфере миграции, повышение эффективности деятельности правоохранительных органов и подготовки высокопрофессиональных сотрудников миграционной службы, осуществления взвешенной миграционной политики. Необходимым элементом работы является международное сотрудничество по миграционным вопросам с участием ВУЗов России.

Ключевые слова: незаконная миграция, миграционная политика, законодательство в сфере миграции, государство, коренные народы.

ILLEGAL MIGRATION AS A THREAT TO THE INTERESTS OF THE PEOPLES OF RUSSIA

NIGMATULLIN Rishat Vakhidovich
Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of International Law and International Relations of the Institute of Law of the Bashkir State University, Ufa, Russia.
E-mail: nigm2004@mail.ru

Illegal migration is a socially dangerous, dynamically developing phenomenon that threatens national security interests of both Russia and the international community as a whole. It is considered as a threat to stable development of national economies and a serious source of social tension. Often, illegal migrants become members of international terrorist and extremist organizations. The UN created a solid international legal framework to counter illegal migration. However, it has not produced the expected results. The Russian state pursues a comprehensive solution to the problem, including improving legislation in the field of migration, increasing the effectiveness of law enforcement agencies and training highly professional migration services employees, implementing a balanced migration policy. A necessary element of the work is international cooperation on migration issues with the participation of Russian universities.

Key words: illegal migration, migration policy, legislation in the field of migration, state, indigenous peoples.

В рамках ООН ежегодно 9 августа празднуется Международный день коренных народов мира, а в соответствии с резолюцией 71/178 Генеральной Ассамблеи ООН 2019 г. объявлен Международным годом языков коренных народов. На сегодняшний день в мире насчитывается около 370 млн представителей коренных народов, живущих в 90 странах [8]. Развитие

народа возможно лишь при сохранении его языка. Великий русский писатель Л.Н. Толстой сказал: «Как ни говори, а родной язык всегда останется родным. Когда хочешь говорить по душе, ни одного французского в голову нейдет, а ежели хочешь блеснуть, тогда другое дело».

По решениям Генеральной Ассамблеи ООН для просвещения широкой общественности по вопросам, вызывающим озабоченность, для мобилизации политической воли и ресурсов для решения глобальных проблем, а также для прославления и укрепления достижений человечества отмечаются международные дни. В числе основных международных дней ООН отмечаются и языковые дни [7].

Целью языковых дней ООН является празднование многоязычия и культурного разнообразия, а также содействие равному использованию всех шести официальных языков во всей Организации Объединенных Наций, а именно: русского, английского, испанского, французского, арабского и китайского. Вместе с тем, с древнейших времен, люди в поисках лучшей доли перемещаются по планете. При этом происходит и обогащение языков, их смешение, а также утрата языка частью народа в результате ассимиляции, переместившегося в другую страну.

В современной науке перемещение народов получило наименование «миграция». В XXI в. она коснулась почти всех государств мира. В 2017 г. число мигрантов достигло 258 млн, что на 14 млн превышает данные за 2015 г. Женщины составляют 48% от общего числа мигрантов, около 36,1 млн – дети, 4,4 млн – международные студенты и 150,3 млн – трудовые мигранты [9].

Как правило, миграция является следствием стремления получить гражданство, либо временную работу или образование. При определенных условиях миграция может стать незаконной. Это создает негативные последствия как для страны исхода, так и для страны, в которой оказался мигрант. Существуют и нелегальные мигранты. Они либо нелегально пересекают границу, либо незаконно пребывают на территории государства.

Нелегальное проникновение в государство, как правило, осуществляется при помощи транснациональных организованных преступных групп, что таит в себе огромную опасность в связи с тем, что велика смертность среди лиц, ставших жертвами преступников [10]. Реальной является угроза попадания нелегального мигранта в ситуацию торговли людьми. Неслучайно ООН в 2000 г. приняла Конвенцию против транснациональной организованной преступности, а также дополняющие ее Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее.

В Докладе о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 г. отмечалось, что в стране по экспертным оценкам находится от 8 до 10 млн нелегальных мигрантов [4]. Данная ситуация рассматривается как источник социальной напряженности среди российского населения. В тоже время нелегальная миграция создает угрозу самим мигрантам. Они становятся частью нелегального рынка рабочей силы, элементом теневой экономики, что не позволяет им рассчитывать на защиту их гражданских, экономических, социальных и культурных прав в стране пребывания. Нелегальный мигрант не может полноценно участвовать в социально-экономическом развитии государства исхода и государства нахождения.

Постоянное опасение обнаружения создает угнетающий психологический фон, делает невозможным интеграцию мигранта в принимающее сообщество. Положение нелегала не позволяет рассчитывать на высокооплачиваемую работу, как правило, это обслуживающий труд, низкоквалифицированная работа на стройке, или потогонный труд в подпольном цеху и отсутствие всякого медицинского обеспечения и т.д.

Меры, принятые Правительством Российской Федерации, привели к стабилизации ситуации. Так, по итогам 2017 г. было зафиксировано снижение криминальной активности ино-

странных граждан почти на 7 процентов [3]. Усилилась ответственность за незаконное пребывание на территории Российской Федерации. Выявление факта незаконного пребывания теперь влечет при первичном решении о нарушении, запрет на въезд в страну в течение пяти лет, при неоднократном (два и более раз) принятии такого решения не разрешается въезд в течение десяти лет. За январь-февраль 2019 г. 44817 иностранных гражданин и лиц без гражданства получили запрет на въезд в Российскую Федерацию [12]. Если же будет доказано незаконное пересечение государственной границы, то нарушителя ждет уголовное наказание.

Российская Федерация активно борется и с организаторами незаконной миграции. Так, за 2017 г. за данный вид преступления было осуждено 740 лиц по ст. 322.1 УК РФ, в 2018 г. было осуждено 744 лица за организацию незаконной миграции по ч. 1 ст. 322.1 УК РФ. В качестве примера можно привести факт возбуждения уголовного дела по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 322.3 Уголовного кодекса Российской Федерации «Фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации» отделом дознания ОМВД России по г. Обнинску. По версии следствия, житель Обнинска 1982 г.р. по месту своего проживания фиктивно поставил на учет иностранных граждан. В ходе проверочных мероприятий установлено, что мужчина не предоставлял жилое помещение по указанному адресу для проживания. В настоящее время подозреваемому инкриминируется 17 эпизодов [5].

Незаконные мигранты попадают в поле зрения членов международных террористических и экстремистских организаций, которые стремятся вовлечь их в свои ряды. Члены террористических организаций пытаются организовать устойчивые каналы нелегальной миграции путем изготовления поддельных документов, для переброски завербованных членов в «горячие точки», привлечения их для совершения террористических актов на территории РФ. По данным ФСБ РФ к сентябрю 2015 г. воевать на стороне ИГИЛ в Сирийскую Арабскую Республику выехало более 2,6 тыс. граждан стран Центральной Азии [11].

Действующее российское законодательство создает достаточную правовую основу для реализации взвешенной миграционной политики государства. 31 октября 2018 г. Указом Президента России была утверждена Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг. [6]. В ней закреплены основные принципы миграционной политики РФ: это обеспечение прав и свобод человека и гражданина; недопустимость любых форм дискриминации; соблюдение норм национального и международного права; гармонизация интересов личности, общества и государства. Концепция закрепила задачи и основные направления миграционной политики, позволяющие противодействовать незаконной миграции.

В качестве одной из мер противодействия незаконной миграции необходимо рассматривать развитие механизмов организованного привлечения иностранных работников в Российскую Федерацию. В настоящее время приоритет отдается высококвалифицированным и квалифицированным специалистам. Так, за период с 1 января по 31 июля 2018 г. было оформлено 69 489 разрешений на работу иностранным гражданам и лицам без гражданства, из них 26 066 высококвалифицированных и квалифицированных специалистов, что составило 37,5%.

Вместе с тем необходимо оказать помощь Центрально-Азиатским республикам в подготовке таких кадров. Это позволит сохранить и увеличить потенциал развития их собственных экономик. Неслучайно Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг., принятая 31 октября 2018 года, в качестве одного из основных направлений миграционной политики в области содействия свободному перемещению обучающихся, научных и педагогических работников предполагает совершенствование механизмов отбора талантливой иностранной молодежи для поступления в российские образовательные организации в пределах выделяемых квот [6].

Выпускники российских вузов из числа иностранных студентов, вернувшись на родину, вносят достойный вклад в социально-экономическое развитие своих стран, что позволяет снизить незаконное миграционное давление. В эту работу большой вклад вносит Башкирский государственный университет. За последние годы вузом заключены договоры о сотрудничестве более чем с 50 университетами-партнерами из Европы, Китая, Центральной Азии и Африки. Сегодня в БашГУ проходят обучение более 300 иностранных студентов из 18 стран как дальнего, так и ближнего зарубежья [13].

Одним из факторов, способствующих развитию незаконной миграции и, как следствие, создающих определенную напряженность на внутреннем рынке труда, является существующий спрос на дешевую, нелегальную рабочую силу. В связи с этим усилена ответственность работодателя. Так, если работодатель нарушил миграционное законодательство, а именно:

- нанял на работу иностранного гражданина без патента;
- использует труд иностранного гражданина не по профессии, указанной в патенте;
- использует труд иностранного гражданина, получившего патент в другом регионе;
- не уведомил миграционную службу о приеме иностранного гражданина на работу, то

он может быть оштрафован на сумму до 1 млн. рублей за каждого иностранного гражданина вплоть до приостановления деятельности его организации до 3 месяцев.

Во взаимодействии с Федеральной службой безопасности, Росфинмониторингом и компетентными органами государств – членов ОДКБ продолжается проведение специальной операции «Нелегал» [2]. Так, сотрудниками полиции МУ МВД России «Серпуховское» в рамках проведения оперативно-профилактической операции «Нелегал–2019» с целью выявления и пресечения незаконной миграции на территории района проверено более 300 объектов промышленности, строительства, торговли и мест проживания иностранных граждан. По итогам операции составлено 98 административных протоколов по соответствующим статьям Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации. Все нарушители миграционного законодательства привлечены к административной ответственности. По 19 фактам судом принято решение о выдворении нелегальных мигрантов за пределы Российской Федерации. Возбуждено 11 уголовных дел по ст. 322.3 Уголовного кодекса Российской Федерации «Фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации» [1].

Таким образом, незаконная миграция – это общественно опасное, динамично развивающееся явление, угрожающее интересам национальной безопасности России и международного сообщества в целом. Необходимо усиление роли государственных органов в реализации миграционной политики, усиление охраны государственной границы, совершенствование законодательства в сфере миграции, повышение эффективности деятельности правоохранительных органов, подготовка высокопрофессиональных сотрудников миграционной службы. Все это, несомненно, будет способствовать реальному сокращению незаконной миграции и полноценному обеспечению права коренных народов на развитие и достойное существование.

Библиографические ссылки

1. В Московской области полицейские провели оперативно-профилактическое мероприятие «Нелегал» [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm/news/item/16303797/ (дата обращения: 24.04.2019).
2. Выступление В. Колокольцева о мерах по противодействию нелегальной миграции [Электронный ресурс] // Сетевое сообщество Livejournal. URL: https://nnils.livejournal.com/3354768.html (дата обращения: 08.09.2018).

3. Доклад Колокольцева на коллегии МВД России [Электронный ресурс] // Информационный сайт «Вольские Новости». URL: http://volsk-news.ru/index.php/oprosy/short/rech-putina-i-doklad-kolokoltseva-na-kollegii-mvd-rossii (дата обращения: 24.04.2019).
4. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. URL: http://ombudsmanrf.org/www/upload/files/docs/appeals/doc_2016_medium.pdf (дата обращения: 24.04.2019).
5. Житель Обнинска Калужской области подозревается в фиктивной постановке на учет иностранных граждан [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm/news/item/16289480/ (дата обращения: 24.04.2019).
6. Концепция государственной миграционной политики до 2025 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. URL: kremlin.ru/events/president/news/15635 (дата обращения: 08.09.2018).
7. Международные дни ООН [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/sections/observances/international-days/index.html (дата обращения: 24.04.2019).
8. Международный день коренных народов мира [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/events/indigenousday/ (дата обращения: 24.04.2019).
9. Миграция [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/sections/observances/international-days/index.html (дата обращения: 27.04.2019).
10. Нигматуллин Р.В. ООН – координатор в борьбе с транснациональной организованной преступностью // Организация Объединенных Наций – универсальный центр поддержания мира и обеспечения безопасности : материалы Международной научно-практической конференции (г. Уфа, 13 ноября 2015 г.) / отв. ред. Р.В. Нигматуллин. Уфа : РИЦ БашГУ, 2015. С. 46-54.
11. Попов Д.С. ИГИЛ в Центральной Азии [Электронный ресурс] // Российский институт стратегических исследований URL: https://riss.ru/analitycs/26820/ (дата обращения: 24.04.2019).
12. Статистика и аналитика [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд. рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/16179446/ (дата обращения: 24.04.2019).
13. Сулейманова Р.Р. Роль Башкирского государственного университета в формировании международного имиджа Республики Башкортостан // Организация Объединенных Наций – универсальный центр поддержания мира и обеспечения безопасности : материалы Международной научно-практической конференции (г. Уфа, 13 ноября 2015 г.) / отв. ред. Р.В. Нигматуллин. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. С. 131.

References

1. V Moskovskoy oblasti politseyskiye proveli operativno-profilakticheskoye meropriyatiye «Nelegal» (In the Moscow region, the police has conducted an operational preventive action “Nelegal”). *Ofitsial'nyy sayt MVD Rossii*. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm/news/item/16303797/ (accessed date: 24.04.2019).
2. Vystupleniye V. Kolokol'tseva o merakh po protivodeystviyu nelegal'noy migratsii (Speech by V. Kolokoltsev on measures to counter illegal migration). *Setevoye soobshchestvo Livejournal*. URL: https://nnils.livejournal.com/3354768.html (accessed date: 08.09.2018).
3. Doklad Kolokol'tseva na kollegii MVD Rossii (The report by Kolokoltsev on the board of the Ministry of Internal Affairs of Russia). *Informatsionnyy sayt «Vol'skiye Novosti»*. URL: http://volsk-news.ru/index.php/oprosy/short/rech-putina-i-doklad-kolokoltseva-na-kollegii-mvd-rossii (accessed date: 24.04.2019).

4. Doklad o deyatel'nosti Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiyskoy Federatsii za 2016 g. (Report on the activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2016). *Ofitsial'nyy sayt Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiyskoy Federatsii*. URL: http://ombudsmanrf.org/www/upload/files/docs/appeals/doc_2016_ medium.pdf (accessed date: 24.04.2019).
5. Zhitel' Obninska Kaluzhskoy oblasti podozrevayetsya v fiktivnoy postanovke na uchet inostrannykh grazhdan (A resident of Obninsk in the Kaluga region is suspected of fictitious registration of foreign citizens). *Ofitsial'nyy sayt MVD Rossii*. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm/news/item/16289480/ (accessed date: 24.04.2019).
6. Kontseptsiya gosudarstvennoy migratsionnoy politiki do 2025 goda (The concept of state migration policy until 2025). *Ofitsial'nyy sayt Prezidenta Rossii*. URL: kremlin.ru/events/president/news/15635 (accessed date: 08.09.2018).
7. Mezhdunarodnyye dni OON (UN International Days). *Ofitsial'nyy sayt OON*. URL: https://www.un.org/ru/sections/observances/international-days/index.html (accessed date: 24.04.2019).
8. Mezhdunarodnyy den' korennykh narodov mira (International Day of the Indigenous Peoples of the World). *Ofitsial'nyy sayt OON*. URL: https://www.un.org/ru/events/indigenousday/ (accessed date: 24.04.2019).
9. Migratsiya (Migration). *Ofitsial'nyy sayt OON*. URL: https://www.un.org/ru/sections/observances/international-days/index.html (accessed date: 27.04.2019).
10. Nigmatullin R.V. OON – koordinator v bor'be s transnatsional'noy organizovannoy prestupnost'yu (UN – coordinator in the fight against transnational organized crime). *Organizatsiya Ob"yedinennykh Natsiy – universal'nyy tsentr podderzhaniya mira i obespecheniya bezopasnosti*, materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Ufa, 13 noyabrya 2015 g.), otv. red. R.V. Nigmatullin. Ufa, RITS BashGU, 2015, pp. 46-54.
11. Popov D.S. IGIL v Tsentral'noy Azii (ISIS in Central Asia). *Rossiyskiy institut strategicheskikh issledovaniy*. URL: https://riss.ru/analitycs/26820/ (accessed date: 24.04.2019).
12. Statistika i analitika (Statistics and analytics). *Ofitsial'nyy sayt MVD Rossii*. URL: https://mvd.rf/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/16179446/ (accessed date: 24.04.2019).
13. Suleymanova R.R. Rol' Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta v formirovanii mezhdunarodnogo imidzha Respubliki Bashkortostan (The role of the Bashkir State University in shaping the international image of the Republic of Bashkortostan). *Organizatsiya Ob"yedinennykh Natsiy – universal'nyy tsentr podderzhaniya mira i obespecheniya bezopasnosti*, materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Ufa, 13 noyabrya 2015 g.), otv. red. R.V. Nigmatullin. Ufa: RITS BashGU, 2015, p. 131.

Дата поступления: 11.05.2019 *Received: 11.05.2019*

РЕЦЕНЗИИ

УДК 340.1+34(091)

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ФИЛОСОФСКАЯ КНИГА О ПРАВЕ. Рецензия на монографию С.И. Захарцева, Д.В. Масленникова, В.П. Сальникова «Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. М.: Юрлитинформ, 2019. 376 с.»

РАЯНОВ Фанис Мансурович
доктор юридических наук, профессор, член-корр. Академии Наук Республики Башкортостан, профессор кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: rfm@yandex.ru
ГАЛИЕВ Фарит Хатипович
доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: galievfarkhat@mail.ru

THE FUNDAMENTAL PHILOSOPHICAL BOOK ON LAW. Review of the monograph by S.I. Zakhartsev, D.V. Maslennikov and V.P. Salnikov «Logos of law: Parmenides - Hegel - Dostoevsky. On the issue of the speculative logical foundations of metaphysics of law. Moscow: Yurlitinform, 2019. 376 p.»

RAYANOV Fanis Mansurovich
Doctor of Sciences (Law), Professor, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the FBSEI HE "Bashkir State University", Ufa, Russia.
E-mail: rfm@yandex.ru
GALIEV Farit Khatipovich
Doctor of Law, Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of Bashkir State University, Ufa, Russia.
E-mail: galievfarkhat@mail.ru

Рецензируется монография С.И. Захарцева, Д.В. Масленникова и В.П. Сальникова «Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права». В книге рассмотрены труды первого древнегреческого философа Парменида, подходы к праву Гегеля и Достоевского, а также и других философов. Рецензенты приходят к выводу о фундаментальности данной книги для философии и философии права, ее международном академическом уровне.

Ключевые слова: философия; бытие; философия права; право.

The monograph by S.I. Zakhartsev, D.V. Maslennikov and V.P. Sal'nikov "Logos of law: Parmenides - Hegel – Dostoevsky. On the issue of the speculative logical foundations of metaphysics of law" is reviewed. The book discusses the works of the first Greek philosopher Parmenides, Hegel's and Dostoevsky's, as well as other philosophers' approaches to law. The reviewers conclude that the book is fundamental for philosophy and philosophy of law, and is at international academic level.

Key words: philosophy; being; philosophy of law; law.

Книга С.И. Захарцева, Д.В. Масленникова и В.П. Сальникова «Логос права» не просто интересна и значима, но и по-своему уникальна для современной философии права.

В ней, во-первых, под новым углом рассматривается философия Парменида, Гегеля и Достоевского. А во-вторых, что может быть еще более ценно, на базе трудов указанных философов обосновывается новый философский подход к праву, к философии права.

С.И. Захарцев, Д.В. Масленников и В.П. Сальников не раз писали, что принцип единства мира заключается в упорядоченности, представляет собой систему, а не хаотичную массу. И философия права, если она хочет быть именно философией, должна показать как всеобщее единство раскрывает в себе определенность права и правового сознания.

Философия права не входит в общую теорию права, а обозначает ей направления познания права, методологию права, формулирует подходы и фундаментальные проблемы права, ищет пути их решения. Тогда получается, что в предмет философии права входят основополагающие вопросы правового бытия, сущности права, методологии познания права, ценностей права, осознания права, логики права, места человека в правовых отношениях. Этот широкий, фундаментальный и именно философский подход лежит в основе сформулированной авторами компрехендной теории права [2; 3; 5; 6; 7; 8].

Вызывает уважение и поддержку, что С.И. Захарцев, Д.В. Масленников и В.П. Сальников вернули интерес к творчеству выдающегося древнегреческого философа Парменида и рассмотрели его идеи вместе с Гегелем. Ведь именно Парменид первым ставил вопрос не просто о сущности мироздания, а именно о бытии, причем о едином бытии мира и человека. Говоря конкретнее: о единстве чистого бытия и того, что есть главное в человеке, – мышления. Философ предлагал мышлению осуществить над собой некую интеллектуальную операцию, посредством которой оно в самом себе находит определение бытия.

Парменид обнаруживал, что истинное мышление может быть только мышлением о бытии, поскольку мысль о небытии заключает в себе противоречие, а значит и невозможна. Она является лишь имитацией мышления, грамматической конструкцией, но не мыслью. Небытие невозможно ни помыслить, ни выразить, ни назвать, так как сказать «есть небытие» уже означает отрицать его природу как не-сущего. Сказать, что «есть небытие», может лишь тот, кто не понимает самой природы мышления. «"Мышление истины есть мышление бытия" и одновременно – отделение мышления бытия от мышления небытия, от ничто. Мышление «ничто» невозможно. Тот, кто утверждает обратное, просто не понимает, что он говорит, не понимает самой природы мышления. Либо уволит нас с пути истины. Ибо мыслить – то же, что быть» [13, с. 296].

Как известно, Гегель называл Парменида первым философом и принято считать, что именно Парменид открыл классическую философию. Сейчас, будем объективны, к Пармениду и его значению для философии обращаются не так часто. И то, что С.И. Захарцев, Д.В. Масленников и В.П. Сальников, вначале обратились к трудам этого выдающегося древнегреческого философа, заслуживает уважение и поддержку.

Основная часть монографии посвящена работам Гегеля и Достоевского.

Парменид открывает классическую философию. Гегель ее завершает. Проблемы познания, поставленные в ходе исторического развития науки, получают в немецкой классической философии свое разрешение. «Абсолютное есть противоречащее себе единство субъекта и объекта, мышления и бытия. Постижение его как такового противоречащего себе единства и означает, что историческое развитие диалектики отношения субъекта и объекта, мышления и бытия завершено… Начинается логическая форма истины, логическое познание всеобщего единства субъекта и объекта, мышления и бытия. Но эта диалектика конкретного в себе самом всеобщего, понятого как абсолютная идея и выраженного в логической форме, и есть всеобщая диалектика Гегеля» [11, с. 16].

В теоретическом отношении понимание сущности бытия как абсолютной свободы требует развития философией своей логической формы, позволяющей мыслить единство субъективности и объективности как абсолютной духовной гармонии. Это является достижением классической философии и в ее высшем результате – достижением Гегеля.

На теоретической основе, формируемой логической философией, дающей метод понимания абсолютного как свободы и свободы как абсолютного, становится возможной разра-

ботка метафизического понимания права как воплощения высшего Добра, абсолютной нравственной идеи в форме абсолютной свободы. Такое понимание, как верно отметили авторы монографии, не может быть возвратом ни к историческим формам естественного права, ни к постулатам теории общественного договора, ни к кантианству [8, с. 332-333].

Но далее настало время Достоевского. По справедливому мнению С.И. Захарцева, Д.В. Масленникова и В.П. Сальникова, русский писатель трансформирует проблему сущности бытия в проблему его смысла. И считает, что для человека центральным вопросом с самых первых дней его бытия был вопрос о добре и зле, о ценностной квалификации своих поступков. Этот вопрос о добре и зле является нравственным alter ego вопроса о сущности и смысле бытия. Без ответа на него не может быть ни нравственности, ни права [8, с. 65]. А чтобы идея абсолютного Добра прозвучала как идея права, она должна быть созвучна душе человека.

И действительно, как точно отметили С.И. Захарцев, Д.В. Масленников и В.П. Сальников, в практическом отношении понимание сущности бытия как абсолютной свободы требует достижения понимания не только сущности, но и смысла бытия. Это означает осознание и признание человеком всеобщей гармонии как собственного, глубоко внутреннего, содержания личности. Этот аспект результата классической философии четко разъяснен у Достоевского.

Именно поэтому многие русские правоведы именно Достоевского считают основателем русской философии права и, судя по всему, С.И. Захарцев, Д.В. Масленников и В.П. Сальников с ними согласны. Они отметили, что Достоевский сам по себе русскую философию права не создал, но определил вектор ее становления и развития.

Так что же такое право?

Как пишут С.И. Захарцев, Д.В. Масленников и В.П. Сальников, свободный человек относится к праву как «своему иному», воспринимает его не как внешнюю чужую силу, а как собственную ценность, разрушать которую неправомерным поведением недопустимо. И эта недопустимость задается ему более высокими основаниями, чем плоский прагматизм или страх перед государством. Как пишут ученые далее, право в его предельно абстрактном выражении является формой отношения одной личности к другой на основании всеобщей идеи свободы и заключается в признании как равной мне и свободной личности. «Правовыми отношения между личностями оказываются только в том случае, если другой не обязательно предполагается мною изначально как равная и свободная личность, однако я полагаю для себя благом именно так относиться к нему» [8, с. с. 327].

Исходя из этого, заключают С.И. Захарцев, Д.В. Масленников и В.П. Сальников, понятие права предполагает идею блага, а значит, если мы говорим об универсальности норм права (а иначе это – не право), и идею абсолютного Блага или абсолютного Добра, что в принципе одно и то же. Право имеет также своей предпосылкой идею всеобщего равенства (или ценности) всех людей, независимо от их «качественных» отличий друг от друга. Право, далее, предполагает идею абсолютной свободы, понимаемой как высшая ценность и как высший императив всякого действия. Синтез этих трех идей (идеи всеобщего равенства, идеи свободы, идеи абсолютного Добра) как раз дает всеобщую идею права [8, с. 328].

Такой вывод крайне интересен, актуален и полезен как для философии права, так и для философии в целом. Этот вывод, кроме того, ярко показывает как значимость труда С.И. Захарцева, Д.В. Масленникова и В.П. Сальникова, так и их статус среди современных правоведов и философов. Важно также понимать, что в России, к ее трагедии, традиционно господствует философия права иностранных государств, где не принято говорить и даже думать об абсолютном Добре и абсолютном Благе для человека, а также о его нравственности. Принципиально другое отношение к добру и злу, особенно в части экономических взаимодействий людей.

Авторы монографии здесь развивают свои позиции в отношении абсолютного Добра и абсолютного Блага, предложенные ранее в своих публикациях [1; 9; 12].

Авторы отмечают, что в данной работе ими был предпринят метод интерпретации логической философии как способа понимания всеобщего единства мышления и бытия (Фихте и Гегель) и истолкования смысла его гармонии (Достоевский). Намечен переход от Логики Логоса к метафизике Логоса права. На этой теоретической основе возможна реинтерпретация содержания классической философии права, понимающей идею абсолютной свободы в качестве порождающей модели права. Диалектика логического в историко-философском процессе может сыграть роль своеобразного «ключа» к постижению природы права как внутренней логики человеческой деятельности различения добра и зла и осуществления в действительности изначальной причастности человека к идее абсолютного Добра. В таком случае есть возможность получить философию права, которая не является ни учением о субстанции права без субъективности (теория естественного права), ни трактовкой права как чистой субъективности без субстанции (неокантианские модели права), а является разъяснением идеи субстанциональной свободы в ее изначальном христианском (а не либеральном) понимании. Причем по форме она будет иметь совсем другую предметность, чем текст «Философии права» Гегеля, которая в действительности более приближена к позитивному учению о праве, чем собственно философско-правовому [8, с. 333-334].

Мы искренне поддерживаем указанные слова, желаем развития российской философии права и благодарим С.И. Захарцева, Д.В. Масленникова и В.П. Сальникова. По нашему мнению, ими подготовлен труд, заслуживающий самых высших академических оценок.

При этом для большей ясности, хотим приведенный здесь вывод чуть разъяснить. Специалистам, конечно, не надо разъяснять, что «Философия права» Гегеля – это, прежде всего, учебник. Мы также не сомневаемся в том, что читатели знают, насколько Достоевский был религиозным христианским писателем и философом. Без Бога, а именно – без Иисуса Христа, Достоевский даже не допускал возможности всеобщей гармонии бытия и нравственности в душе человека. Приятно, что С.И. Захарцев, Д.В. Масленников и В.П. Сальников, в отличие от немалого количества специалистов, не стали обходить религиозность Достоевского, а напротив, четко ее показали. Тем самым книга в значительной степени является также пропагандой русского Православия и русской православной мысли.

Мы поздравляем С.И. Захарцева, Д.В. Масленникова и В.П. Сальникова с написанием фундаментальной монографии. Не сомневаемся, что она займет достойное место в библиотеке классиков философии права. Уверены, что эта книга будет востребована не только в России, но и за рубежом. Желаем авторам новых высоких достижений.

Библиографические ссылки

1. Жданов П.С., Романовская В.Б., Сальников В.П. Добро как должное и зло как реальность (о категории «зла» в русской философии права) // Мир политики и социологии. 2013. № 12. С. 186-191.
2. Захарцев С.И. Право и истина // Мир политики и социологии. 2012. № 9. С. 146-152.
3. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права : монография / под общ. ред. В.П. Сальникова. М. : Норма, 2014.
4. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. М. : Юрлитинформ, 2015.
5. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что такое право? Вопросы онтологии и гносеологии // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 2 (40). С. 14-22.
6. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория познания права // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 8. С. 11-26.

7. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия и юридическая наука : монография. М. : Юрлитинформ, 2019.
8. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права : монография. М. : Юрлитинформ, 2019.
9. Захарцев С.И., Сальников В.П., Хабибулин А.Г., Мурсалимов К.Р. Философия права, добра, зла и преступности. Рецензия на книгу А.И. Александрова «Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса)» / Вступительное слово Член-корреспондента российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с. // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 2. С. 185-196.
10. Идея справедливости в традициях постклассической философии права : научное издание / Р.Ф. Исмагилов и др.; под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб. : Фонд «Университет», 2012.
11. Линьков Е.С. Становление логической философии // Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Ч. 1. Объективная логика. Ч. 2. Субъективная логика. СПб. : Наука, 1997.
12. Сальников В.П., Масленников Д.В., Сальников М.В. Институты права в идее абсолютного Добра // Государственно-правовые институты современного общества : сб. ст. к Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Республики Башкортостан (г. Уфа, 14 декабря 2018 г.) / отв. ред. Ф.М. Раянов. Уфа : БашГУ, 2018. С. 32-40.
13. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / сост. и пер. А.В. Лебедев. Серия "Памятники философской мысли". М. : Наука, 1989.

References

1. Zhdanov P.S., Romanovskaya V.B., Sal'nikov V.P. Dobro kak dolzhnoye i zlo kak real'nost' (o kategorii «zla» v russkoy filosofii prava) (Good for granted and evil as reality (on the category of "evil" in Russian legal philosophy). *Mir politiki i sotsiologii*, 2013, No. 12, pp. 186-191.
2. Zakhartsev S.I. Pravo i istina (Law and Truth). *Mir politiki i sotsiologii*. 2012. № 9. pp. 146-152.
3. Zakhartsev S.I. Nekotoryye problemy teorii i filosofii prava (Some problems of theory and philosophy of law), monografiya, pod obshch. red. V.P. Sal'nikova. Moscow, Norma, 2014.
4. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Filosofiya. Filosofiya prava. Yuridicheskaya nauka (Philosophy. Philosophy of law. Legal science). Moscow, Yurlitinform, 2015.
5. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Chto takoye pravo? Voprosy ontologii i gnoseologii (What is law? The issue of ontology and epistemology). *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2015, No. 2 (40), pp. 14-22.
6. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Komprekhendnaya teoriya poznaniya prava (Comprehensive epistemology of law). *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2015, No. 8, pp. 11-26.
7. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Filosofiya i yuridicheskaya nauka (Philosophy and legal science), monografiya. Moscow, Yurlitinform, 2019.
8. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Sal'nikov V.P. Logos prava: Parmenid – Gegel' – Dostoyevskiy. K voprosu o spekulyativno-logicheskikh osnovaniyakh metafiziki prava (Logos of law: Parmenides - Hegel - Dostoevsky. On the issue of the speculative logical foundations of metaphysics of law), monografiya. Moscow, Yurlitinform, 2019.
9. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P., Khabibulin A.G., Mursalimov K.R. Filosofiya prava, dobra, zla i prestupnosti. Retsenziya na knigu A.I. Aleksandrova «Filosofiya zla i filosofiya prestupnosti (voprosy filosofii prava, ugolovnoy politiki i ugolovnogo protsessa)», Vstupitel'noye slovo Chlen-korrespondenta rossiyskoy akademii nauk, doktora yuridicheskikh nauk, professora D.A. Kerimova. – SPb.: SPbGU, 2013. – 598 s. (The philosophy of law, good, evil and crime. Review of the book by

A.I. Alexandrov, “The Philosophy of Evil and Philosophy of Crime (issues of the philosophy of law, criminal policy and criminal procedure)”, Opening Remarks by Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor D.A. Kerimov. - SPb .: SPSU, 2013. - 598 p.). *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2016, No. 2, pp. 185-196.
10. Ideya spravedlivosti v traditsiyakh postklassicheskoy filosofii prava (The idea of justice in the traditions of postclassical philosophy of law), nauchnoye izdaniye, R.F. Ismagilov i dr.; pod obshch. red. V.P. Sal'nikova. St. Petersburg, Fond «Universitet», 2012.
11. Lin'kov Ye.S. Stanovleniye logicheskoy filosofii (The formation of logical philosophy). *Gegel' G.V.F. Nauka logiki. Ch. 1. Ob"yektivnaya logika. Ch. 2. Sub"yektivnaya logika*. St. Petersburg, Nauka, 1997.
12. Sal'nikov V.P., Maslennikov D.V., Sal'nikov M.V. Instituty prava v ideye absolyutnogo Dobra (Law Institutions in the Idea of Absolute Goodness). *Gosudarstvenno-pravovyye instituty sovremennogo obshchestva*, sb. st. k Vse-rossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu Respubliki Bashkortostan (g. Ufa, 14 dekabrya 2018 g.), otv. red. F.M. Rayanov. Ufa, BashGU, 2018, pp. 32-40.
13. Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov (Fragments of the early Greek philosophers). Ch. 1. Ot epicheskikh teokosmogoniy do vozniknoveniya atomistiki, sost. i per. A.V. Lebedev. Seriya "Pamyatniki filosofskoy mysli". Moscow, Nauka, 1989.

К АВТОРАМ

Приглашаем Вас к сотрудничеству с журналом
«ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»

Цель журнала – консолидировать усилия общественности для решения актуальных проблем в области формирования правового государства.
Основные задачи журнала:
- публикация материалов, посвященных актуальным проблемам государственного строительства, вопросам реформирования правовой системы, законотворческой деятельности, развития парламентаризма, институтов гражданского общества;
- обсуждение проблем повышения эффективности научных исследований в области права, мобилизация усилий научных коллективов на разработку проблем совершенствования государственно-правовой и судебной систем, повышения правовой грамотности населения;
- организация обсуждений проектов нормативно-правовых документов и существующих в российском законодательстве проблем;
- освещение опыта зарубежных стран по совершенствованию законотворческой деятельности и правоприменительной практики, актуальных проблем развития международного права в условиях глобализации.

ПЕРЕЧЕНЬ ТРЕБОВАНИЙ И УСЛОВИЙ ЖУРНАЛА
«Правовое государство: теория и практика»
ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

▪ Статьи предоставляются в редакцию в электронном виде (по электронной почте E-mail: niippg@mail.ru) или на бумажном носителе с приложением электронного варианта на диске 3,5” в формате *.rtf или *.doc текстового редактора Word электронной версии.
▪ Объем публикации – до 0.5 п.л. (20 000 знаков, включая пробелы). В случае предоставления материала, большего по объему, что предусмотрено Порядком предоставления работ для журнала, редакция оставляет за собой право возврата материала автору для сокращения.
▪ Шрифт основного текста работы – 11, шрифт Times New Roman через 1,0 интервала, поля со всех сторон 20 мм. Формат документа: MS WORD (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (Иванов И.И.).
▪ На первой странице указывается ФИО автора, ученая степень, ученое звание, место работы, город, страна и e-mail. Название статьи печатается заглавными буквами. Далее идет аннотация не менее 100 и не более 250 слов. Редакция обращает внимание авторов на то, что общий объем предоставляемого материала, включая (Ф.И.О., ученая степень, звание, место работы, название статьи, аннотация, ключевые слова и библиографические ссылки оформляются на русском и английском языках) не должен превышать 0,5 п.л. (около 20 000 знаков с пробелами). Рукопись подписывается автором на последней странице.
▪ Внутритекстовые текстовые сноски оформляются в самом тексте посредством квадратных скобок: [3, с. 145]. Библиографические ссылки следует оформлять по ГОСТ Р 7.0.5–2008 (без тире). Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала.
▪ Диаграммы, таблицы, рисунки должны быть сделаны в текстовом редакторе Word и дополнительно сохранены в отдельном файле. Фотографии и рисунки прилагаются отдельными файлами в формате TIFF или JPEG.
▪ Все аббревиатуры и сокращения должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

▪ Предоставляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует отсутствие плагиата и других форм неправомерного использования в статье информации.
▪ В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал возвращается автору на доработку, и рукописи подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О произведенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме.
▪ К статье прилагается фото в формате JPG (книжная ориентация с указанием Ф.И.О.) для размещения на сайте журнала. Также следует указать почтовый адрес, номер контактного телефона, они необходимы для связи сотрудников редакции с авторами и в журнале не публикуются.
▪ Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами.
▪ Плата за публикацию с аспирантов не взимается.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-73609 от 31 августа 2018 г. «Роскомнадзор»
Тел.: (347) 228-83-51, E-mail: niippg@mail.ru;
сайт: http://pravgos.ru

Адрес издательства и редакции: 450005, Республика Башкортостан,
г. Уфа, ул. Достоевского, 131, каб. 319.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Газеты. Журналы»
(Роспечать): 81192

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата юридических наук.

Подписка на журнал возможна с любого месяца

Все права защищены и охраняются Законом Российской Федерации «Об авторском праве». Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другим без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Редакция сохраняет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Автор может претендовать на вознаграждение в виде одного бесплатного авторского экземпляра журнала при условии указания им своего адреса. Редакция уважает мнение авторов опубликованных статей, но при этом их мнение не всегда совпадает с мнением редакции.

© Уфа: РИО НИИППГ, 2019

Подписан в печать 13.06.2019 г. Вышел в свет 20.06.2019 г.
Бумага писчая. Формат 60x84/8. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 21.62 Уч. изд. л. 19.37. Тираж 500. Заказ 20.
Свободная цена.

Отпечатано в редакционно-издательском отделе Института права
Башкирского государственного университета
450005, РБ, г. Уфа, ул. Достоевского, 131, к. 105.